3
том 4
2019

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета

ISSN 2500-3372 (print) 2542-1190 (online)

политические
социологические
экономические науки

Bulletin of Kemerovo State University.
Political, Sociological and Economic Sciences
2019, 4(3): 277–360

ВЕСТНИК

2019
том 4 № 3

Кемеровского государственного университета

Политические, социологические, экономические науки

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические, экономические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.

Издается с 2016 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:
Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова (Кемерово, Россия).
Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия)
Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., БГУ (Иркутск, Россия).
Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова М. В., д-р экон. наук, НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

16+

© Кемеровский государственный университет, 2019
© Авторы научных статей, 2019

BULLETIN

Kemerovo State University

Political, Sociological and Economic Sciences

2019
vol. 4 no 3

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67376.

Founded in 2016.

Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6, Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6, Krasnaya St.; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without change, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2019
© The authors of scientific articles, 2019

Editor-in-Chief: *E. A. Morozova,* Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:
I. V. Baranova, Dr. of Economics, Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
S. M. Bychkova, Dr. of Economics, Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
O. V. Glushakova, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
E. A. Kapoguzov, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).
M. M. Kislyakov, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo branch Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russia).
S. A. Kravchenko, Dr. of Philosophy, Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
M. V. Kurbatova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. G. Nemirovskiy, Dr. of Sociology, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
E. V. Nekhoda, Dr. of Economics, Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).
T. G. Ozernikova, Dr. of Economics, Prof., Baikal State University doctor of economic sciences (Irkutsk, Russia).
S. D. Reznik, Dr. of Economics, Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
G. S. Solodova, Dr. of Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. V. Udaltsova, Dr. of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chirun, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Ya. Yu. Shashkova, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3

Политология

Украинский кризис и Россия: теоретико-технологические аспекты проблемы
Андреев А. В. 277

Особенности политического плюрализма в Украине: формирование новой модели партийной системы
Керимов А. А., Вербицкая Т. В. 289

Социология

Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса
Головацкий Е. В., Нятина Н. В. 300

Экономика

Практические аспекты управления качеством на предприятиях строительной индустрии
Емельянович А. А., Коваль С. В., Какорин А. С. 310

Динамика инвестиционной привлекательности Кемеровской области, 2008–2017 гг.
Лазоренко А. А. 318

Современное состояние стратегии развития конгрессно-выставочного туризма в Санкт-Петербурге
Маненков С. А. 327

Применение инновационной технологии *digital marketing* для повышения эффективности продвижения услуг
Подзорова Г. А., Кириллова В. Е., Плешкова Н. А., Грязнова Н. Л. 333

О понимании права и обязанности менеджера обучать подчинённых
Резник С. Д., Чемезов И. С., Финаев П. В. 339

Проблемы подготовки научно-технических кадров (на примере Вологодской области)
Ушакова Ю. О., Усков В. С. 346

Практика применения искусственного интеллекта в сфере управления персоналом нефтегазовых компаний
Шевелева А. В., Шевелев В. С. 354

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3

Political Science

The Ukrainian Crisis and Russia: Theoretical and Technological Aspects of the Problem
Andreev A. V. 288

Features of Political Pluralism in Ukraine: Formation of a New Party System Model
Kerimov A. A., Verbitskaya T. V. 298

Sociology Science

Resources for Civic Initiatives in the Cities of Kuzbass
Golovatsky E. V., Nyatina N. V. 308

Economics Science

Practical Aspects of Quality Management in the Construction Industry
Emelyanovich A. A., Koval S. V., Kakorin A. S. 316

Dynamics of Investment Attractiveness of the Kemerovo Region in 2008–2017
Lazorenko A. A. 325

Current Status of Strategy Development of Congress-Exhibition Tourism in Saint-Petersburg
Manenkov S. A. 332

Application of Digital Marketing Innovation Technology to Improve Service Promotion Efficiency
Podzorova G. A., Kirillova V. E., Plechkova N. A., Gryaznova N. L. 338

On Understanding the Right and Duty of the Manager to Train Subordinates
Reznik S. D., Chemezov I. S., Finayev P. V. 344

Problems of Scientific and Technical Personnel Training in Vologda Region
Ushakova Y. O., Uskov V. S. 352

Practical Application of Artificial Intelligence in Human Resource Management of Oil and Gas Companies
Sheveleva A. V., Shevelev V. S. 359

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

оригинальная статья
УДК 323; 659.1.012.12

Украинский кризис и Россия: теоретико-технологические аспекты проблемы

Андрей В. Андреев [a, @]
[a] ГТРК «Кузбасс», 650036, Россия, г. Кемерово, ул. Телецентр, 7, 3
[@] andreev@gtrk.kuzbass.net

Поступила в редакцию 13.06.2019. Принята к печати 30.07.2019.

Аннотация: В статье рассматриваются промежуточные результаты использования совокупности российских политических стратегий и технологий на украинском направлении внешней политики с момента обретения Украиной государственной независимости с учетом особенностей политического развития последней. Целью работы является выявление предпосылок, характерных особенностей и последствий украинского политического кризиса на рубеже 2013–2014 гг. и сформировавшегося по его итогам политического режима и порядка. На основе системного подхода и сравнительного анализа формулируется общая оценка политической ситуации, сложившейся на Украине по итогам «революции достоинства». На основе формально-логического анализа обосновывается необходимость осуществления комплексной ревизии суммы российских технологий посредством применения системного анализа к определенным политическим обстоятельствам. В результате проведенного исследования обоснована возрастающая роль политических технологий проактивного характера в ситуации глубокого кризиса ранее эффективных политических институтов, механизмов и норм. Акцентируя и обосновывая комплексный характер подобных технологий, сделан вывод о необходимости увязывания последних с политической рефлексией относительно места и роли Украины в системе российской внешней политики, а также относительно особенностей украинского политического процесса и характера сложившейся в этой стране политической системы. На основе обобщения опыта влияния России на упомянутые украинские события были определены общие условия, обеспечивающие эффективность воздействия России на изменчивую политическую ситуацию в странах постсоветского пространства с учетом противоречивости современных политических трендов. Область применения полученных результатов включает в себя сферы внешней политики, государственного управления и публичной политики.

Ключевые слова: политические технологии, политические стратегии, системный подход, постсоветское пространство, кризис развития, Украина, посткризисное регулирование, политическая рефлексия, про-активный подход

Для цитирования: Андреев А. В. Украинский кризис и Россия: теоретико-технологические аспекты проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 277–288. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

Введение

Вопрос о необходимости ревизии «суммы российских политтехнологий», сложившихся в течение 1990–2000-х гг. благодаря усилиям ведущих политтехнологов страны (Д. Орлов, А. Чесноков, Д. Гусев, А. Васильев, Е. Минченко, А. Богданов, К. Калачев, А. Куртов¸ И. Минтусов и др.) и обобщенно рассмотренных в работе О. Матвейчева [1], ставится не впервые. Почему же именно сегодня мы ставим вопрос о «сумме российских политтехнологий» и о необходимости их ревизии? Чем эта самая необходимость определяется?

Согласно часто встречающемуся сегодня определению, политические технологии – это регулярно трансформирующаяся система методов, процедур, форм и способов воздействия на актуальные политические события и поведение различных политических акторов с целью реализации долгосрочных целей и интересов. Политические технологии не только упорядочивают политический процесс, но и формируют определенную политическую реальность, создают условия для решения определенных политических задач.

Политические технологии интегрируют в себя как средства достижения краткосрочных и локальных политических целей (тактика), так и достижение долговременного и комплексного эффекта (стратегия). От адекватности и соразмерности применения тех или иных политических технологий зависит совокупная эффективность системы государственно-политического управления, ее способность решать текущие и перспективные политические задачи. Современный спектр политических технологий весьма широк, и все большее значение именно сегодня приобретают информационно-политические технологии, тесно связанные с определенными практиками социальной и политической инженерии. Оценить особенности и результаты их использования невозможно без контекстуального анализа, который основан на системной методологии, что позволяет исследовать определенные политические и идеологические феномены во всей их многогранности и многоаспектности – примером чего сегодня являются некоторые зарубежные исследования [2].

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

Непрерывно увеличивающееся значение медиа-пространства при решении масштабных задач, решаемых современным обществом (социальных, экономических, политических, военных), побуждает нас к определенной ревизии применявшихся ранее политических технологий и, прежде всего, информационных и тесно связанных с ними социально-инженерных и политико-инженерных технологий. Информационно-политические технологии призваны содействовать осуществлению целенаправленного влияния информационной сферы на другие области социально-политической деятельности посредством определенных трансформационных воздействий на массовое сознание. Массовое сознание выполняет роль своеобразного «универсального коммуникатора», связующего сферу медиа с другими значимыми областями социума воедино. В рамках этого процесса распространения влияния на другие сферы происходит конвертация капиталов (в понимании П. Бурдье [3, p. 94] – финансового в информационный и последнего – в политический; особую роль в процессе такой конвертации играют средства массовой коммуникации (СМК)).

В процессе своей непосредственной деятельности (связанной с трансформацией общественного сознания) происходят своего рода «перекодировки» базового сообщения резонансного характера, когда изменившееся под влиянием СМК отношение общества к определенным значимым политическим событиям меняет общественно-политическую ситуацию в целом. Подобное глубокое изменение ситуации может быть описано и как определенный политико-технологический процесс. Широко известной является модель, называемая экспертами «петля общественного мнения», в рамках которой СМИ влияют на публичных лидеров, формирующих общественные настроения – которые на следующем этапе оказывают воздействие (нередко решающее) на лиц, принимающих политические решения [4, с. 216]. В результате информационно-политический цикл замыкается, когда политические решения реализуются в определенном состоянии публичной сферы.

Сфера принятия решений представляет собой изменчивое пространство возможностей. СМК, реализуя определенную информационно-пропагандистскую линию, создают предпосылки для реализации альтернативного решения из всего спектра возможных вариантов. Так, в случае выборов это принимает форму голосования за того или иного соискателя политических статусов и должностей. В ситуации военного противостояния – форму поддержки того или иного способа его разрешения. Большая часть решений всегда подразумевает определенную альтернативу, и речь идет лишь об определенной расстановке акцентов.

При этом в случае использования политико-информационных технологий, речь чаще всего идет не об альтернативной стратегии публичной коммуникации, но об альтернативном образе политической реальности, сформированной СМК в результате целенаправленной медиа-кампании.

Адекватная существующим запросам социума картина мира позволяет не только истолковывать в свою пользу определенные политические факты, но и последовательно формировать определенную политическую реальность и модель политического порядка. Неадекватная и неустойчивая картина мира не является надежным средством легитимизации существующего политического порядка и весьма уязвима для информационных атак и иных форм контрпропаганды. Пропаганда и контрпропаганда, в свою очередь, неизменно ориентированы на укрепление либо демонтаж картины мира, что неизбежно означает разрушение существующего политического порядка в интересах враждебных ему политических сил.

В итоге медиа-кризисы, разворачивающиеся в информационном пространстве, являются средствами решения политических, социальных, экономических, культурных задач в современном мире, и для их изучения и использования требуется новая методология. При этом следует помнить, что лидирующее положение в медиа-сфере приводит к доминированию в политике и других сферах жизни социума, поэтому вопрос об эффективности использования информационно-политических технологий является особенно актуальным.

Теоретические основания исследования

Проблема эффективности российских политических стратегий (и обслуживающих их технологий) связана с кризисом методологии современных общественных и гуманитарных наук. Одним из возможных путей выхода из подобного кризиса является обращение к системному подходу, который призван прийти на смену методологическому субъективизму и эклектике, которые имели место быть в российской политологии в 1990-е гг. Сложность современных политических процессов требует рассматривать их не как жестко детерминированные, но как сложное динамичное целое, подчиненное законам нелинейной динамики. Политическая система, как любая сложная система, может развиваться, разрешая актуальные противоречия (как внутренние, так и внешние – связанные с внешними вызовами). Осуществлять управление политикой в современных условиях в инерционном режиме едва ли возможно. Подобное актуально и для публичной сферы, когда возрастающая сложность представленных в ней интересов требует более гибких и адаптивных подходов, основанных на усовершенствованной научной методологии.

Методологическая парадигма, способная предложить эффективное решение современных задач, связанных с внутриполитическими и внешнеполитическими вызовами, может быть определена нами как системно-синергодеятельностная [5, с. 54]. Она предполагает рассмотрение политики и массовых коммуникаций как сложных систем,

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

развивающихся в результате совокупности действий вовлеченных в них акторов (глобальных, национальных, региональных, локальных), что предполагает наличие альтернативных траекторий развития и формирующихся на их основе типов политического порядка. Как мы полагаем, модель ближнего окружения России в виде динамичной полевой структуры открытого типа, а не в форме объекта с предопределенными путем планомерных воздействий качествами [6, с. 22], более соответствует современной ситуации, когда привычные структуры и механизмы, определяющие ход и направленность современного политического процесса, находятся в состоянии глубоких изменений.

Соответствующий подобному видению подход предлагает синергетика – наука, изучающая процессы изменений в системах, находящихся в переходном состоянии. Синергетика – лежащее на стыке естественных и гуманитарных наук направление исследований, изучающее принципы и закономерности процесса самоорганизации сложных систем, или, если использовать более строгое научное определение, «наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы» [7, с. 30–31].

Синергетика изучает изменчивые объекты (природные, социальные и иные системы) как системы, которые являются:

- сложными – то есть включают в себя совокупность различных по своему характеру и функциям (что требует комплексного подхода к управлению ими);
- открытыми – то есть испытывающими на себе разнообразные воздействия и влияния со стороны внешних акторов, изменяющие режим их функционирования и характер развития;
- динамическими – то есть обладающие собственной внутренней динамикой, которая определяется внутренними факторами развития и внешними воздействиями;
- самоорганизующимися – то есть способными перейти из состояния трансформации и перехода (творческого хаоса) в состояние определенного порядка;
- нелинейными – то есть способными развиваться не в соответствии с линейной логикой, но исходя из многообразия вариантов развития и момента неопределенности (точки бифуркации).

Обобщенно синергетика основывается на положении о том, что динамичные и самоорганизующиеся системы всегда открыты для взаимодействия с внешней средой, формируя в результате определенной последовательности трансформаций определенную модель организации и порядка.

В качестве такой развивающейся в соответствии с нелинейными закономерностями системы можно рассматривать как внешнюю политику России во внешнем окружении, так и внутриполитический процесс в сопредельных с ней странах, переживающих период сложных и неоднозначных социально-политических трансформаций.

В подобном неустойчивом (и зачастую кризисном состоянии) даже незначительное по своему масштабу воздействие России на эти процессы (либо отказ от действий) могут привести как к значительным внешнеполитическим выигрышам, так и к масштабным потерям в отношениях с соседними странами. От способности прогнозировать подобные события (точки бифуркации) и использовать их для формирования благоприятных для себя тенденций зависит в конечном итоге сама эффективность внешнеполитической стратегии нашей страны, реализуемой в ее «ближнем окружении».

С позиций заявленного подхода, по нашему глубокому убеждению, и необходимо проводить ревизию сложившегося в России опыта политико-технологической деятельности. Прежде всего, необходимо отказаться от «статического» понимания «суммы технологий», которые являются подходящими и действенными независимо от условий места и времени – напротив, синерго-деятельностный подход требует постоянной адаптации применяемых политических технологий не только к особенностям конкретной ситуации, но и к постоянно изменяющемуся социально-политическому контексту. Во-вторых, необходимо отойти от своеобразного политико-технологического «шаманизма», когда политические технологии (формируемые и используемые на импровизационной основе) способны принести положительный результат в отрыве от продуманной и долгосрочной политической стратегии. В-третьих, следует перестать рассматривать объекты применения политических технологий (общество, конкретные его страты, отдельные субъекты политической системы) в качестве абсолютно пассивного реципиента – но учитывать их реакцию и действовать в соответствии с принципом обратной связи. Наконец, современные политические технологии должны применяться не в «догоняющем режиме», не просто приспосабливаться к политической ситуации, посильно уменьшая риски и масштаб вызовов, но изменять саму эту ситуацию в желательном для заинтересованного политического актора направлении.

Украина как ключевой вызов российским стратегиям и технологиям

Узловым событием, протестировавшим состоятельность российских политических стратегий и технологий, стал современный украинский кризис. Его хронология хорошо известна и многократно описана, и поэтому нет смысла останавливаться на нем подробно. Основными проявлениями украинского «кризиса развития» стал ряд более частных кризисов[1]:

[1] Ярошинская А. От Майдана до войны с Россией // Росбалт. 22.01.2014. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/blogs/2014/01/22/1223971.html (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

1. Идентификационный – трудно найти позитивную формулу украинского единства в условиях разделения страны на регионы с различными цивилизационными и геополитическими ориентирами.

2. Политический – постоянная борьба между различными группами элиты за власть, ресурсы и влияние, а также постоянное колебание между президентской и парламентской моделями республики.

3. Социальный – деградация общества и основных сфер его жизни, распад социального капитала.

4. Геополитический – невозможность сохранить нейтральный статус в условиях изменчивых и проблемных взаимоотношений между Россией и Западом.

Современная Украина – страна, основным скрепляющим элементом и гарантом суверенитета которой выступают политическая (прежде всего партийная) элита и тесно связанные с ней бизнес-олигархия и государственное чиновничество. Три перечисленных силы готовы были к торгу по политическим и экономическим вопросам с внешними «игроками», не поступаясь при этом по возможности статусными позициями. Украинским олигархам, несмотря на декларируемый ими «державный патриотизм», была противопоказана последовательная институциональная интеграция как в ЕС, так и в структуры формирующегося Евразийского экономического союза (ЕАЭС), по причине их общей неконкурентоспособности они предпочитали работать в рамках «серых» схем экономического взаимодействия с выводом активов на Запад (преимущественно в оффшоры). Процессы «украинизации» публичной сферы (с ограничением сферы применения русского языка, статус которого был закреплен в Конституции 1996 г.) превращал знание украинского языка в своеобразный тест на лояльность политическому проекту, генерированному украинской политической элитой и руководством страны – причем вне зависимости от региона происхождения очередного украинского президента. Система образования Украины (как начального, так и высшего) за период независимости последовательно работала на формирование новой общеукраинской политической идентичности, которая была отнюдь не комплиментарна России и ее долгосрочным интересам. Борьба за уменьшающийся объем экономических ресурсов и за статусные позиции в рамках регулярно переживающих кризис государственной и политической систем Украины периодически приводила к кризисам и формировала ситуацию «неуправляемой полиархии», что оказывало деструктивное воздействие на все основные государственные институты, по большей части оставшиеся в наследство от Украинской ССР. Лишь двоим из числа украинских президентов удавалось восстановить относительно нормальное функционирование институтов государственной власти – однако активное использование вертикали власти и административного ресурса в интересах аффилированных с властью бизнес-структур формировали феномен системной коррупции, которая снова ослабляла государство и создавала почву для социального взрыва. Прогрессивная утрата производственно-технологического комплекса, сформированного на протяжении истории Советской Украины, зависимость суверенной украинской экономики от циклических колебаний на основных экспортных рынках (прежде всего на мировом рынке стали) и вынужденное «сворачивание» механизмов социального государства лишали страну шансов на долгосрочное и стабильное социально-экономическое развитие; не имея значительных запасов энергоресурсов, Украина не могла рассчитывать на эффект «сырьевого роста» в экономике. Воспроизводящиеся кризисы и упадок украинского социума создавали масштабную почву для протестных настроений и роста националистически-популистских настроений, которые эксплуатировали представители национал-демократических и откровенно праворадикальных сил. Однажды узаконенный «Майдан» в итоге трансформировался в значимый (если не ключевой) механизм передела и легитимации власти на Украине, вытесняя традиционные политические институты и блокируя саму возможность для полноценной правовой институциализации в будущем[2]. Протестные настроения, нараставшие в украинском обществе, умело трансформировались политическим классом страны и обслуживающими его медиа-пропагандистами в стойкую антироссийскою позицию, когда Россия и россияне последовательно позиционировались в качестве источника всех бед Украины, что дополнительно способствовало радикализации общественных настроений и утверждению политических практик откровенно антидемократического характера[3].

Крушение вследствие длительного (и перешедшего в 2013 г. в острую и конфронтационную фазу) кризиса режима Виктора Януковича, с которым Россия с переменным успехом пыталась выстраивать взаимовыгодные и сбалансированные отношения, очевидно, нельзя рассматривать в качестве благополучного результата российской политики последних десятилетий в отношении соседней и связанной многими узами с нами страны. В свою очередь, присоединение Крыма к РФ в результате хорошо известных событий февраля-марта 2014 г. на полуострове и вокруг него стало вариантом асимметричного ответа Москвы на излишне радикальную трансформацию внутриполитического статус-кво и внешнеполитических ориентиров соседнего государства; как полагают некоторые

[2] Стоякин В. Майдан как инструмент демократии // Политический технолог Василий Стоякин. 03.04.2014. Режим доступа: http://stoyakin.org.ua/2014/04/majdan-kak-instrument-demokratii (дата обращения: 11.06.2019).

[3] Манчук А. Страна, в которой нет диктатуры // Ліва: интернет-журнал. 16.05.2017. Режим доступа: http://liva.com.ua/no-dictatorship.html (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

неангажированные новой киевской властью эксперты, Россия посредством столь неординарного шага недвусмысленно заявила о наличии у нее как у великой державы своеобразного права вето на любые односторонние решения, изменяющие политическую ситуацию в ее ближайшем окружении и в мире в целом. «Ревизия мирового порядка», в которой необоснованно обвинили по итогам «крымского решения» 2014 г. Россию, была в действительности начата не ею и задолго до этого в результате односторонних действий Запада в отношении Ирака, бывшей Югославии и Ливии. Результатом дальнейшего развития событий вокруг Украины стал тяжелейший политический кризис на юго-востоке Украины, вылившийся в кровопролитную гражданскую и «гибридную» (по форме) войну на Донбассе. «Русская весна», начавшаяся в ряде областей юга и востока Украины, не привела к перелому ситуации в масштабах всей Украины и сменилась консолидацией политического режима П. Порошенко, умело эксплуатирующего фактор «российской угрозы».

Усугубляет ситуацию то, что на Украине вследствие информационной политики и порожденного ею «милитарного психоза» пока отсутствуют предпосылки для полноценной рефлексии по поводу подлинной природы Евромайдана и его последствий [8]. Одесский журналист, главный редактор газеты «Таймер» Ю. Ткачев полагает, что те, кого сегодня принято называть политическими украинцами, стали жертвой колоссальной по своему масштабу психологической операции, не имеющей аналогов в постсоветской новейшей истории. В данном случае, по его мнению, инициированный с помощью украиских масс-медиа страх выступил как мощнейшая манипулятивная эмоция, изменившая состояние повседневного состояния миллионов украинцев.

В 2014 г. миллионы людей реально верили, что Россия готовит массированное вторжение с целью порабощения Украины силами воинских соединений, состоящих из представителей различных народов, якобы славящихся своей агрессивностью и вооруженных новейшими видами оружия. Россия и россияне были позиционированы как угроза образу жизни и свободам украинцев (хотя реальное наступление на последних вело правительство Украины в процессе радикальных и якобы ориентированных на достижение «европейских» стандартов реформ, фактически демонтировавших социальную сферу страны). Массовый психоз, подкрепленный катастрофическими результатами боевых действий на Донбассе, вылился в массовую русофобию, последствия которой будут ощущаться на Украине еще долго.

Опираясь на эти заключения, Ю. Ткачев выделяет в своей статье несколько референтных групп украинцев по отношению к «майданному феномену».

1. Те, кто пережил мощнейшие личные кризисы, оттолкнулся (в психологическом смысле) от «дна» и начал подниматься в плане осмысления природы Евромайдана и его последствий, проявляя готовность перейти в скором времени и к политическим выводам, и к признанию собственной доли вины в произошедшем и происходящем.

2. Те, кто постепенно начинает осознавать смысл и характер всего произошедшего начиная с 2014 г., но не готов делать ясные выводы и признавать свою личную ответственность из соображений страха – и прежде всего из страха стать изгоями в своей социальной среде, в своем устоявшемся кругу общения, что грозит в итоге потерей общественного положения и работы. В крайней форме препятствием к более глубоким выводам у таких людей может являться возможность поставить таким образом под угрозу свою жизнь, здоровье и свободу; подобные опасения не позволяют многим из них сформировать целостный образ социальной реальности.

3. Люди, которые всё поняли, взвесили, оценили и решили делать вид, что ничего не поняли и продолжают сохранять веру в официальные «майданные» мифологемы и идеологические конструкты. Такие люди фактически лишают себя конструктивного образа будущего и внутреннего психологического комфорта, рискуя «интеллектуальным самоубийством».

4. Люди, которые все еще не поняли до конца смысла произошедших событий и производных от них последствий. В сознании этих людей продолжается своеобразная война: война фактов против мифов, логики против веры. Такие мучительно цепляются за психологически комфортные пропагандистские конструкции (по сути – нагромождения лжи), которые они ошибочно принимают за собственные убеждения. Вместе с тем чувство дискомфорта от осознания увеличивающегося разрыва между пропагандой и реальностью постепенно лишает их внутренней уверенности и размывает майданную идентичность в сознании.

5. Люди, которые не верили в идеалы и цели Евромайдана с самого начала, но были ангажированы возникшим по результатам государственного переворота режима на роль идеологов и технологов масштабной операции по смене доминирующей парадигмы общественного сознания. К их числу относятся т. н. «штатные пропагандисты» режима П. Порошенко, подобные О. Арестовичу, Ю. Бутусову, М. Ганапольскому и ряду других. Неразрывная связь этих людей с правящим на Украине режимом и осознаваемая ими доля ответственности за его деяния не позволяют рассчитывать на какое-либо их «прозрение» в обозримом будущем.

6. Идейные нацисты, социальные реваншисты, уголовники, «бизнесмены» на крови и на войне, представляющие собой различные типы социальных маргиналов и девиантов, – то есть все те, для кого эта война стала уникальной возможностью совершить колоссальный апгрейд, проявив свою действительную антисоциальную и деструктивную сущность. Поскольку данные люди являются носителями очевидной социальной патологии, надеяться на их интеграцию в какое-либо подобие

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

нормального социального и политического порядка едва ли приходится, и единственным возможным вариантом является ставка на их перевоспитание силами здорового большинства украинского общества (которое еще предстоит сформировать)[4].

Недостаточная эффективность российских подходов к Украине

Российские эксперты по Украине, как нам видится, не продемонстрировали готовности в полной мере осмыслить происходящие в украинском социуме изменения. Не менее значимым является вопрос о том, как могла сложиться в соседнем государстве подобная ситуация [9]. На наш взгляд, при формировании долгосрочной стратегии (и ее политико-технологического обеспечения) России в отношении Украины был допущен целый ряд недостатков и ошибок.

1. Общая недооценка пластичности и лабильности общественно-политического сознания украинского социума, что предопределило его изменчивость как следствие трансформаций социально-политической и идеологической ситуации в стране [10, с. 333–334], которая после 1991 г. постепенно трансформировалась в сторону усиления негативного отношения к России.

2. Игнорирование фактора беззащитности украинского общества перед лицом современных технологий деструктивного характер [11], который превращает значительную его часть в объект манипулятивных воздействий с тяжелейшими социально-политическими последствиями.

3. Недооценка позиции значительной части русскоязычной киевской интеллигенции, вовлеченной по идейным и практическим соображениям в проект «европейской Украины», дистанцировавший ее от России[5].

4. Непонимание феномена русскоязычного проукраинского нацизма (т. н. радикального патриотизма), сложившегося в юго-восточных регионах Украины, преимущественно в переживающих социальный упадок индустриальных центрах наподобие бывшего Днепропетровска и Запорожья (который следует отличать от антропологически и культурно мотивированного нацизма, сложившегося в маргинальных слоях населения Западной Украины)[6] – именно с ним следует связывать феномен «Правого сектора» (отчасти), русскоязычных добровольческих батальонов на Донбассе, гражданского корпуса «Азов».

5. Очевидная недооценка влияния многочисленных антироссийских стереотипов, существовавших и воспроизводившихся в украинском массовом сознании на «бытовом» уровне еще в советский период истории [12] и актуализированных посредством целенаправленной политизации уже в годы независимости.

6. Недооценка политической и государственной незрелости украинского политического класса, который (вне зависимости от партийной принадлежности) в силу своего «корпоративного эгоизма» и стремления к извлечению «ренты» из контролируемой им страны привел ее к глубокому системному кризису и подвел под режим «внешнего управления». Причина этому – отсутствие у украинского политического класса продуманной и ответственной стратегии государственного строительства [13].

7. Не принятый во внимание политический инфантилизм украинского крупного бизнеса – олигархов, которые, поддержав в большинстве своем Евромайдан и свержение режима В. Януковича, фактически лишились полноценного суверенного государства как институции, способной и готовой защищать их интересы перед лицом внешнего давления – что ставит сегодня украинскую олигархию перед реальной угрозой «ликвидации как класса» в интересах иностранного капитала (судьбы Д. Фирташа и скандально известного И. Коломойского – тому яркое подтверждение). По нашему мнению, последнее лишь подтверждает то очевидное обстоятельство, что украинский национальный капитал так и не смог осознать не только национальные, но и собственно корпоративные интересы, стать полноценным и ответственным субъектом политики [14].

8. Недооценка фактора нарастающего дефицита экономических ресурсов на Украине с начала 2000-х гг., связанного со структурной деградацией, масштабной коррупцией и отсутствием полноценной стратегии развития[7]. Последний способствовал обострению борьбы группировок внутри украинского правящего класса и создавал предпосылки для свертывания механизмов социального государства и последующего «социального взрыва».

9. Недооцененная экспертами глубокая маргинализация населения Украины вследствие углублявшегося в течение двух десятилетий социально-экономического кризиса, наличие большого числа «переходных» групп со склонностью к аномическим проявлениям – именно это стало основанием для возникновения протестных настроений, которые сформировали социальную основу для Евромайдана как явления[8].

[4] Ткачев Ю. Как обманули страдающих политическим украинством // Монитор Юг. 05.12.2018. Режим доступа: https://mnyug.com/2097-kak-obmanuli-stradayuschih-politicheskim-ukrainstvom-i-kak-ih-vylechit.html (дата обращения: 11.06.2019).

[5] Бабицкий А. Россия и Запад: каким будет выбор русской интеллигенции Украины // Украина.ру. 15.01.2018. Режим доступа: https://ukraina.ru/opinion/20180115/1019772941.html (дата обращения: 11.06.2019).

[6] Стоякин В. Городской расизм или сельский нацизм? Как на Украине скрестить ужа с ежом // Политический технолог Василий Стоякин. 12.11.2018. Режим доступа: http://stoyakin.org.ua/gorodskoj-rasizm-ili-selskij-nacizm-kak-na-ukraine-skrestit-uzha-s-ezhom/ (дата обращения: 11.06.2019).

[7] Коваленко В. Ресурсный дефицит Проекта Украина. 02.03.2011. Режим доступа: http://pickalov.narod.ru/resurs.htm (дата обращения: 11.06.2019).

[8] Тышкевич И. Почему аграрный и металлургический фетишизм не спасёт Украину // Хвыля. 29.10.16. Режим доступа: http://hvylya.net/analytics/economics/pochemu-agrarnyiy-i-metallurgicheskiy-fetishizm-ne-spasyot-ukrainu.html (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

10. Недоучтенный российскими исследователями Украины своеобразный «полит-технологический фетишизм» политического класса Украины, создавший целый слой политтехнологов, которые в ситуации отсутствия у политиков страны последовательной и продуманной стратегии занимались пиаровским мифотворчеством либо просто осваивали выделяемые бюджеты, в то время как созданные украинскими олигархами медиа-холдинги используются не для продвижения полноценной общественно-политической повестки, а для продвижения во власть собственных политических лоббистов в расчете на возмещение затраченных средств[9].

11. Недооценка сложности ситуации в конфессиональной сфере Украины, где с целью ослабления позиций канонической Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) в результате инициированного властями Киева (бывший президент Л. Кравчук) церковного раскола путем учреждения не признаваемой до последнего времени Украинской православной церкви Киевского патриархата во главе с самочинно присвоившим себе титул митрополита М. Денисенко (Филаретом). Наряду с этим, с момента обретения Украиной независимости продолжалась экспансия греко-католической (униатской) и различных протестантских конфессий при активной поддержке из-за рубежа Украины, что ослабило единство православного духовного пространства, связывающего страну с Россией[10].

12. Не принятая во внимание российским экспертным сообществом целенаправленная общеукраинская политическая и информационная кампания по демонизации Донбасса, начатая по согласованию несколькими элитными кланами Украины (прежде всего киевским и днепропетровским) накануне парламентских выборов 2002 г. (и направленная тогда против провластного блока «За единую Украину») и достигшая своего апогея в преддверии президентских выборов 2004 года (вылившись в первый Майдан) и на рубеже 2013–2014 гг., став в итоге частью кампании «милитарного психоза» в ситуации военного конфликта вокруг донецкого региона, начиная с весны 2014 г.[11]

При этом главным подтверждением тезиса о недостаточной эффективности российских подходов к Украине является ситуация, когда в соседней стране отсутствует не просто пророссийская, но и просто принципиальная и последовательная оппозиция режиму П. Порошенко из числа легально действующих политических сил.

Напомним, что Евромайдан стал не просто политическим поражением, но фактическим разгромом Партии Регионов, которая в период существования режима В. Януковича являлась не просто политико-бизнесовой структурой, но и своеобразным фундаментом для частично восстановленной предшествующим президентом Украины вертикали власти. При этом сама Партия Регионов с точки зрения своей внутренней структуры представляла собой коалицию групп влияния, одна из которых была ориентирована на В. Януковича, другая – на главного партийного спонсора Р. Ахметова, третья – на бывшего главу администрации президента Украины С. Лёвочкина и связанных с ним украинских олигархов. Майдан завершился вооружённым переворотом 22 февраля 2014 г., и для легитимации власти понадобились досрочные президентские выборы в апреле 2014 г., на которых победу одержал бывший «регионал» и министр в кабинете министров Азарова П. Порошенко. Фрагменты фактически распавшейся после переворота Партии Регионов были приглашены к участию в легитимации режима Порошенко, приняв в составе переизбранной 26 октября 2014 г. Верховной Рады форму «Оппозиционного блока» (помимо других выделившихся из состава Партии Регионов более мелких парламентских групп).

В свое время Партия Регионов в масштабах всей Украины активно работала на «мягкую» нейтрализацию всех действительно пророссийских партий и движений, включая такие территории, как Крым и Донбасс. Обладая значительной поддержкой со стороны русскоязычных и пророссийских избирателей юго-востока Украины, эта партия раз за разом конвертировала их поддержку на выборах во властные позиции и статусы в Киеве, участвуя в политических «торгах» и соглашаясь по их итогам на ущемление прав и интересов своего электората. На этом фоне возникший в результате распада Партии Регионов «Оппозиционный блок» представляет собой еще более характерное явление. В рядах этого «ребрендингового» объединения ведущие позиции занимают люди, благодаря которым Майдан состоялся как феномен и сумел опрокинуть государственную власть. В числе этих деятелей – Сергей Лёвочкин, который в конце ноября 2013 г. вместе с Дмитрием Фирташем смоделировал знаменитую ситуацию с «избиением студентов», ставшую триггером для «перезапуска» Евромайдана после исчерпания потенциала у не слишком масштабной акции, инициированной либеральным журналистом Мустафой Найемом в ответ на отложенное В. Януковичем подписание Соглашения об ассоциации с ЕС. Помимо бывшего главы президентской администрации, в число содействующих победе Майдана лиц входят упомянутый выше «хозяин Донбасса» Ринат Ахметов

[9] Стоякин В. О глубоких стратегиях Украине можно пока забыть // Политический технолог Василий Стоякин. 17.02.2014. Режим доступа: http://stoyakin.org.ua/2014/02/vasilij-stoyakin-o-glubokix-strategiyax-ukraine-poka-mozhno-zabyt (дата обращения: 11.06.2019).

[10] Скворцов Д. Украина как театр военных действий против христианской цивилизации // Украина.Ру. 20.10.2015. Режим доступа: https://ukraina.ru/opinions/20151020/1014595022.html (дата обращения: 11.06.2019).

[11] Хавич О. История дегуманизации Донбасса. 03.09.2015. Режим доступа: https://automobilrevue.net/v/S0ExcmMxdzlVNU0 (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

и его многолетний пиар-менеджер и сподвижник Борис Колесников, которые своим влиянием в критические дни февраля 2014 г. фактически заблокировали силовой разгон вышедших из под контроля радикалов, к которому склонялся тогда В. Янукович. Заслуживает быть отмеченным и главный партийный эксперт по вопросам энергетики Юрий Бойко, который четыре года уверял Януковича и Азарова в принципиальной способности властей Киева договориться о льготной цене на газ для Украины без вхождения в состав Таможенного Союза, что подтолкнуло В. Януковича к авантюрной игре на противоречиях между Западом и Россией, приведшей его в итоге к крушению. Помимо упомянутых выше лиц, в число теневых «провайдеров» Майдана вошли многие состоявшие в Партии Регионов депутаты, чиновники, министры, главы региональных администраций, работавшие после 2010 г. на проект евроинтеграции, после февраля 2014 г. вместо защиты интересов своих избирателей (к чему их формально не обязывало украинское законодательство) стали дополнительным инструментом легитимации нового «постреволюционного» режима.

При этом лидеры новосозданного «Оппозиционного блока» были готовы отказаться от всякой реальной власти в обмен на сохранение их финансово-экономических «империй» и «зон бизнес-интересов». Причем истоки этой политической сделки восходят к предшествующему Майдану периоду (достаточно вспомнить, что П. Порошенко в свое время являлся не просто рядовым членом, а одним из «отцов-основателей» Партии Регионов). Потенциальная готовность значительной части «регионалов» к коллаборационизму, проявлявшаяся ими задолго до начала Евромайдана, стала одной из важных составляющих победы последнего – когда члены ближайшего окружения, не обладающего сильной политической волей В. Януковича, фактически ввели его в заблуждение и дезориентировали[12]. После бегства Януковича из Киева именно эти деятели Партии Регионов устами главы их партийной фракции в парламенте Ефремова отреклись от законного президента, переложив на него всю вину за произошедшие тогда события и сложившуюся ситуацию.

Режим П. Порошенко, стремящийся использовать в своих интересах различные каналы влияния, фактически интегрировал в число «доверенных партнеров» президента ряд видных фигур из числа регионалов и их «спонсоров». Парадокс «революции достоинства» состоял в том, что немалая часть ее прямых и косвенных победителей (Юлия Тимошенко, Игорь Коломойский, Дмитрий Фирташ) не вошли в число ее бенефициаров, в то время как некоторые бывшие «кучмисты» и «регионалы» превратились в фактических «акционеров» нового режима. Так, группа Ахметова сумела договориться с П. Порошенко, была принята в неформальный «президентский пул бенефециаров» и стала участником нового масштабного передела собственности. Благодаря подобному альянсу Ахметов избежал масштабного банкротства, хотя и потерял часть активов из-за мирового и внутриукраинского экономических кризисов и конфликта на Донбассе. Подобные персональные успехи в ситуации ослабления целого ряда значимых властных и экономических институтов лишь подтверждает преобладание кризисных трендов.

В то же время выстроенная и активно эксплуатировавшаяся П. Порошенко за время его президентского срока «пропагандистская машина» превратилась в инструмент мощной антироссийской кампании, которая обеспечила дополнительную легитимацию созданному им политическому режиму. Консолидированный вокруг Порошенко сегмент украинского политического класса сделал «антироссийскость» своей «визитной карточкой», содействуя трансформации в соответствующем направлении сознания части украинского общества.

Данные социологических опросов последнего времени показывают, что массированная антироссийская пропаганда, ведшаяся с весны-лета 2014 г., позволила сформировать сравнительно прочное «ядро» людей, негативно относящихся к России. Согласно им, на Украине в феврале 2018 г. хорошо или очень хорошо относятся к России 45 % украинцев, плохо или очень плохо – 38 %, в то время как 17 % не определились.

При этом отношение украинцев к России существенно зависит от региона – на западе положительно относятся к России 25 %, в центре – 47 %, на юге – 54 %, на востоке – 58 %.

По отношению к России как к государству украинское общество пребывает в состоянии разделения. Согласно данным опроса, на Украине сегодня одинаковое количество тех, кто хочет закрытых границ с Россией, и тех, кто стремится к независимым, но дружеским отношениям (44 %). Объединиться в одну страну хотят 3 % опрошенных украинцев (в декабре было 4 %, разница статистически не значащая).

Динамика отношения украинцев к россиянам как к народу и нации схожа, но все же несколько отличается от их отношения к России как к государству. По данным КМИС, в мае 2016 г. о хорошем отношении к россиянам высказалось 67 % респондентов из Украины (15 % – очень хорошо и 52 % – скорее хорошо), а в феврале 2019 г. этот показатель составил 77 % (23 % – очень хорошо и 54 % – скорее хорошо). В мае 2016 г. 80 % украинских респондентов негативно отнеслись к руководству РФ (14 % – в основном плохо, 66 % – очень плохо), а в феврале 2019 г. – 69 % (22 % и 47 % соответственно). В этом также можно усмотреть следствие ведшейся на Украине массированной антироссийской пропагандистской кампании, умело использующей ограниченность информации и существующие

[12] Мартынюк В. Партия регионов стала партией предательства. 17.04.2014. Режим доступа: http://www.km.ru/world/2014/04/17/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/737662-partiya-regionov-stala-partiei-predatelst (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

в украинском обществе стереотипы, и сфокусированной в том числе и на руководстве нашей страны.

В свою очередь, «ошеломляющая победа» (*landslide victory*) (73,22 % голосов от общего числа принявших участие в голосовании) бывшего участника КВН, талантливого артиста комедийного жанра и успешного медиа-менеджера Владимира Зеленского на президентских выборах 2019 г. на Украине действительно на время возродила политическую интригу и дискуссии о возможном изменении политического курса страны, но затем последовали неоднозначные по своему характеру шаги и действия нового президента Украины, выдержанные в конфронтационном ключе по отношению к России и демонстрирующие известную растерянность при решении внутренних политических вопросов. На наш взгляд, многие первоначальные ожидания и авансы в отношении В. Зеленского были завышенными, поскольку в результате его электоральной победы на смену одной условной «фракции» победившего Евромайдана (националистически-ориентированной, с праворадикальным уклоном и активным педалированием идеи национализма) приходит другая «фракция» триумфаторов 2014 г. – ориентированная на Европу и Запад и не ангажированная идеями национализма, но при этом вполне национал-патриотическая и видящая своей целью дальнейшее всемерное дистанцирование от России при опоре на либертарианскую и реформистскую идеологию. «Мягкий вариант» платформы Евромайдана был готов и на западе страны (видевшем в режиме П. Порошенко продолжение коррупционных черт предшествующего режима В. Януковича), и на востоке (которому предполагается делать дозированные уступки и убеждать в преимуществах «европейского пути»). В итоге В. Зеленский, создавший себе благодаря сериалу «Слуга народа» привлекательный имидж и уверенно собравший голоса недовольных избирателей, уверенно победил провалившего менеджерские задачи и сделавшего ставку на централизованную государственную агитацию и пропаганду П. Порошенко.

Данные опросов украинской социологической группы «Рейтинг», проведенных в апреле-мае 2019 г. в период развернувшейся тогда избирательной кампании, позволяют охарактеризовать совокупно Владимира Зеленского украинскими респондентами как «президента надежды». Согласно данным опроса от 12–16 апреля, 48 % респондентов ждали улучшения ситуации в стране по итогам президентских выборов. При этом 25 % не предполагали в результате выборов никаких позитивных изменений, а еще 10 % предполагали возможное ухудшение.

Как представляется, ключевыми задачами Владимира Зеленского как новоизбранного президента Украины могу считаться:

- сохранить свой гетерогенный электорат, для чего необходимо не делать «резких движений», т. е. шагов, способных отвратить от него различные группы его избирателей;
- снять накопившееся вследствие социальной неудовлетворенности и по возможности сплотить вокруг созидательных задач переживший в последние годы глубокие трансформации украинский социум;
- закрепить в сознании избирателей свой имидж как серьезного и дееспособного государственного деятеля, успешного в решении накопившихся проблем;
- оперативно сформировать собственную политическую и управленческую команду, свободную от тесных связей с прежним режимом и свободную работать на укрепление имиджа нового президента;
- лишить политического влияния коалицию политиков, заседавших в последнем составе Верховной Рады;
- получить постоянную и устойчивую поддержку Запада и США;
- запустить и реализовать программу «глубоких реформ» по «рецептам МВФ», убедив в их необходимости украинское общество и дополнив их борьбой с коррупцией и «деолигархизацией» (то есть расчисткой «пространства» для активности транснационального капитала). Реализация данного пункта «актуальной повестки» представляется наиболее проблемной в кризисном украинском обществе.

Раздавая не вполне реалистичные обещания и транслируя противоречивые сигналы различным сегментам украинского общества и группам электората, В. Зеленский рискует повторить путь триумфально избранного в 2017 г. французского президента Эммануэля Макрона, получившего в своей стране масштабную поддержку избирателей вследствие крайней непопулярности прежнего истеблишмента и его политики и активно продвигавшего дискурс социального обновления; однако растратившего этот символический капитал вследствие инициированных им жестких и непопулярных реформ и жесткого управленческого стиля. Разочарование французских избирателей преобразовалось во взрыв социального протеста, вершиной чего стало движение «желтых жилетов», потрясшее основы режима Пятой Республики.

Среди ближайших перспектив Украины – неизбежный передел власти и собственности (собственно, уже начавшийся) процесс частичного «замещения» и обновления состава политического класса Украины (за счет приведенных в политику В. Зеленским «новых лиц»). Что касается миротворческих инициатив новой власти, то они неизбежны, однако прорывов на этом направлении ожидать сложно – поскольку «партия войны» на Украине достаточно сильна, а внешнеполитические обязательства, принятые В. Зеленским, достаточно обременительны. Что же касается реформ, то их «углубление» в соответствии с рекомендациями МВФ и с неоднозначными для страны и для рейтинга самого украинского президента последствиями также представляются неизбежными. «Либертарианская

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

платформа» партии «Слуга народа», уверенно проходящей в Верховную Раду, может обернуться для страны масштабными политическими сюрпризами. Таким образом, несмотря на масштабное протестное голосование, изменить вектор развития Украины, заданный Евромайданом, в ближайшее время едва ли удастся. Российскими экспертам по Украине еще предстоит осмыслить причины устойчивости заданного в 2014 г. политического и социально-экономического курса – равно как и многих других феноменов современной украинской политики. Пока же говорить о полноценной экспертной рефлексии относительно причин ощутимой неудачи российской политики в отношении Украины нельзя [15].

Заключение

Понимание проблем политического развития Украины немалой частью российского экспертного сообщества безусловно заслуживает критического анализа и оценки. Подход России к защите своих интересов на Украине был преимущественно инерционным, без понимания ситуации комплексно и в динамике. Следуя устоявшимся дипломатическим традициям, Россия традиционно делала ставку на соглашения с украинской властью и близкими с ней сегментами элиты (в ситуации постоянного ослабления пророссийской ориентации и усиления прозападной ангажированности украинского политического класса). При этом игнорировались внутриэлитная динамика и нарастающая политизация украинского общества в целом в ответ на внешние вызовы и углубляющийся внутренний кризис. Совокупность политических факторов на протяжении двух с лишних десятилетий работали против интересов России, в то время как российское экспертное сообщество и связанные с реализацией проекта «Русский мир» общественные организации продолжали руководствоваться в отношении Украины очевидно устаревшими клише.

Главная же политтехнологическая проблема в контексте описываемой нами ситуации заключалась в том, что Россия проиграла борьбу за публичное и сетевое пространство Украины, борьбу за сознание «среднего украинца» и молодое поколение страны гораздо раньше драматических и переломных событий 2014 г. Поэтому следует определиться, почему же это произошло.

Что же остается делать России в сложившейся ситуации? Очевидно, что необходимо пересмотреть не только стратегии, но и технологии осуществления политического влияния в ближнем зарубежье – причем делать это необходимо в оперативном режиме. Речь должна идти не просто о мониторинге ситуации, но о необходимости прямого и косвенного управления ею с помощью всей совокупности имеющихся ресурсов влияния (принимая во внимание все возникшие и объективно существующие ограничения).

Отдельного рассмотрения заслуживают закономерности, обнаруживаемые в результате анализа эффективности российских стратегий и технологий, примененных в отношении Украины:

1. Избыток ресурсов и множественность контактов и связей не всегда обеспечивают успешное и эффективное влияние на любое из числа соседних государств, некогда входивших в единый СССР. Без наличия долгосрочного и привлекательного проекта «совместного будущего» подобные контакты и связи оказываются малоэффективными.

2. Успешное влияние на внешний социум и политику достигается, когда инфраструктура влияния является консолидированной, т. е. когда все ресурсы политики собраны воедино и работают на единую долгосрочную цель и производные от нее более частные задачи.

3. Основа мягкой силы – привлекательный и многогранный образ страны, последовательно закрепляемый в сознании жителей других государств. У России такого образа в сознании украинцев в полной мере не сложилось, поскольку в российском общественном мнении консенсус по проблемам исторического прошлого пока так и не сложился, а представление о ближайшей исторической перспективе остается дискуссионным и расплывчатым, предельно общим.

По нашему мнению, ключевыми условиями эффективности формирования и управления политической ситуацией в сопредельных постсоветских государствах соответственно являются следующие.

1. Своевременность информационно-пропагандистских воздействий (России необходимо осуществлять про-активное конструирование и перспективное моделирование политической ситуации в той или иной стране постсоветского пространства, подразумевая резонансные воздействия на общественное мнение в соответствующей стране постсоветского пространства).

2. Системность (всеохватность) воздействий на общественное мнение граждан постсоветских государств, в тесной взаимосвязи с кругом вопросов, присутствующих на повестке дня постсоветских государств.

3. Соотнесенность используемых стратегий и технологий существующим в постсоветских странах политическим реалиям и вызовам момента.

4. Сфокусированность оказываемых политических влияний на значимые кризисные ситуации и целевые группы, позволяющие путем «точечных» воздействий изменять публичные ориентиры и политическую ситуацию в странах «ближнего окружения», уменьшая масштаб существующих рисков и вызовов в отношении России.

5. Способность к систематическому воспроизводству политических дискурсов, связанных с устоявшимися убеждениями, нормами и ценностями жителей постсоветских государств.

6. Ясная и непротиворечивая формулировка позиции (мнения) России по всему спектру вопросов с акцентированием содержательной и понятной альтернативы

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

существующим в пределах постсоветского пространства деструктивным политическим стратегиям и практикам.

Особое значение в этой связи могут иметь резонансные технологии воздействия на общественное мнение. Обобщенно политический резонанс – это реакция общественного мнения, определенных слоев и групп общества на текущие политические события и процессы, и прежде всего на решения и действия официальной власти, имеющие публичный характер. Возникновению политических резонансов содействуют современные СМК, которые выполняют не только функцию информирования общества, но и создают в сознании общества определенный образ власти и проводимой ею политики, структурируя публичное пространство. Ситуация в публичной сфере, таким образом, во все большей степени зависит от стратегии, которую избирают СМК.

Гибкое и эффективное управление политическими резонансами создает возможности для ослабления и нейтрализации информационных атак и вызовов и для осуществления собственной информационной стратегии – что создает предпосылки для проведения политики в отношении стран ближнего зарубежья. Резонанс – важная составная часть системы управления общественным мнением, гибкий инструмент, содействующий формированию коллективной воли общества. Наконец, политический резонанс – это средство нахождения компромисса по принципиальным вопросам между властью и обществом с помощью инструментария публичной политики.

Предлагаемый нами подход к использованию политических стратегий, очевидно, нуждается в доработке и конкретизации. При этом делать это придется в сжатые временные сроки и не в самых благоприятных условиях. Однако без формирования новых подходов ни одной стране мира не удастся приспособиться к вызовам современной реальности – последнее необходимо России не только для формирования благоприятной ситуации во внешнеполитическом окружении, но и для сохранения себя в качестве страны, социума и цивилизации в условиях происходящих на наших глазах изменений [16].

Литература

1. Матвейчев О. А. Уши машут ослом: сумма политтехнологий. М.: Алгоритм, 2008. 637 с.
2. Žižek S. Blasphemische Gedanken: Islam und Moderne. Berlin: Ullstein, 2015. 67 s.
3. Corcuff Ph., Accardo A. La Sociologie de Bourdieu: Textes choisis et commentés. Paris: Le Mascaret, 1986. 223 p.
4. Годдард Б. Кампании поддержки политических решений // Справочник по политическому консультированию / под ред. Д. Д. Перлматтера. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 211–220.
5. Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск: СибУПК, 2000. 231 с.
6. Абрамов Ю. Ф., Бондаренко О. В. Синерго-гомеостатический подход к проблеме безопасного устойчивого развития региона. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2002. 56 с.
7. Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация / отв. ред. А. В. Гапонов-Грехов, М. И. Рабинович. М.: Наука, 1983. С. 30–43.
8. Вершинин Л. Р. Евромайдан. Кто уничтожил Украину? М.: Алгоритм, 2014. 208 с.
9. Прокопенко И. С. Вся правда об Украине. Кому выгоден раскол страны? М.: Алгоритм, 2015. 206 с.
10. Жильцов С. С. Украина: 20 лет пути к независимости. М.: Восток-Запад, 2012. 336 с.
11. Кара-Мурза С. Г. Революции на экспорт. М.: Эксмо, 2004. 327 с.
12. Даренский В. Причины феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 39–52.
13. Ставицкий А. В. Украинская элита: идентичность и геополитический выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.
14. Аксёненко С. И. Последнее прибежище. Зачем Коломойскому нужна Украина. М.: Алгоритм, 2014. 180 с.
15. Бирюков С. В., Андреев А. В. Украинский кризис российской политики. К ревизии политических технологий // Вопросы политологии. 2017. № 4. С. 215–222.
16. Бирюков С. В., Андреев А. В. Информационная революция, политические резонансы и проблемы управления публичной сферой // Этносоциум. 2014. № 12. С. 80–85.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

The Ukrainian Crisis and Russia: Theoretical and Technological Aspects of the Problem

Andrey V. Andreev [a, @]

[a] Provincial television and radio channel "Kuzbass", 7, 3, Telecentr St., Kemerovo, Russia, 650036

[@] andreev@gtrk.kuzbass.net

Received 13.06.2019. Accepted 30.07.2019.

Abstract: The article deals with the intermediate results of the use of a set of Russian political strategies and technologies in the Ukrainian direction of Foreign Policy since Ukraine gained independence. The research takes into account the peculiarities of the political development of Ukraine. The research objective was to identify the prerequisites, characteristics, and consequences of the Ukrainian political crisis at the turn of 2013–2014 and the resulting political regime and order. A systematic approach and comparative analysis made it possible to formulate a general assessment of the political situation in Ukraine following the so-called "the Revolution of Dignity". On the basis of formal-logical analysis, the author substantiated the need for a comprehensive audit of the amount of Russian technologies through the application of system analysis to certain political circumstances. The author substantiated the increasing role of political technologies of pro-active character in the situation of deep crisis of previously effective political institutions, mechanisms, and norms. The resonant nature of such technologies made it possible to link the latter with the political reflection on the place and role of Ukraine in the system of Russian Foreign Policy, as well as on the peculiarities of the Ukrainian political process and the nature of its political system. The author generalized the experience of Russian influence on the mentioned Ukrainian events and defined the general conditions that can allow Russia to affect a changeable political situation in the post-Soviet countries, taking into account the inconsistency of modern political trends. The scope of the results can be used in the spheres of foreign policy, public administration, and public policy.

Keywords: political technology, political strategy, system approach, post-Soviet space, development crises, Ukraine, post-crisis regulation, political reflection, Pro-active approach

For citation: Andreev A. V. The Ukrainian Crisis and Russia: Theoretical and Technological Aspects of the Problem. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 277–288. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

References

1. Matveichev O. A. *Tail wagst dog: the sum of political technology.* Moscow: Algoritm, 2008, 637. (In Russ.)
2. Žižek S. *Blasphemische Gedanken: Islam und Moderne.* Berlin: Ullstein, 2015, 67.
3. Corcuff Ph., Accardo A. *La Sociologie de Bourdieu: Textes choisis et commentés*. Paris: Le Mascaret, 1986, 223.
4. Goddard B. Political decision support campaigns. *Political counseling handbook,* ed. Perlmatter D. D. Moscow: INFRA-M, 2002, 211–220. (In Russ.)
5. Gomerov I. N. *The structure and properties of power.* Novosibirsk: SibUPK, 2000, 231. (In Russ.)
6. Abramov Iu. F., Bondarenko O. V. *Synergy-homeostatic approach to the problem of safe sustainable development of the region.* Irkutsk: Irkutskii gos. un-t, 2002, 56. (In Russ.)
7. Danilov Iu. A., Kadomtsev B. B. What is synergetics? *Nonlinear waves. Self-organization*, eds. Gaponov-Grekhov A. V., Rabinovich M. I. Moscow: Nauka, 1983, 30–43. (In Russ.)
8. Vershinin L. R. *Euromaidan. Who destroyed Ukraine?* Moscow: Algoritm, 2014, 208. (In Russ.)
9. Prokopenko I. S. *The whole truth about Ukraine. Who benefits from the split in the country?* Moscow: Algoritm, 2015, 206. (In Russ.)
10. Zhiltsov S. S. *Ukraine: 20 years of independence.* Moscow: Vostok-Zapad, 2012, 336. (In Russ.)
11. Kara-Murza S. G. *Revolution for export.* Moscow: Eksmo, 2004, 327. (In Russ.)
12. Darenskii V. Causes of mass nationalism in the contemporary Ukraine. *Free Thought*, 2016, (5): 39–52. (In Russ.)
13. Stavitskii A. V. *Ukrainian elite: identity and geopolitical choice.* Sevastopol: Ribest, 2013, 208. (In Russ.)
14. Aksenenko S. I. *The last refuge. Why Kolomoisky needs Ukraine.* Moscow: Algoritm, 2014, 180. (In Russ.)
15. Biryukov S. V., Andreev A. V. The Ukrainian crisis of Russian politics. To the revision of political technology. *Voprosy politologii*, 2017, (4): 215–222. (In Russ.)
16. Biryukov S. V., Andreev A. V. The information revolution, political resonance and problems of the managing of public sphere. *Etnosotsium*, 2014, (12): 80–85. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

оригинальная статья
УДК 324

Особенности политического плюрализма в Украине: формирование новой модели партийной системы

Александр А. Керимов [a]; Татьяна В. Вербицкая [a, @, ID]
[a] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
[@] aquitania-17@ya.ru
[ID] http://www.researcherid.com/rid/E-2083-2019

Поступила в редакцию 07.11.2019. Принята к печати 29.11.2019.

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о специфике партийной системы, которая сложилась в Украине после распада СССР. Цель – определить вектор развития партийной системы Украины с учетом ее особенностей как института, обладающего потенциалом по стабилизации политической системы в контексте эволюции украинской государственности. Изучаются факторы, которые повлияли на становление партийной системы Украины: трансформация избирательной системы, ужесточение законодательства о партиях, изменение соотношения сил на политической арене. Определены признаки партийной системы Украины: относительная автономность, закрытость, устойчивость, трехуровневая структура (общегосударственный, региональный и локальный уровни). Исследование опирается на сравнительно-исторический (для выделения этапов эволюции партийной системы Украины с учетом их специфики), структурно-функциональный (в рамках определения роли партийной системы в политических процессах, происходящих в Украине) методы и метод *case-study*. Структурно-функциональный метод, примененный в концепции Н. Лумана, позволяет охарактеризовать содержательные особенности партийной системы Украины как совокупности элементов, обладающей способностью к сохранению устойчивости в контексте событий, происходящих на политической арене Украины. Метод *case-study* применен для изучения особенностей партийной системы Украины, сформировавшихся в контексте эволюции украинской государственности (включая исследование значения таких событий, как политические кризисы и цветная революция). Сделан вывод, что партийная система Украины сложилась, однако отсутствуют предпосылки для ее построения в рамках демократического плюрализма мнений. Результаты исследования позволяют определить перспективы демократического транзита партийной системы Украины, ее формирования на основе политического плюрализма.

Ключевые слова: многопартийность, поддержка электората, демократический транзит, политическая система, партийная конкуренция

Для цитирования: Керимов А. А., Вербицкая Т. В. Особенности политического плюрализма в Украине: формирование новой модели партийной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 289–299. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

Введение

Становление партийной системы в Украине на современном этапе существования страны (после 1991 г.) обусловлено особенностями формирования украинской государственности, политической системы Украины в качестве актора внутренней и внешней политики. Изучение специфики партийной системы, сложившейся в Украине в настоящее время, позволяет определить, реализуется ли в рамках ее функционирования принцип политического плюрализма, налажен ли коммуникационный канал связи с электоратом для учета мнения избирателей при проведении выборов.

Особенности партийной системы Украины были предметом неоднократного изучения исследователей [1, с. 16; 2, с. 49; 3, с. 23; 4, с. 163; 5, с. 223; 6, с. 49; 7, с. 132; 8, с. 242; 9, с. 396; 10, с. 214]. Осуществлялось изучение особенностей отдельных периодов в эволюции партийной системы Украины [11, с. 91; 12, с. 133], проводился сравнительный анализ партийной системы Украины и других стран [13, с. 14; 14, с. 15; 15, с. 157], изучалась специфика модели партийной системы, сформировавшейся в Украине, в контексте политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве [16, с. 37; 17, с. 210, 18, с. 47; 19, с. 168]. Тем не менее отсутствовало комплексное исследование партийной системы Украины в контексте ее становления и развития, обусловивших ее специфику. Дальнейшее исследование особенностей партийной системы Украины необходимо для того, чтобы установить, могут ли отдельные входящие в нее силы, политические партии, обрести влияние с опорой на поддержку значимой

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

части украинского общества в Верховной Раде (особенно в результате досрочных выборов июля 2019 г., изменивших соотношение сил в партийной системе Украины), которая доверием населения не пользуется.

Важно определить, обусловит ли появление влиятельной в украинском социуме политической партии изменение соотношения сил в партийной системе и, как следствие, в парламенте Украины. И если такой партии удастся создать парламентское большинство (как «Слуге народа», получившей 40 % голосов электората), то обретет ли Верховная Рада Украины черты подлинно представительного органа власти и станет инструментом защиты политической системы страны от беспрерывных кризисов.

Также необходимо установить, соответствует ли партийная система Украины требованиям демократии и какие меры нужно принять для совершенствования партийной системы государства. Так, партийная система Украины обладает потенциалом, чтобы стать институтом, содержащим в себе инструменты и ресурсы по стабилизации политической системы государства, развития парламентаризма в Украине. Реализация этого потенциала возможна только в том случае, если в партийной системе Украины будут присутствовать политические силы, пользующиеся влиянием в украинском обществе, партийная система будет функционировать на основе политического плюрализма, предполагающего наличие механизма коммуникации политических сил и электората.

Применение структурно-функционального метода в концепции Н. Лумана при проведении исследования позволит определить роль партийной системы Украины в контексте происходящих в государстве политических трансформаций и изучить особенности партийной системы Украины как политического института, обладающего способностью сохранить равновесие в качестве системного образования при взаимодействии с внешней средой (событий, происходящих на политической арене) [20, p. 360]. Сравнительно-исторический метод необходим для выделения и изучения специфики каждого из этапов эволюции партийной системы Украины. Метод *case-study* позволяет учесть значение событий и процессов, возникающих на политической арене в эволюции партийной системы Украины.

Следует отметить, что до настоящего момента в Украине не произошло преобразование монопартийной системы в действительно многопартийную. Было создано и функционирует значительное количество политических сил, однако нельзя сказать, что такая многопартийность соответствует демократическим требованиям политического плюрализма. После того как Коммунистическая партия Украины перестала быть влиятельной силой в политической системе государства, на разных этапах становления украинской государственности появлялись политические партии, общественные объединения и даже движения разного спектра, которые легко могли поменять окраску, нарушить программу партии и присоединиться к тому блоку, который должен был считаться оппозиционным. Подобная политическая «гибкость» не приводила к тому, чтобы какая-либо партия получала значимую общественную поддержку. Во многом причины подобного положения дел в том, что в политическом истэблишменте Украины в действительности не было сил, заинтересованных в развитии партийной конкуренции за голоса электората, несмотря на политические лозунги. Поэтому речь идет не о развитии, но о незначительной эволюции партийной системы Украины, которая происходила на ряде этапов.

Эволюция партийной системы Украины

Этапы эволюции партийной системы Украины определяются периодами трансформации политического режима Украины и соответствуют вехам в становлении украинской государственности с учетом т. н. Революции достоинства 2004 г. и Евромайдана 2013–2014 гг. Исходя из указанного критерия, можно выделить четыре этапа эволюции партийной системы страны: 1) 1991–2004 гг. – начало формирования партийной системы Украины; 2) 2004–2010 гг. – становление регионального уровня партийной системы государства; 3) 2010–2013 гг. – стабилизация партийной системы; 4) 2013 г. – настоящее время – радикализация украинской партийной системы.

1. **1991–2004 гг.** Первый этап представляет собой начало формирования партийной системы Украины [21, с. 143]. Поскольку у политической элиты, находящейся во власти или стремящейся к ней после распада СССР, отсутствовал опыт государственного строительства в соответствии с требованиями демократии, то все партии предлагают однотипные программы развития в Украине конституционного строя без учета социально-экономических реалий страны. В силу того, что на этом этапе не было создано законодательства о политических партиях, то могли быть сформированы партии, общественные объединения и даже движения любой политической окраски. Подобная упрощенность создания и функционирования партий не привела к формированию действительной многопартийности. Во-первых, длительное время сохраняла влияние Коммунистическая партия Украины (обществу необходимо было время, чтобы произошли изменения в политическом мировоззрении граждан), политическая элита у власти на момент распада СССР происходила из Коммунистической партии. Во-вторых, другие политические партии не стали пользоваться поддержкой значимой части украинского общества из-за того, что не учитывали в своих программах и действиях по обретению поддержки электората неоднородность украинского социума. Учитывая политические реалии государства, такие партии в скором времени стали представлять интересы экономической элиты, сращенной с политической элитой[1].

[1] Bailey L. Ukrainians Protest for Regime Change (Ukraine without Kuchma), 2000–2003 // Global Nonviolent Action Database. 02.09.2013. Режим доступа: https://day.kyiv.ua/en/article/close/ukraines-first-partybureaucrats-could-not-keep-power (дата обращения: 19.01.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

Так наметилась развивающаяся во все периоды эволюции партийной системы Украины тенденция к отделению партийной системы Украины вплоть до ее закрытости от социума. Данная тенденция идет вразрез с демократическими требованиями к партийной системе относительно прихода к власти партий, пользующихся значимой общественной поддержкой. Соответственно, все меньше со временем стала вероятность того, что в ходе построения партийной системы Украины будет реализован принцип политического плюрализма. Но до 2004 г. политической элите удавалось создавать видимость стремления к демократии, поскольку общество испытывало социально-экономический кризис, не сразу было готово к появлению подлинной многопартийности и партийной конкуренции и полагало, что государство только формируется и партийная система Украины получит развитие.

Следует отметить и положительный момент – с первого этапа были созданы предпосылки для того, чтобы партийная система Украины действительно стала устойчивой структурой, упорядоченной совокупностью элементов (политических сил), способной приспосабливаться к политическим кризисам.

2. **2004–2010 гг.** – регионализация партийной системы Украины. После Оранжевой революции 2004 г. стало очевидным, что общедемократические лозунги не смогут привлечь достаточного числа сторонников, получить достаточную общественную поддержку, продолжил углубляться разрыв между партийной системой и украинским обществом. Одновременно с этим принимается законодательство, посвященное регулированию процесса создания и деятельности политических партий. Поскольку в законодательстве Украины не было требования об обязательном наличии подразделений партий в нескольких регионах, то получает распространение и поддержку общества региональные политические партии. Формируется региональная партийная система, которая была способом адаптации партийной системы Украины к событиям Оранжевой революции[2].

Таким образом, Оранжевая революция 2004 г. стала настоящим испытанием, проверкой на прочность партийной системы Украины, которую она выдержала и сумела стабилизироваться. Баланс в системе был достигнут, во-первых, поскольку Верховная Рада, представительный орган, который еще не утратил в полной мере общественного доверия, стала доминировать в политической системе Украины, во-вторых, благодаря развитию партийной системы Украины на региональном уровне. Региональные партии обретали большую поддержку населения территорий, на которых были созданы, и популярность по всей стране, а Партия регионов стала общегосударственной оппозиционной партией с 2006 г. И именно благодаря развитию регионального уровня партийной системы Украины общегосударственным партиям в целом удалось сохраниться у власти, обеспечить свое присутствие в парламентских фракциях Верховной Рады. Благодаря наличию региональных партий общество считало, что его интересы отражаются и решаются его проблемы, пусть и на уровне отдельных территорий, а не в рамках всей страны [22]. Кроме того, с первого этапа эволюции партийной системы Украины и особенно в этот второй период проявилась тенденция того, что партии легко стали менять политическую окраску, чтобы достичь коалиций и в идеале – парламентского большинства [23, p. 13]. Например, действующая с 1991 г. ультраправая партия Украины «Свобода» с 1991 г. по 2004 г. была преобразована в менее радикальную и более центристскую «Социал-национальную партию Украины», и во втором периоде, с 2004 г., партия вновь стала ультраправой и была переименована в «Свободу». Пропрезидентские партии в Верховной Раде утратили свои позиции, что попытался исправить с учетом ошибок Л. Кучмы В. Янукович. Благодаря поддержке партии «Наша Украина» В. Януковичу удалось прийти во власть; вместе со своим сторонником, который стал мэром Киева, В. Кличко, В. Янукович сформировал пропрезидентский блок на основе партий «Солидарность» и «Борьба», которые, однако, не представляли собой подавляющую силу ни в партийной системе, ни в Верховной Раде. В силу опоры на партию «Родина» к власти пришла Ю. Тимошенко. С учетом разнородности украинского общества региональным политическим партиям не удалось получить поддержку на общегосударственном уровне.

3. **2010–2013 гг.** – стабилизация партийной системы вплоть до вмешательства внешних сил в виде Евромайдана 2013–2014 гг., который был угрозой существованию и для партийной системы Украины. Сложился относительный баланс в партийной системе, поскольку ни одной из партий не удалось приобрести влиятельные позиции. Причина в том, что партии не пользовались поддержкой общества и в Верховную Раду не было введено большое количество пропрезидентских сил. В. Януковичу удалось быть арбитром среди олигархических кланов, интересы которых представляли политические партии. К тому же ухудшение социально-экономического положения государства потребовало внимания как политического истэблишмента, так и общества. Укреплению партийной системы Украины с точки зрения отсутствия резкого неприятия общества иностранного вмешательства способствовал также внешнеполитический баланс, обусловленный провозглашением В. Януковичем многовекторной внешней политики. Как отмечает Р. С. Мухаметов, в указанный период отношения России и Украины имели прагматичный характер и между странами происходило конструктивное взаимодействие [24, с. 109]; поэтому отношения Украины с Западом (ЕС, США, НАТО) постепенно развивались, но не предполагали вмешательства иностранцев [24, с. 110].

[2] Ukraine // Election Guide. 07.02.2010. Режим доступа: http://www.electionguide.org/elections/id/2143/ (дата обращения: 19.01.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

Тем не менее укрепление отношений России и Украины не соответствовало геополитическим интересам Запада. Так была подготовлена благоприятная среда для Евромайдана 2013–2014 гг., который стал еще более сложным испытанием для партийной системы Украины, с которым она пытается справиться в настоящее время [25].

4. **2013 г. – настоящее время** – радикализация партийной системы Украины. Этот этап можно подразделить на два периода, соответствующие срокам исполнения полномочий главы государства П. Порошенко и В. Зеленского. В рамках каждого из этих периодов происходило изменение соотношения политических сил в партийной системе Украины, обусловленное изменением состава Верховной Рады (7-го созыва, исполняющего полномочия в 2012–2019 гг., и 8-го созыва, избранного досрочно 21 июля 2019 г.).

Следует отметить, что с момента становления в Украине демократии майданного типа партийная система Украины не могла не учитывать новые реалии политической арены государства. Одним из путей выхода из кризиса могло бы стать развитие партийной конкуренции, политического плюрализма и отражения партиями интересов электората. Это не было выгодно олигархам, которые использовали партии в качестве инструмента давления на власть для принятия нужных политических решений, и партии лишились бы финансирования. Кроме того, партийная система Украины не смогла бы настолько кардинально перестроиться для того, чтобы выполнить указанные требования демократии, поскольку общественного доверия ни у одной из партий нет, и прийти во власть благодаря поддержке населения партии не смогли бы. Именно поэтому ответом на вызов партийной системе Украины в виде существования демократии майданного типа стала ее радикализация, активизация ультраправых акторов [26] без существенного изменения соотношения сил на политической арене Украины, поскольку и такие акторы весомой общественной поддержкой не пользуются.

Культивирование фашистских настроений среди молодежи должно было привести к тому, что такой электорат поддерживал бы ультраправые партии в Верховной Раде. Так, молодежь, которая выступает обычно опорой цветных революций (что было и в Украине), видела бы, что ее позиция представлена в законодательном органе. Конечно, и такие ультраправые силы были бы инструментами экономической элиты, но при создании видимости того, что Верховная Рада отражает интересы общества. Таким же путем планировалось сохранить контроль над молодежью с тем, чтобы она устраивала погромы, когда будет необходимо олигархам и внешним силам для давления на власть. Более того, присоединение Крыма к России, влияние России в Новороссии, засилие иностранцев в государстве должно было послужить прекрасной основой для обретения большего влияния в партийной системе Украины и в Верховной Раде крайне правых сил и их поддержке не только со стороны молодежи[3]. И все-таки вплоть до настоящего момента нельзя сказать, чтобы ультраправые стали весомыми акторами политической арены Украины. Наиболее известны среди ультраправых «Правый сектор», «Свобода» и «Национальный корпус», но и они не обладают поддержкой электората. Следует отметить, что «Правый сектор» был создан еще во время событий Евромайдана в 2013 г. для привлечения активной молодежи, развития у нее протестных, радикальных настроений, но кроме проведения и поддержки спорадических выступлений партии не удалось добиться успеха. После этого обеспечить свое влияние на молодежь попыталась политическая партия «Национальный корпус», учредительный съезд которой был проведен 14 октября 2016 г., но и эта партия не достигла значимых результатов.

Несмотря на указанные неудачи, властью в первом периоде этого этапа был продолжен ранее избранный политический курс на радикализацию украинского общества и прежде всего молодежи. С этой целью была осуществлена либерализация украинского законодательства относительно экстремизма. В партийной системе Украины стали еще больше представлены радикальные (особенно крайне правые) силы; однако, как и приведенные выше партии, такие ультраправые акторы популярностью не пользуются. Эта тенденция не свидетельствует о том, что партийной системе Украины удалось определить способ своей стабилизации. В дальнейшем будет происходить дисбаланс, который начал проявляться на примере очередного витка «украинизации» государства, когда радикалы считали, что реформы идут медленно и их недостаточно, а другие политические силы рассматривали принимаемые меры как чрезмерные, отнеслись к ним крайне отрицательно. Политические лозунги по-прежнему однотипные, без реальных предложений по улучшению ситуации в стране. Даже радикальные партии настаивают на положительном значении евроинтеграции как минимум в рамках ультраправых сил Европы[4], поскольку имеют финансовую поддержку западных заказчиков Евромайдана и не учитывают отрицательное отношение общества к вмешательству европейцев во внутренние дела государства.

Можно заметить, что в первом периоде этого этапа развития партийной системы П. Порошенко продолжил уже сложившуюся со времени Л. Кучмы традицию

[3] Luhn A. Ukraine Blocks Popular Social Networks as Part of Sanctions on Russia // The Guardian. 16.05.2017. Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2017/may/16/ukraine-blocks-popular-russian-websites-kremlin-role-war (дата обращения: 19.01.2019).

[4] Так, 15 октября 2018 г. ультраправая партия «Национальный корпус» провела в Киеве конференцию «Панъевропа II», на которую были приглашены коллеги украинских нацистов из Хорватии, Польши, Литвы, Франции, Италии, США, Норвегии и Сербии. Цель конференции была определена как обеспечение координации и унификация правых политических движений Европы. См.: Темный В. Погребинский: Неонацисты Украины объединяются с европейскими маргиналами // Украина.ру. 16.10.2018. Режим доступа: https://ukraina.ru/exclusive/20181016/1021435701.html (дата обращения: 19.01.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

введения блокирующей (но не подавляющей, с учетом ошибок прошлого) пропрезидентской политической силы в Верховную Раду – соответственно Блока П. Порошенко и «Слуги народа».

Итак, основными политическим силами партийной системы Украины с 2012 г. по 2019 г. являются Блок П. Порошенко, «Батькивщина», «Народный фронт», «Гражданская позиция», «Сильная Украина», но сохраняется глубокий разрыв между партийной системой и населением Украины.

Такая же тенденция по функционированию в Верховной Раде пропрезидентской парламентской партии проявилась и в результате досрочных выборов в Верховную Раду 21 июля 2019 г., когда в парламенте Украины обрел значимые позиции Президентский блок В. Зеленского «Слуга народа», не только в количественном значении (43,11 %), но и в соотношении с иными силами, когда следующая фракция – Оппозиционная платформа «За жизнь» – набрала только 13,03 % голосов избирателей, «Батькевщина» – 8,18 %, реформированный и дистанцировавшийся от лидера блок П. Порошенко «Евросолидарность» – 8,15 %.

Несмотря на изменение соотношения сил в партийной системе Украины во втором периоде этого этапа, не представляются возможными как демократизация партийной системы Украины, выражающаяся в наличии коммуникаций партий и электората для того, чтобы партии получали поддержку электората, так и устойчивость партийной системы Украины. Такая тенденция, как радикализация, способствовала дисбалансу политической системы Украины, проявляющемуся на примере очередного витка «украинизации» государства, негативные социальные и внешнеполитические (принятие осуждающего акта Парламентской ассамблеи Совета Европы) последствия которого стремится сгладить новая власть, однако не избирает необходимый политический курс по введению социально-экономических и политических реформ. Именно поэтому и во втором периоде этого этапа повторилась та же тенденция – политические лозунги общенациональных партий остались однотипными, без реальных предложений по улучшению ситуации в стране. В итоге протестное голосование против политического курса, осуществляемого властной элитой, которое выразилось в избрании главой государства В. Зеленского, обусловило изменение соотношения сил и в Верховной Раде Украины в результате досрочных парламентских выборов 21 июля 2019 г.

Нельзя не отметить и положительный момент – на этом этапе получает развитие локальный уровень партийной системы Украины. На этом уровне поддержку населения отдельных муниципальных образований обретают небольшие религиозные организации, общественные объединения и отдельные харизматичные политические лидеры[5]. Наиболее яркий пример – общественная организация «Реанимационный пакет реформ», которая была создана 7 марта 2014 г. на основе других, более мелких объединений[6]. Данная организация подготовила пакет законопроектов по реализации реформ после Евромайдана в области высшего образования, свободы слова, борьбы с коррупцией, восстановления доверия к судебной системе[7]. Слияние общественных объединений свидетельствует о том, что локальный уровень партийной системы Украины действительно начал функционировать и пользуется вниманием общественности. Формирование локального уровня партийной системы позволяет считать, что партийная система Украины сможет стабилизироваться в новых изменившихся после Евромайдана условиях.

Таким образом, партийная система Украины прошла ряд этапов своего становления, перейдя от монопартийности к многопартийности без доминирования одной или нескольких политических партий. Партийная система Украины была сформирована в качестве устойчивой структуры, существующей на трех уровнях: общегосударственном, региональном и локальном. Со временем ее разрыв с населением только углублялся, что свидетельствует о том, что демократизация партийной системы Украины затруднена.

Особенности партийной системы Украины

Постепенно, с учетом этапов эволюции партийной системы Украины сложились следующие ее особенности:

- Соответствует характеристикам системы, упорядоченной совокупности элементов, обладающей способностью адаптации к вызовам внешней по отношению к системе среды.
- Транзитный характер – на разных этапах происходила эволюция партийной системы от монопартийности к многопартийности с отсутствием одной или нескольких доминирующих партий.
- Трехуровневая структура – выделяются общегосударственный, региональный и локальный уровни партийной системы Украины.
- Большое количество партий функционирует на общегосударственном уровне, однако ни одна из партий не отражает интересы социальных групп и тем более общества в целом; на региональном и локальном уровнях партийная система функционирует более успешно.
- Партии используются олигархической элитой в качестве рычагов воздействия на официальную власть для принятия нужного государственного решения.

[5] Zlenko S. Trust to Social Institutions // Kyiv International Institute of Sociology. 01.02.2017. Режим доступа: http://kiis.com.ua/?lang=eng&cat=reports&id=678&page=1 (дата обращения: 19.01.2019).

[6] Ukraine Reform Monitor Team. Ukraine Reform Monitor: April 2017 // Carnegie Endowment for International Peace. 19.04.2017. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/2017/04/19/ukraine-reform-monitor-april-2017-pub-68700 (дата обращения: 19.01.2019).

[7] Історія виникнення // Реанімаційний Пакет Реформ. Режим доступа: https://rpr.org.ua/en/about-us/history/ (дата обращения: 19.01.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

- Поскольку нет влиятельных партий, то изменение политической окраски, в том числе радикальное, не приводит ни к какому изменению в соотношении сил, представленных в партийной системе, на общегосударственном уровне партии-хамелеоны не имеют реальной политической программы по улучшению положения населения. Тем не менее аморфность партий с точки зрения их окраски исключает разрушение партийной системы.
- Серьезным вызовом с точки зрения функционирования партийной системы выступает сформировавшаяся к настоящему времени тенденция к майданной демократии; для сохранения партийной системы в таких условиях осуществляется ее радикализация. Также следует отметить, что радикализация партийной системы Украины происходит при обострении социально-экономических кризисов в стране для сохранения партийной системы.
- В силу того, что партийная система не отражает интересы общества и не взаимодействует с ним для обретения его поддержки, политические силы служат инструментами олигархических экономических элит, то партийная система Украины является эндогенной. Подобный признак не характерен для действительно многопартийных систем, в которых присутствуют влиятельные партии, поскольку для обретения своего влияния в обществе партии не могут не взаимодействовать с ним, и партийная система становится экзогенной.
- Наличие харизматичного лидера той или иной партии позволяет ей обрести значимое число сторонников, а в силу недоверия общества к высшим государственным органам с приходом партии во власть доверие общества к такой партии утрачивается.
- Если в Украине укрепляется президентская власть, то в партийной системе вводятся пропрезидентские партии.

Иными словами, партийная система Украины является относительно закрытой от избирателей, но при этом обладает отлаженными механизмами взаимодействия с экономической элитой и межпартийной коммуникации. И при большом количестве партий разного спектра нет влиятельной, пользующейся поддержкой электората политической силы, поскольку партии отражают интересы элиты, а не избирателей. Следовательно, в партийной системе Украины не реализован в достаточной степени принцип политического плюрализма. Но все-таки партийная система Украины реализует ряд значимых функций в политической системе государства.

Функции партийной системы Украины

- *Коммуникативная* – налаживание информационных каналов связи партий, властной элиты и общества.
- *Теоретическая* – отражает мировоззренческую специфику политической элиты. При этом эмпирический материал, полученный в результате исследования особенностей деятельности партийной системы Украины, позволяет установить закономерности, характеризующие специфику властных отношений, складывающихся в политической системе Украины и предопределяющих сущностные характеристики политического режима Украины как демократического транзита[8].
- *Организаторская* – объединяет политические партии, предоставляет им возможность взаимодействовать, конкурировать и налаживать каналы связи партий и электората.
- *Политическая* – представляет собой базу для обеспечения существования и развития партий, обретения ими рычагов для укрепления позиций в борьбе за власть и достижения власти – политические партии имеют возможность конкурировать, чтобы получить места в Верховной Раде и формировать парламентские фракции).

Причины возникновения и развития в Украине самобытной партийной системы

1. Кризис демократии как общемировой процесс, обуславливающий то, что для обретения устойчивости партийная система Украины стремится к достижению баланса между волеизъявлением политической элиты, стремящейся к сохранению статус-кво (и не желающей появления влиятельных оппозиционных сил, которые могут обрести власть в случае реализации принципа политического плюрализма) и интересами общества. В рамках указанного процесса партийная система Украины, обладая своими вышеприведенными особенностями, отражает и общемировые тенденции развития партийных систем, которые аналогичным образом стремятся к обретению устойчивости посредством достижения баланса интересов политической элиты и социума.

2. Специфика политического режима (характерного для некоторых государств постсоветского пространства, в первую очередь тех, которые пережили цветные революции), который обладает внешними признаками демократии (функционируют органы политического представительства, присутствует распределение полномочий между органами всех ветвей власти). Однако не исключено оказание существенного давления одной власти на другую (как было в рамках противостояния главы Украины и Верховной Рады, повлекшего ряд политических

[8] Демократический транзит можно определить как явление, особенно распространенное в функционировании политических институтов государств постсоветского пространства, когда в государстве осуществляется процесс перехода от авторитарного (или тоталитарного) политического режима к демократии, затрагивающий все политические институты. Однако этот процесс нельзя назвать завершенным в силу того, что не в полной мере присутствуют признаки демократического режима (функционирование государственного аппарата на основании реализации принципов верховенство права, политического плюрализма, разделения властей), что обусловлено тем, что прежняя политическая элита, сохранившая в своих руках рычаги власти, стремится не утратить позиции.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

кризисов, кроме того, судебные органы, включая Конституционный суд Украины, сообщали об оказании воздействия на них П. Порошенко для принятия определенного решения). Помимо этого, рычаги управления государством, власть сосредоточена в руках экономических элит и внешних акторов (включая транснациональные компании). Указанные обстоятельства учитывают и партии, именно поэтому, принимая во внимание то, доминирует ли на политической арене Президент Украины или Верховная Рада, в партийной системе преобладают соответственно или пропрезидентские силы (включая президентский блок), или партии, которые настаивают на усилении роли законодательного органа в политической системе государства. Чтобы добиться прихода во власть партии учитывают интересы элит и не стремятся заручиться поддержкой электората. Этим объясняется легкая смена партийной окраски, образование коалиций с партиями, союз с которыми в силу их политической принадлежности представлялся невозможным, и нейтральные формулировки в программах партий – необходимо быстро сменить приоритеты в зависимости от доминирования президентской или парламентской власти.

3. Особенности истории развития государства, перманентные политические кризисы и цветная революция обусловливают то, что партии меняют идеологию от проправительственных сил до сторонников проведения кардинальных демократических реформ, приспосабливаясь к быстро меняющейся обстановке на политической арене.

4. Существенная социально-экономическая, политическая и этническая специфика регионов Украины (а значит и электората – жителей этих регионов), в первую очередь различия между Западом и Востоком Украины, приводят к тому, что партиям сложно сформировать политическую программу, которая смогла бы учесть интересы значимого числа избирателей и привлечь сторонников, чтобы их поддержки было достаточно для прихода во власть на общегосударственном уровне. Именно поэтому региональные партии гораздо более популярны на тех территориях, где они функционируют, чем общенациональные партии Украины.

5. Беспрерывные социально-экономические кризисы, углубляющийся разрыв между богатыми и бедными приводят к отсутствию доверия социума к политическому курсу, избираемому властной элитой, ее решениям, в том числе законам, принимаемым Верховной Радой, фракции которой формируют политические силы, составляющие партийную систему Украины. В силу указанной причины партии не могут учитывать интересы социума, поскольку общество считает, что эти политические силы, даже придя во власть, не смогут выразить его волю и решить его проблемы. Соответственно, не возникает общественного договора как необходимого условия, чтобы фракции политических партий в Верховной Раде представляли интересы электората и сохраняли власть на основании доверия избирателей, и единственный рычаг обретения власти политическими партиями Украины – поддержка ими экономической элиты и отражения ее чаяний.

Приведенные особенности партийной системы Украины обусловлены спецификой развития украинской государственности, сопровождающегося кризисами, складывающимся социально-экономическим и политическим строем страны.

Возможность развития партийной системы Украины в русле реализации принципа партийного плюрализма

Приведенные особенности партийной системы Украины обусловили то обстоятельство, что именно относительная обособленность этого политического института обеспечивает его устойчивость посредством достижения им баланса между властью и обществом с учетом интересов экономических элит. Попытка отражения настроений социума, такая как радикализация, развитие крайне правых течений, формирования майданных протестных групп и оппозиции, не приводит к тому, чтобы политическая сила укрепилась в партийной системе и тем более пришла во власть в силу отсутствия поддержки достаточного количества электората и политической элиты, которая воспринимает такие действия как стремление к нарушению ее интересов, к утрате ею рычагов управления государством, посягательство на ее позиции во власти.

Поэтому партийной системе Украины для своего функционирования приходится постоянно поддерживать баланс между стремлением политической элиты, которая не заинтересована в появлении иных акторов, кроме тех, которые позволяют ей сохранить свое положение, и желанием политических сил не во власти обрести вес в партийной системе. Желающие надолго остаться на политической арене партии стараются формировать политические программы проправительственного характера, содержащие общедемократические лозунги о стремлении к демократии в Украине без предложения конкретных социально-экономических реформ. Как следствие, попытка построения партийной системы Украины в соответствии с демократическим принципом политического плюрализма приводит к нарушению этого баланса партийной системы Украины и к тому, что она будет вовлечена в перманентную череду политических кризисов.

Таким образом, оптимальный вектор развития партийной системы Украины как института демократии представляется возможным в двух составляющих: укрепление политического плюрализма на региональном уровне партийной системы Украины, поддержка партий, действующих в одной или нескольких административно-территориальных единицах Украины, учитывающих интересы местного электората; на общегосударственном уровне необходимо совершенствование политических программ партий посредством предложения конкретных мер по улучшению благосостояния населения. Также важно

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

развивать имеющиеся и налаживать новые информационные каналы связи партий и электората через проведение политических дебатов партий, организации личных приемов граждан, установление механизмов обратной связи на сайтах партий. То есть развитие партийной системы Украины, ее стремление к тому, чтобы стать в полной мере демократическим институтом, функционирующим на основе реализации принципа политического плюрализма, достижимо, но в рамках указанного вектора ее совершенствования, позволяющего не допустить кризис партийной системы Украины.

Результаты

С учетом изложенного возникает вопрос, могла ли бы в Украине сложиться многопартийная система с одной или несколькими влиятельными в обществе доминирующими партиями? Представляется, что ответ на этот вопрос отрицательный, что обусловлено внешними и внутренними причинами.

Внешние причины вызваны тем, что укрепление партийной системы Украины невыгодно внешним силам, поскольку влиятельные партии, прейдя во власть, смогли бы обеспечить стабилизацию политической системы Украины, и рычаги давления на власть в Украине акторами вне постсоветского пространства во многом будут утеряны.

Внутренние причины:

Во-первых, сращивание политической и экономической элиты, которые видят в лице партий инструменты обеспечения принятия нужных государственных решений, но не заинтересованы в том, чтобы партии обретали общественную поддержку.

Во-вторых, публичная власть в Украине делегитимна в глазах общества, а значит, как только партия получает мандаты в Верховной Раде, общее недоверие общества к представительному органу отражается и на авторитете партии. В этом случае преодолеть настороженность украинского социума представляется крайне затрудненным.

В-третьих, разнородность украинского населения, геополитические особенности территории украинского государства приводят к тому, что партии на уровне регионов обретают общественную поддержку, поскольку население той или иной территории считает, что такая партия максимально приближена к населению и сможет лучше соответствовать его интересам. Но получить поддержку в масштабах украинского общества в целом такой партии не удается. Для того чтобы партия обрела значимую общественную поддержку, ей нужно объяснить, каким путем она собирается достигнуть улучшения положения граждан в условии кризиса, увеличения общественного благосостояния в условиях более стабильной обстановки. Поэтому получается, что для того, чтобы партия обрела популярность в масштабах украинского общества в целом, в ее программе должна быть учтена региональная специфика разнородного украинского социума. Единственно возможный в этом случае путь – делать упор на существование Украины в качестве самобытного евразийского государства, предлагая программы развития территории с учетом их особенностей и программы поддержки коренных малочисленных народов. Упор делается на существование Украины независимо от России – «агрессора», что тоже не вызывает доверия общества, поскольку украинский социума недоволен той ролью, которую играет Запад по отношению к государству, особенно после того, как стало очевидным, что евроинтеграция Украины исключена.

Заключение

Современную партийную систему Украины можно охарактеризовать в качестве многопартийной с наличием партий разного политического спектра, в том числе радикальных, без доминирования одной или нескольких политических партий. Политическая система Украины имеет трехуровневую структуру – функционирует на общегосударственном, региональном и локальном уровнях. На общегосударственном уровне не было и нет политических сил, которые обладали бы ощутимым влиянием в обществе. Региональные партии пользуются поддержкой населения, проживающего в конкретном регионе, и их роль в масштабах государства возрастает со времен Оранжевой революции. Отсутствуют и региональные партии, которые бы стали общегосударственными, обрели бы значимые позиции в политической системе Украины вплоть до формирования пользующихся доверием общества партийных фракций Верховной Рады и тем более участия в образовании парламентского большинства. Причины отсутствия влиятельных партий, как общегосударственных, так и региональных, на уровне Украины в целом заключаются в неоднородности украинского социума, недоверия общества к публичной власти на уровне государства, что в свою очередь также обусловило популярность демократии майданного типа. Поэтому после Евромайдана получил развитие локальный уровень украинской партийной системы.

Партийная система Украины действительно представляет собой устойчивую структуру, которая обладает способностью к стабилизации против внешних угроз ее существованию и вплоть до настоящего времени находится в относительно стабильном состоянии. Однако партийная система Украины отражает интересы экономических олигархических групп, и постепенно разрыв между партийной системой Украины и украинским обществом все больше углубляется, что недопустимо в демократическом государстве. Иными словами, до настоящего момента тенденции к демократическому транзиту партийной системы Украины в полном объеме не наблюдается (только на региональном уровне партийной системы и в определенных рамках на общегосударственном уровне), и нет политической партии, которая могла бы стать

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

парламентской фракцией благодаря поддержке населения и обеспечить постепенное обретение доверия украинского социума к Верховной Раде.

Партийная система Украины прошла эволюцию на ряде этапов и продемонстрировала свою устойчивость, особенно в рамках возникновения угроз как ее существованию, так и функционированию политической системы Украины в виде острых государственных кризисов. Именно поэтому партийная система Украины, сформированная в такой форме многопартийности, когда есть лишь видимость политического плюрализма, является фактором устойчивости и политической системы страны в силу того, что партии участвуют в формировании парламентских фракций и таким образом обеспечивают работу Верховной Рады как законодательного органа. Соответственно, реформирование партийной системы Украины, ее «демократизация» наоборот обусловит ее нестабильность (поскольку к любым изменениям нужно приспособиться), что в условиях расшатанной украинской государственности приведет к разрушению партийной системы. Таким путем может быть утрачен один из ключевых факторов существования государства. Именно поэтому необходимо, чтобы партийная система Украины продолжала свое развитие в прежнем русле.

Литература

1. Анисимова И. В. Политика временного правительства в решении «национального вопроса»: подходы и методы реализации региональных вариантов // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 15–20. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-01
2. Борисов Н. А. Конституционные альтернативы Украины: назад в будущее? // Политика и общество. 2010. № 12. С. 47–57.
3. Какителашвили М. М. Мониторинг правовой модели многопартийности в государствах – участниках СНГ // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 16–24.
4. Костюк Р. В., Корецкий А. О. Радикальные левые Европы и Россия. Начало XXI в. // Клио. 2015. № 10. С. 155–164.
5. Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.8.16076
6. Мазур О. Г. Особенности рекрутирования политической элиты в современной Украине // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2015. № 2. С. 48–57.
7. Molodtsov O. V. Conditions of implementation of asymmetric decentralization in Ukraine // Публічне урядування. 2019. № 1. С. 128–139. DOI: 10.32689/2617-2224-2019-16-1-128-13
8. Prylipko S. M. History of becoming and development of cooperati ve movement in Ukraine at the end of XIX – at the beginning of XX centuries // Публічне урядування. 2019. № 2. С. 238–249.
9. Філатов Б. А. Політична доктрина сучасного патріотизму: значення для інституційних трансформацій // Гілея: наук. вісн. 2016. № 107. С. 392–397.
10. Фесенко В. Сила и слабость партийной системы Украины // Политическая наука. 2006. № 1. С. 214–242.
11. Рагозин Н. П. Развитие партийной системы Украины // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 89–100.
12. Чернышов С. И., Амиантов А. А. Партийная система Украины // Вопросы политологии. 2013. № 4. С. 132–146.
13. Лешуков В. С. Трансформация партийных систем России и Украины в 1991–2011 годы (сравнительный анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2012. 23 с.
14. Пашковский Е. А. Механизмы формирования партийных систем в условиях трансформации общества (на примере Польши и Украины): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 24 с.
15. Пашковский Е. А. Трансформация партийной системы Украины в 2012–2014 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 172. С. 156–160.
16. Акматалиева А. М. «Цветные революции» и парламентаризм в контексте процессов демократизации на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 1. С. 36–39.
17. Коргунюк Ю. Г., Трофимова И. Н., Ирхин Ю. В., Белинский А. В., Гришина А. М., Борисов Н. А. Институциональные новации в партийных системах зарубежных стран // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 180–212.
18. Щербак А. Н. Коалиционная политика и дефрагментация партийной системы: сравнительный анализ (на примере Польши, России и Украины) // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 47–53.
19. Artyuh Y. I. Evolution of Ukraine and western Balkans party systems: comparative analysis // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2011. Т. 16. № 8. С. 167–173.
20. Luhmann N. Introduction to systems theory. N. Y.: Polity, 2007. 456 p.
21. Касьянов Г. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. Киев: Новое время, 2008. 361 с.
22. Wolczuk R., Wolczuk K. Soft is Beautiful…! Ukraine's Approach to Regional Integration // Ukraine Twenty Years after Independence. Rome: Aracne, 2015. P. 27–38.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

23. Eslund A. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. N. Y.: Columbia University Press, 2009. 242 p.
24. Мухаметов Р. С. Эволюция российско-украинских отношений // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. Т. 11. № 1. С. 108–116.
25. Fedorenko K., Rybiy O., Umland A. The Ukrainian party system before and after the 2013–2014 euromaidan // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. № 4. P. 609–630.
26. Minakov M. Changing civil society after Maidan // Academia.edu. 30.11.2014. Режим доступа: https://www.academia.edu/9050237/Changing_Civil_Society_after_Maidan_-_2014 (дата обращения: 19.01.2019).

Features of Political Pluralism in Ukraine: Formation of a New Party System Model

Alexander A. Kerimov [a]; Tatiana V. Verbitskaya [a, @, ID]
[a] Ural Federal University, 51, Lenina Ave., Yekaterinburg, Russia, 620000
[@] aquitania-17@ya.ru
[ID] http://www.researcherid.com/rid/E-2083-2019

Received 07.11.2019. Accepted 29.11.2019.

Abstract: The paper features the specifics of Ukrainian party system that formed after the collapse of the USSR. The research objective was to determine the vector of its development. The party system is considered as a political institute with the potential to stabilize the political system in the context of the evolution of Ukrainian statehood. The authors determined factors that influenced the formation of the Ukrainian party system: the transformation of the electoral system, the tightening of legislation on parties, and the change in the balance of power in the political arena. The research helped to identify the following signs of the Ukrainian party system: relative autonomy, closed character, stability, three-level structure (the state level, the regional level, and the local level). The comparative-historical method was used to highlight the stages of the evolution of the Ukrainian party system and its specifics. The functional method was used to determine the role of the party system in political processes. According to N. Luman's structural-functional method, the main features of the Ukrainian party system can be described as a set of elements with the ability to maintain stability in the context of events that are taking place in the Ukraine political arena. The *case-study* method was used to study the features of the party system that formed in the context of the evolution of Ukrainian statehood, including such events as political crises and color revolution. The authors came to the conclusion that the Ukrainian party system has fully developed, but there are no prerequisites for its development within the framework of democratic pluralism. The study determined the prospects for democratic transit of the Ukrainian party system and its formation on the basis of political pluralism.

Keywords: multi-party system, support of the electorate, democratic transit, political system, party competition

For citation: Kerimov A. A., Verbitskaya T. V. Features of Political Pluralism in Ukraine: Formation of a New Party System Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 289–299. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

References

1. Anisimova I. V. Provisional government policy in the in the "national Question" Solution: the approaches and methods of implementation of the regional options. *Izvestiya of Altai State University Journal*, 2016, (2): 15–20. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-01
2. Borisov N. A. Constitutional alternatives in Ukraine: back to the future? *Politics and Society*, 2010, (12): 47–57. (In Russ).
3. Kakitelashvili M. M. Monitoring legal models of multi-party systems in the CIS member states. *Monitoring of Law Enforcement Journal*, 2019, (1): 16–24. (In Russ.)
4. Kostyuk R. V., Koretsky A. O. Radical left of Europe and Russia. Beginning of the XXI century. *Klio*, 2015, (10): 155–164. (In Russ.)
5. Lyubarev A. E., Shalaev N. E. Vote splitting in mixed electoral systems: attempt of a comprehensive research. *Sociodynamics,* 2015, (8): 125–186. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-7144.2015.8.16076
6. Mazur O. G. Political elite recruitment in modern Ukraine. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2015, (2): 48–57. (In Russ.)
7. Molodtsov O. V. Conditions of implementation of asymmetric decentralization in Ukraine. *Public management*, 2019, (1): 128–139. DOI: 10.32689/2617-2224-2019-16-1-128-13

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-289-299

8. Prylipko S. M. History of becoming and development of cooperati ve movement in Ukraine at the end of XIX – at the beginning of XX centuries. *Public management,* 2019, (2): 238–249.
9. Filatov B. A. Political doctrine of contemporary patriotism: significance for institutional transformation. *Gileia: nauk. visn.,* 2016, (107): 392–397. (In Ukr.)
10. Fesenko V. Strength and weakness of party system in Ukraine. *Political science*, 2006, (1): 214–242. (In Russ.)
11. Ragozin N. P. Development of the Ukraine's party system. *Polis. Politicheskie issledovaniia,* 2004, (1): 89–100. (In Russ.)
12. Chernyshov S. I., Amiantov A. A. Party system of Ukraine. *Voprosy politologii,* 2013, (4): 132–146. (In Russ.)
13. Leshukov V. S. *Transformation of the party systems of Russia and Ukraine in 1991–2011 (comparative analysis).* Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2012, 23. (In Russ.)
14. Pashkovsky E. A. *The mechanisms of formation of party systems in the conditions of transformation of society (the cases of Poland and Ukraine).* Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2016, 24. (In Russ.)
15. Pashkovsky E. A. Transformation of the Ukraine party system in 2012–2014. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2014, (172): 156–160. (In Russ.)
16. Akmatalieva A. M. "Color revolutions" and parliamentarism in the context of the processes of democratization in the post-Soviet space. *Comparative Politics Russia*, 2013, 4(1): 36–39. (In Russ.)
17. Korgunyuk Yu. G., Trofimova I. N., Irkhin Y. V., Belinsky A. V., Grishina A. M., Borisov N. A. Institutional innovations in the party systems of foreign countries. *Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 2018, (3): 180–212. (In Russ.)
18. Sherbac A. N. Coalition politics and defragmentation of party system: a comparative analysis (the cases of Poland, Russia, and Ukraine). Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2003, (4): 47–53. (In Russ.)
19. Artyuh Y. I. Evolution of Ukraine and western Balkans party systems: comparative analysis. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiia i politichni nauki*, 2011, 16(8): 167–173.
20. Luhmann N. *Introduction to systems theory.* N. Y.: Polity, 2007, 456.
21. Kasyanov G. *Ukraine in 1991–2007: essays in recent history.* Kiev: Novoe vremia, 2008, 361. (In Russ).
22. Wolczuk R., Wolczuk K. Soft is Beautiful…! Ukraine's Approach to Regional Integration. *Ukraine Twenty Years After Independence*. Rome: Aracne, 2015, 27–38.
23. Eslund A. *How Ukraine Became a Market Economy and Democracy*. N. Y.: Columbia University Press, 2009, 242.
24. Muhametov R. S. Evolution of Russian-Ukrainian relations. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshhestvennye nauki*, 2016, 11(1): 109–115. (In Russ.)
25. Fedorenko K., Rybiy O., Umland A. The Ukrainian party system before and after the 2013–2014 euromaidan. *Europe-Asia Studies*, 2016, 68(4): 609–630.
26. Minakov M. Changing Civil Society after Maidan. *Academia.edu.* 30.11.2014. Available at: https://www.academia.edu/9050237/Changing_Civil_Society_after_Maidan_-_2014 (accessed 19.01.2019).

Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические... 2019, 4(3)
DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

оригинальная статья
УДК 316.422

Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса*

Евгений В. Головацкий [a, @]; Наталья В. Нятина [a]
[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, Красная, 6
[@] xomaik@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.11.2019. Принята к печати 03.12.2019.

Аннотация: Развитие гражданских инициатив является значимым показателем общественно-политической жизни территории. Изучение наполненности инициативами городского пространства демонстрирует не только состояние гражданского общества, но и ресурсные возможности территорий. Цель – поиск инструментов социологического анализа ресурсов гражданских инициатив. В материалах статьи рассматриваются возможности социально-политического взаимодействия городских сообществ с институтами власти в регионе. Результаты исследований позволяют говорить о недостаточной сформированности и качественной наполненности содержания гражданских инициатив в рамках городских сообществ Кузбасса в плане самостоятельности выражения интересов, характере инициатив, а также масштабе ресурсного оснащения возможностей населения на местах. В статье сделан акцент на том, что современная практика использования и привлечения ресурсов гражданских инициатив в городах Кузбасса находится на стадии становления. Появляются отдельные форматы взаимодействия власти и населения в данном направлении, но они не характеризуются должным уровнем доверия со стороны местных сообществ и не отвечают требованиям системности и постоянства. Сделан вывод, что в процессах взаимодействия городского населения и представителей власти постепенно увеличиваются примеры совместных и автономных (со стороны населения) случаев использования информационных поводов реализации формальных и неформальные гражданских инициатив городских территорий Кузбасса. Формальные гражданские инициативы не передают всего многообразия социального заказа населения на усовершенствование городской жизни и решение части насущных проблем городских территорий.

Ключевые слова: социальный ресурс, гражданский активизм, городская территория, социальное взаимодействие, социологическое исследование

Для цитирования: Головацкий Е. В., Нятина Н. В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 300–309. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

Введение

В современном российском обществе актуализировалась практика социального заказа на различные свободные от администрирования формы участия населения в решении социально значимых проблем территории. Расширяются возможности соучастия местного сообщества в форме диалогового взаимодействия с властными институтами. Данная особенность обусловлена генезисом гражданского общества, стремлением населения реализовывать социальный контроль «снизу», а также необходимостью ресурсной консолидации ради достижения поставленных целей вопреки имеющимся бюрократическим механизмам. Гражданский активизм помимо диспозиционной практики взаимодействия имеет и рациональные корни, связанные с ориентацией населения не только на ресурсы власти, но и на потенциал социального окружения. Цифровые инициативы гражданских взаимодействий еще более подчеркивают активный характер современных коммуникаций [1]. Новые формы взаимодействий требуют от исследователей, управленцев и представителей власти поиска комбинированных приемов диагностики, включая online-технологии исследования качества данных [2] и профессионального сопровождения возможностей городских инициатив населения.

Трансформация городских условий и практик социального взаимодействия отмечается отечественными и зарубежными исследователями на протяжении значительного периода времени. Исследователи на основе исторического материала предпринимают попытки показать роль городов в процессе трансформации социальной среды [3], постараться соотнести современное состояние общественно-политической жизни города с возможными нововведениями в устройстве и взаимодействии «городских жителей с городом» [4]. Региональные сибирские города на современном этапе территориального развития вынужденно представляют «сообщество компромисса» по отношению к «точкам развития» (притяжения), ресурсным центрам, в сочетании с региональной спецификой и внешним

* Статья подготовлена при поддержке ГРАНТ РФФИ № 18-411-420001\19, ГРАНТ-Регион № 10, 2019.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

технико-производственным, сырьевым (ресурсным), экологическим и геополитическим окружением.

Задачей данной публикации является обнаружение исследовательских подходов диагностики и социологического сопровождения гражданских инициатив городских жителей Кузбасса. В авторском материале рассматриваются возможности социально-политического взаимодействия городских сообществ, органов власти (различного уровня) и новых «сетевых» участников в регионе. Региональные гражданские инициативы могут представлять самобытные социальные ресурсы, схемы выстраивания коммуникаций (диалога) с местной властью, обладать уникальными городскими архетипами формирования повседневных коммуникаций в городском окружении.

Методы и методика

Современные исследователи отмечают, что волна социальных вызовов, ответов и рисков постепенно проникает в различные подсистемы общества. В этом процессе происходит обновление социальных функций устойчивых организационных структур, благодаря чему в существенной мере освобождается стихийная энергия общества. Она аккумулируется в разнонаправленных интересах, потребностях, запросах, способностях действовать, свойственных отдельным индивидам, начинают структурировать новые формы воплощения, пытаясь разрешить проблемы прошлого и настоящего современной истории, пропущенные и интерпретируемые сквозь призму индивидуального и коллективного опыта [1]. В настоящее время происходит раскрытие ряда новых социальных и политических позиций субъектов в социальном пространстве, способных стать основой «множественного расширенного порядка» (Ф. фон Хайек [5]). Такие практики, будучи ограниченными структурными и культурными ресурсами индивидов и групп, не только воспроизводят, но и активно изменяют структурные и культурные основания общества, становятся фактором накопления его новых социальных сил. В первую очередь трансформациям подвергается «обжитое» и наиболее часто используемое пространство, характер изменений в котором в то же время может поддерживать реализацию организационных и управленческих функций в «управляемом» и «домашнем» мире современного человека [6]. На наш взгляд, в большей степени подобным требованиям может отвечать современное городское пространство.

Предлагаемая к использованию методика представляет исходный компромиссный вариант (исследовательский модуль), который в перспективе может обрастать гибридными методами измерения и диагностики развития городских инициатив, вариативными диспозициями исследовательского инструментария. Целью исследования является обоснование методологических и методических подходов к исследованию социальных и политических взаимодействий городских и региональных сообществ с использованием гибридных методов, сочетания комплекса методов социального картографирования, визуальной социологии, приемов сетевой социологии и социальной инженерии.

Современная теория общественного участия создавалась преимущественно в интересах диагностики и объяснения развитых демократий, подобное описание «исследовательской оптики», используемой для оценки состояния гражданского общества: «видимые проявления активизма, членство в добровольных ассоциациях, участие в выборах, выбор стратегий общественными движениями, роль лидеров, эффективность коллективного действия оказывались в фокусе чаще, чем вопрос о том, почему горожане мобилизуются для защиты своих интересов именно в такой форме. <...> Формальная политика для горожан становится заметно менее привлекательной и интересной, чем новые креативные неформальные коллективные практики» [7, с. 164–165] (табл. 1).

Табл. 1. Измерения государственных и гражданских инфраструктур [7, с. 167]
Tab. 1. Transformations of formal and informal state and civil infrastructures [7, p. 167]

Практики	Государственные инфраструктуры	Гражданские / партиципаторные инфраструктуры
Формальные	Профильные комитеты, государственные службы, городская администрация	Голосование, референдумы, партиципаторное бюджетирование, легальные формы самоорганизации и кооперации граждан, муниципальное самоуправление, соседские НКО и прочие формальные организации
Неформальные	Коалиция, коррупция, неформальные договоренности	Сети, знакомства, DIY, низовая самоорганизация, субъектность

Внимание к неформальным практикам приобрело особую актуальность благодаря буму исследований гражданского общества в странах т. н. глобального Юга: свидетельства из Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии привели к «неформальному повороту» в социальных и политических науках [7; 8].

Методология исследования с необходимостью учитывает результаты количественных эмпирических исследований, панельных и мониторинговых анкетных опросов и массива качественных нарративов, построенных

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

по результатам интервью: банк нарративных интервью «Гражданские инициативы в городах Кузбасса» (открытая для заполнения на момент подготовки материалов база качественных данных). Полагаем, что именно сочетание количественных и качественных подходов позволит получить наиболее обстоятельную ситуативную картину оценки гражданских инициатив и социальных ресурсов городского населения Кузбасса.

К числу характеристик гражданских инициатив следует относить:

- ситуативный характер инициатив, который свидетельствует о том, что они являются ответом на противоречия социальной среды или обусловлены ограниченностью ресурсов для реализации инициатив или источников пополнения необходимых средств;
- динамичность инициатив, обусловленная внешними условиями. Так, эволюционные постепенные социальные изменения могут приниматься местным сообществом в режиме стратегии невмешательства, при этом определенная единичная реформа может спровоцировать волну масштабных инициатив, которые в свою очередь могут быть ориентированы на внешние (по отношению к местным сообществам) направления или замыкаться на реализации частных (индивидуализированных) интересов.

Гражданские инициативы не всегда носят целенаправленный и последовательный характер. Гражданская инициатива, как правило, возникает в наиболее проблемной зоне общественной жизни и требует оперативного реагирования, не оставляя времени ее инициаторам на разработку всестороннего плана действий и оценку потенциальных рисков [3].

Гражданские инициативы предусматривают разноуровневый масштаб реализации:

- «отчуждаемость» общественных инициатив (перефразировав информационный подход Л. Г. Ионина – общественные инициативы выступают в роли разрушителей гражданских предложений, уникальных проектов и пр.);
- различная, зачастую диаметральная направленность некоторых инициатив: возможна как в русле рациональной направленности, так и в иррациональных выражениях;
- публичность инициатив (может обеспечиваться в нескольких полях одновременно, например, на информационном, административно-управленческом, повседневно-поведенческом уровнях);
- подконтрольность властным институтам (мера контроля, на наш взгляд, должна избегать декларативности и главным образом обеспечивать один из главных принципов – безопасность / свободу выражения общественных мнений);
- целью гражданской инициативы может выступать как решение конкретной проблемы, так и изменения сложившихся условий и «правил игры».

При рассмотрении ресурсов гражданских инициатив особую значимость представляет теория структурации Э. Гидденса, согласно которой структуры рассматриваются как набор правил и ресурсов. Правила, которые действуют в социальной системе, можно разделить на *нормативные*, соответствующие процессам легитимизации, конкретным правам и обязанностям, и *толкования* (интерпретации), соответствующие уровню определенного мировосприятия. Гражданские инициативы аккумулируют данные два типа правил: они опираются на нормативную основу социальной жизни, но благодаря реальным жизненным обстоятельствам появляется новое звучание социальных требований в обновлении определенных стандартов и принятых шаблонов. Э. Гидденс различает социальную и системную интеграции [9], которые составляют основу гражданских инициатив. Социальная интеграция предопределяет системность на уровне непосредственных социальных связей, т. е. «лицом к лицу», и подчеркивает значение пространства и соприсутствия в социальных отношениях. Системная интеграция описывает системность на уровне отношений между социальными объединениями. Социальная интеграция зависит от взаимообусловленности акторов в контекстах соприсутствия. Именно такая интеграция имеет особое значение, когда гражданские инициативы выступают как коллективное «со-переживание» определенной проблемы, в то время как системная интеграция подчеркивает институциональность взаимодействия и взаимообусловленность социальных групп в раздвинутых пространственно-временных координатах.

Возможности выражения гражданских инициатив в обществе одним из первых в отечественной социологии подчеркивал представитель государственной школы Б. Н. Чичерин. В работе «Философия права» он понимает гражданское общество как политический союз между государством и обществом, который направлен на развитие частной собственности, расширение степени свободы личности в отношении внешнего мира [10]. По мнению социолога, совершенно ошибочно насаждать определенные социальные изменения, важно при внедрении определенных преобразований основываться на принципах умеренности, разумности, осторожности, последовательном обсуждении вопросов с населением. Полагаем, что данные допущения сохраняют актуальность и в условиях современного общества рисков и уязвимостей.

Социологическая интерпретация гражданских инициатив с точки зрения ресурсного подхода делает акцент на их следующих ключевых основаниях-признаках:

- Инициативы носят личностно-ориентированный характер с учетом топологического измерения. Э. Гидденс отмечает, что ресурсы не являются объективными, а возникают как результат деятельности людей.
- Гражданские инициативы необходимо рассматривать через призму минимизации социальных рисков.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

Выражение определенных предложений жителей относительно благоустройства жизненного и социального пространства, решение социальных проблем, стремление общими усилиями решить задачи и т. д. – все эти действия смягчают социальную напряженность, привлекают внимание действующих институтов власти, что соответствующим образом влияет на социальное настроение и политически ориентированную деятельность личности / группы.

- Объектами гражданских инициатив могут быть социальные отношения, состояние физического пространства с акцентом на возможности его социального конструирования [11].

При реализации гражданских инициатив внимание уделяется ресурсной оснащенности, акцент при этом ставится на социальных ресурсах [12], В. И. Ильин определяет социальные ресурсы как то, что люди используют для обеспечения собственной жизни и деятельности [13]. Они отвечают таким характеристикам, как самовоспроизводство, лабильность, праксиологичность, флуктуационность, эмерджентность, дискурсивность. Специфика их использования состоит во включенности в социально значимую деятельность в пределах определенного пространства и времени. В контексте определенного социокультурного развития востребованы могут быть ресурсы различного характера.

Для реализации и выявления гражданских инициатив важным является понимание инновационной личности, которое было введено Э. Хагеном в 1962 г. в книге «Теория социальных изменений». Исследователь отмечает, что для современного общества важна инновационная личность, т. к. она способствует возникновению самоподдерживающих изменений, которые обновляют практики повседневной жизни, ее стандарты и ценности [по: 14]. Она отвечает таким требованиям, как нонконформизм и терпение к другим людям. Источником формирования инновационной личности является «выход за пределы статуса», т. е. определенные нестандартные системные состояния. Э. Хаген называет четыре типичных случая таких состояний:

1) когда целая группа теряет свой прежний статус;

2) когда, по мнению группы, к ней относятся не так, как следует;

3) когда возникает несоответствие, нестыковка между разными измерениями статуса;

4) когда группа еще не заняла желаемый статус.

Американский исследователь А. Инкелес к числу первостепенных качеств современной личности относит открытость человека экспериментам, инновациям, изменениям [15]. Это может выражаться в различных формах: готовности выражать собственные инициативы по решению местных проблем, включаться в новые социально значимые практики, организовывать социальные коммуникации с институтами власти для определенного воздействия. Даже спонтанно организованные гражданские группы и их социальный капитал имеет важное значение для надлежащего функционирования официальных государственных учреждений. В последние годы развитие социологической теории характеризуется особым вниманием к проблеме личностной субъективности как ведущего факторов социальных преобразований [16]. Согласно социологии постмодерна социальная реальность характеризуется многообразием социальных практик, инициируемых личностью. Л. И. Никовская и др. отмечают, что в социологии на понимание роли субъекта в социальной системе сложилась парадигма социальной субъективности, которая имеет два теоретических направления: теория агентов и историческая социология [17]. По данному подходу особенности социальной действительности во многом определяются созидающей активностью агентов.

Результаты

Гражданские инициативы представляют собой результат свободного, поливариантного взаимодействия граждан, который направлен на диалог с властью для коррекции, оптимизации и смягчения проблем развития территории. Они могут выражаться в следующих формах: организационная форма (Общественная палата, общественные советы, профсоюзы, некоммерческие организации (НКО), в том числе общественные объединения), стихийная форма как несогласие на социальные изменения, инициируемые «сверху», ситуационная форма, обусловленная субъективным видением на специфику развития местной территории. Формы инициатив распределяются по вертикальной оси. Это регулятивные практики (организационно-управленческие, властные) взаимодействия с властью, варьирующиеся от количества ресурсов, вариаций практик, проактивности-реактивности (обращения граждан, работа НКО [18], волонтеры, организация досуговых практик, политические активисты, практики альтруизма, благотворительности, онлайн-формы, слактивизм). Это практики, формирующие гражданскую культуру населения.

По данным отчета Общественной палаты Кемеровской области существующий инициативный, а иногда и инициативно-протестный потенциал жителей достаточно высок. За три квартала 2019 г. в рамках данной организационной формы решались вопросы различного характера: жилищные проблемы, экологические трудности (например, создание лесопаркового зеленого пояса в городах Кемерово, Белово, Новокузнецк), защита природных богатств Кузбасса, решение вопросов по ущемлению прав отдельных социальных категорий (предпринимателей, заключенных) и др.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

НКО в Кузбассе реализуют интенсивную деятельность в содействии проблем жителям региона (табл. 2[1]). Согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики в 2018 г. всего зарегистрировано 1932 социально ориентированных НКО (в 2015 г. – 2127 единиц), а средняя численность добровольцев в данных организациях – 26232 человека (в 2015 г. – 63867 человек). Содержание и характер деятельности НКО в совокупности демонстрируют вектор возможностей в сочетании с интересами и ресурсами местных сообществ.

Табл. 2. Распределение некоммерческих организаций по направлениям деятельности (Кемеровская область, сравнительная оценка 2015 / 2018 гг.)
Tab. 2. Non-profit organizations, according to activity (Kemerovo region, comparative assessment for 2015 / 2018)

Направление деятельности	2015	2018
Профилактика социального сиротства, поддержка материнства и детства	39	48
Социальная поддержка и защита граждан	501	421
Оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам, правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина	125	112
Благотворительная деятельность	337	217
Деятельность в области улучшения морально-психологического состояния граждан и духовного развития личности, содействие такой деятельности	358	191
Поддержка общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения, детских и молодежных организаций	53	82
Иные виды деятельности, направленные на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в РФ	225	159

К числу приоритетных направлений деятельности общественных организаций в Кемеровской области относятся социальная поддержка и защита граждан, а также благотворительная деятельность. Актуализация данных форм практик свидетельствует о стабильном социальном запросе в организационном сопровождении в достижении повседневных потребностей и интересов.

Ежегодное мониторинговое исследование «Кузбасс – политика» (КП-2017 «Отношение населения к социальным проблемам региона и оценка состояния систем жизнеобеспечения»), апрель-май 2017 г., проводимое кафедрой социологических наук КемГУ, было сориентировано на гнездовой охват территории области. В исследовании представлены южные, центральные и северные территории области. Опрос проводился на территории городов Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий и пгт. Яя (объем выборки – 1056 человек).

Полагаем, что инициативы в полной мере артикулируются и обозначаются представителями населения в том случае, если актуализирован проблемный сектор регионального (территориального) развития, т. е. обозначена и, вероятно, даже стратифицирована та или иная социальная проблема. В числе 5 основных беспокоящих проблем, существующих в городе проживания респондентов, отмечаются проблемы материального плана.

По итогам исследования больше всего людей в городах Кузбасса беспокоят экономические проблемы: невысокие зарплаты (65,7 %), цены на необходимые товары (46,6 %), проблемы безработицы (41,5 %); инфраструктурные: плохие дороги (44,4 %), проблемы ЖКХ (33,4 %) и др.

Среди проблем, получивших наименьшее распространение, называются следующие: перебои с работой общественного транспорта (5,9 %); произвол местных властей (5,2 %); плохая работа правоохранительных органов (4,7 %). По результатам массовых количественных вопросов проблемный акцент ставится на материальное благополучие, экономическое состояние общества и проблемы безработицы. Тревожащим показателем можно считать высказывание 34,7 % респондентов о готовности переехать в другой город в случае внезапного возникновения сложной жизненной ситуации, связанной с нынешним местом проживания. В то же время мы понимаем, что значительная часть подобных ответов скорее подчеркивает диспозицию ценности места жительства для современных горожан, нежели выражает твердое и обеспеченное необходимыми ресурсами решение покинуть город. При этом 33,7 % респондентов не согласны использовать и классический прием «Писать жалобы и обращения в вышестоящие инстанции» (при 15 % затруднившихся прокомментировать этот прием взаимодействия). Полагаем, что данное решение может демонстрировать неработоспособность командно-административных приемов взаимодействия городского населения и власти.

С другой стороны, 58 % (при 22,2 % затруднившихся ответить) горожан из числа опрошенных не согласились бы приютить у себя в доме беженцев. Показатель ксенофобии или ограничений толерантности сам по себе не работает на измерение уровня инициативности, однако может демонстрировать наполненность повседневного социального мира горожан другими, более значимыми и важными, по их мнению, проблемами (безработица, жилищно-коммунальное обслуживание, рост цен и уровень заработной платы и т. д.).

[1] Составлена по: Отчеты о работе Общественной палаты Кемеровской области. Режим доступа: http://opko42.ru/reports/ (дата обращения: 04.11.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

С точки зрения формальных инициатив 4 % респондентов указали, что в свободное от основных занятий время принимают участие в работе волонтерских организаций. При этом только 0,4 % затруднились обозначить свое свободное время, а 10,3 % респондентов ответили, что практически не имеют свободного времени. В то же время мы предполагаем, что некоторая часть респондентов переместила свое свободное время в пространство Интернет (соответственно 11,6 % и 12,4 % респондентов по итогам анкетных опросов в 2017 и 2018 гг.). Вероятно, именно в этой среде формируются новые «облачные» и сетевые площадки обсуждения и актуализации гражданских городских инициатив.

«Сегодня в России участие в социальных сетях распространено не столь широко, как доступ в Интернет. По данным исследования ИС РАН, регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю) социальные сети использует почти половина (47 %) граждан, что в численном эквиваленте означает, что в социальные сети сегодня вовлечены не менее 60 млн россиян. <…> …использование Интернета не всегда выливается в активность в социальных сетях – там регулярно общаются чуть более двух третей (71 %) активных пользователей Интернета. Еще треть активных интернет-пользователей в соцсетях зарегистрированы, но пользуются возможностями виртуального взаимодействия редко (13 %) или не пользуются вовсе (15 %). То есть как минимум треть активных пользователей Интернета в принципе не интересуют его коммуникативные возможности, а тем более возможности самоорганизации» [19, с. 103]. Однако процесс интернетизации населения запущен, и обратные тенденции можно рассматривать только в связи с угрозами глобальных геополитических, климатических или иных разрушительных трансформаций.

В современных российских социологических исследованиях приводятся рассуждения о трансформации методологии усложняющейся аномии, типологии новых проявлений аномии, «новой аномии» как ожидаемого и востребованного современным обществом направления социальных отношений. «Аномийное состояние – новая норма общества нового времени. Похоже, никому не интересно "общество без проблем", это более не самоцель социально-экономического и политического развития, социокультурных трансформаций» [20, с. 178; 21].

Если анализировать оценку населением городов деятельности городской власти, то в качестве иллюстрации можно привести примеры оценок жителями г. Кемерово работоспособности городской власти (табл. 3). Анкетный опрос проводился в г. Кемерово в феврале-марте 2019 г. (n=665 человек). На вопрос «Что из перечисленного городская власть выполняет лучше всего» допускалось несколько вариантов ответов.

Среди наиболее выделяемых форм деятельности городской власти респонденты отмечают управление муниципальной собственностью, финансовыми средствами местного самоуправления и охрану общественного порядка, обеспечение режима законности на данной территории, т. е. наиболее ресурсные и требующие публичного представительства виды деятельности. Если отмечать возрастную активность в оценках респондентов, то заметную интенсивность в оценках форм деятельности городской власти проявляют респонденты из двух возрастных категорий: 18–29 лет и 30–44 года. Полагаем, такая оценка является логичным последствием построения оценок деятельности органов власти в обществе переходного типа. Характерной особенностью построения оценок населением функционирования городской власти является отсутствие каких-либо рекомендаций и (или) предложений горожан по поводу разрешения возникающих проблем на территории.

Качественные нарративные исследования открывают несколько иную сторону проблемной жизни городских сообществ (автор описываемой методики Л. Ю. Логунова).

Табл. 3. Работоспособность городской власти, по мнению жителей г. Кемерово, %
Tab. 3. Efficiency of the city government, according to the residents of Kemerovo, %

Деятельность власти	Возраст респондентов			
	18–29 лет	30–44 года	45–55 лет	старше 55 лет
Обеспечение участия населения в решении местных дел	5,9	6,1	7,8	4,8
Управление муниципальной собственностью, финансовыми средствами местного самоуправления	13,4	14,5	16,5	13,3
Обеспечение развития соответствующей территории	11,8	11,5	4,9	8,6
Обеспечение потребностей населения в социокультурных, коммунальных, бытовых и других жизненно важных услугах	9,1	9,2	6,8	8,6
Охрана общественного порядка, обеспечение режима законности на данной территории	14,5	13,0	7,8	10,5
Защита интересов и прав местного самоуправления, гарантированных Конституцией РФ и законами	3,2	6,9	4,9	4,3

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

Перечислим некоторые инициативные и квазиинициативные программы и акции, заявленные или реализовавшиеся в Кемеровской области в недавнее время:

- фестиваль уличной культуры «Детализация-2017», г. Кемерово;
- конкурс на звание «Лучшая улица», г. Тайга;
- установка камня памяти «Окопы Ленинск-Кузнецкого пулеметного училища», г. Ленинск-Кузнецкий;
- организация спортивной площадки, «Праздник улицы» и обустройство придомных территорий (г. Ленинск-Кузнецкий, Лесной городок), г. Ленинск-Кузнецкий;
- акция «День добра» в рамках проекта «Мы выбираем здоровый образ жизни» (победитель областного конкурса на консолидированный бюджет), г. Мариинск;
- социальный проект «Тебе, Кузбасс!» (победитель областного конкурса на консолидированный бюджет), г. Прокопьевск;
- акции «Берег нашей памяти» и «Зелёная весна-2019», МБОО «Инициатива» и музей-заповедник «Красная горка», г. Кемерово;
- программа «Формирование современной городской среды на территории Мысковского городского округа на 2019 год», г. Мыски;
- проект «Культура малой Родины» в Кузбассе и др.

Приведенные примеры проектов показывают уровень «возможного» реализуемых инициатив. Примечательно, что большинство заявленных проектов и акций представляют собой гибридные сочетания гражданских поселенческих инициатив, а также региональных или федеральных проектов развития городских территорий РФ. Такое комплексное взаимодействие напоминает существование нескольких слабо пересекающихся в информационно-коммуникативном плане сторон-участников отношений, одна из которых формулирует правила и нормы отношений, а другая сторона демонстрирует проблемный фон (в виде неразрешенных местных социально-экономических проблем) и несоблюдение принципов обратной связи в отношениях городской власти и местных жителей.

Заключение

Гражданские инициативы в основном носят заявительный характер, т. е. инициируются и оснащаются в зависимости от поддержки органов местной власти [22; 23], либо реализуются в рамках федеральных социально-политических и экономических проектов. На данном этапе в приемах взаимодействия населения и власти городов Кузбасса обнаруживаются совместные (связываемые социальным заказом и властными инициативами проекты) и несвязанные / свободные инициативы горожан, которые носят преимущественно локальный территориально-поселенческих характер и обуславливаются соответствующим для осуществления набором ресурсов.

Среди актуализированных ресурсов городского населения можно обозначить следующие:

- индивидуально-личностные ресурсы граждан;
- коаптивные ресурсы сообществ горожан (например, в масштабах локализованных территорий города);
- потенциал виртуальных / сетевых сообществ городских жителей (развивающийся вид социальных ресурсов);
- интеллектуальные и социокультурные ресурсы горожан (качественное содержание которых зачастую обусловлено образовательным уровнем населения, а также социально-экономической специализацией деятельности).

Располагая определенным ресурсным потенциалом, население автономно имеет достаточно ограниченные возможности для реализации и внедрения социальных изменений с точки зрения собственного видения [24]. Как правило, подобные общественные инициативы ограничиваются попытками урегулирования повседневных жизненных практик социального взаимодействия в рамках «своей» (домашней) группы или территории. Однако должное институциональное сопровождение позволяет обновить «ткань» социального пространства, реконструировать объекты социальной инфраструктуры, акцентировать внимание на повседневных противоречиях с помощью инициатив [25].

Без взаимосвязи населения и власти невозможно правильно оценивать текущую социальную обстановку, т. к. важная часть информации, получаемая сторонами взаимодействия, может влиять на действия рассматриваемых субъектов территориального развития. Взаимный обмен информацией, идеями, ресурсами способствует качественному развитию городской территории и улучшению социально-политического климата [26].

Современная практика выявления и воплощения гражданских инициатив характеризуется противоречивой природой: проявляется интерес со стороны власти к ожиданиям и возможностям местного населения, но такая практика основывается на принципах фрагментарности, несистемности, ситуативности, топологической неоднородности [27]. Население территорий в свою очередь демонстрирует обобщенные социальные приемы социальных связей и отношений. Зачастую успешные практики взаимодействия населения и власти на своей территории участники относят на свой счет, отмечая сложность и ресурсную затратность отношений. В случае возникновения трудностей реализации заявленных на территории инициатив население апеллирует к недостаточным усилиям власти по построению правильных социальных взаимодействий или созданию умышленных препятствий, коррупционных схем. В частности, жители Кузбасса дают оценки уровня коррупции, возрастающие по мере удаления от них пространства коррупционных практик. Ситуация с коррупцией в России оценивается высоким уровнем 87,1 % (52,2 % респондентов отмечают очень высокий и 34,9 % – скорее высокий уровень коррупции), в Кемеровской области – 66,8 %. Обращает на себя внимание тот факт, что скорее низким уровнем коррупции в области

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

считают 24,8 %, в то время как в России лишь 7,7 %[2]. Население Кузбасса в основной массе выбирает традиционные и легитимные инструменты решения актуальных проблем.

За границами нашего исследования остался новый аспект территориального представления социально-политических отношений, при котором в обществе формируется социальный заказ на сферу услуг по информационному, нормативно-правовому, управленческому, социокультурному сопровождению повседневного взаимодействия, данное направление может стать темой дальнейших исследований.

Литература

1. Воронин П. Социология и Интернет: дискуссия состоялась // База данных ФОМ. 15.01.2005. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/gur050105 (дата обращения: 24.04.2019).
2. Терентьев Е. А., Нефёдова А. И., Груздев И. А. Влияние визуализации опросного инструментария в онлайн-исследованиях на качество данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 1–15. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.01.
3. Сухоруков Д. В. Структурно-функциональная специфика городской среды как фактор социокультурного развития // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 6. С. 116–120. DOI: 10.20339/AM.06-18.116
4. Маккуайр С. Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства. М.: Strelka Press, 2018. 268 с.
5. Хайек Ф. Инидивидуализм и экономический порядок; пер. с англ. О. А. Дмитриевой / под ред. Р. И. Капелюшникова. Челябинск: Социум, 2011. 394 с.
6. Козырьков В. П. Характер доместикации современного общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2009. № 4. С. 86–92.
7. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
8. Pilkington H., Pollock G. "Politics are bollocks": youth, politics and activism in contemporary Europe. The Sociological Review. 2015. Vol. 63. № S2. P. 1–35. DOI: https://doi. org/10.1111/1467-954X.12260
9. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure, and contradiction in social analysis. UC Press, 1979. 306 p.
10. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
11. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2013. 288 с.
12. Шпак Л. Л., Логунова Л. Ю., Головацкий Е. В., Кранзеева Е. А. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация. Кемерово: ИНТ, 2016. 151 с.
13. Ильин В. И. Социальная структурация в транзитивном пространстве российского мегаполиса // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 1. С. 89–125.
14. Малахова Н. Н. Инновационная личность как потребитель и производитель: экономические и социокультурные последствия формирования и функционирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2015. № 1. С. 127–137.
15. Inkeles A., Diamond L., Levinson D. J., Beier H., Hanfmann E. National character: a psycho-social perspective. Transaction Publishers, 1997. 392 p.
16. Орлова Э. А. Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987. 193 с.
17. Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011. 335 с.
18. Ягодка Н. Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 128–140.
19. Бараш Р. Э. Информационные и коммуникационные факторы самоорганизации россиян // Власть. 2015. № 11. С. 101–109.
20. Головацкий Е. В. Новая социология в изменившемся мире. Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 177–182. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-177-182
21. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
22. Marien S., Hooghe M., Quintelier E. Inequalities in non-institutionalised forms of political participation: a multi-level analysis of 25 countries // Political Studies. 2010. Vol. 58. № 1. P. 187–213. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2009.00801.x

[2] По данным анкетных опросов «Отношение населения к социальным проблемам региона и оценка состояния систем жизнеобеспечения» (апрель-май 2017 г., Кузбасс), n=393; «Мобилизация инициатив населения в решении социальных проблем территории» (апрель-июнь, 2017 г., Кузбасс), n=663.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

23. Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. № 1. P. 7–20. DOI: https://doi.org/10.1080/713701144
24. Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 78–86. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7
25. Ларина Т. И., Ильина А. А. Реконструкция социальных представлений о городе: опыт использования метода GO-ALONG // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 20–32. DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.02.
26. Опрятная О. П. Тринитарный подход как методологическое основание управления сложностью // Социология: 4М. 2005. № 21. С. 29–50.
27. Онлайн исследования в России 2.0 / отв. ред. С. Г. Давыдов. М.: Северо-Восток, 2010. 336 с.

Resources for Civic Initiatives in the Cities of Kuzbass*

Evgeny V. Golovatsky [a, @]; Natalia V. Nyatina [a]
[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@] xomaik@rambler.ru

Received 12.11.2019. Accepted 03.12.2019.

Abstract: The development of civic initiatives is a significant indicator of the social and political life of the community. A study of urban space initiatives can reveal both the state of civil society and the resource capabilities of the area. The research objective was to find tools for sociological analysis of resources of civil initiatives. The paper features some possibilities of social and political interaction between urban communities and the regional authorities. The civil initiatives within the urban communities of Kuzbass appeared to be poorly formed, especially in terms of quality content, self-expression, the nature of the initiatives, and the scale of resource capacity of the local population. The authors believe that the modern practice of using and attracting resources of civil initiatives is at its early stage in the cities of Kuzbass. Some formats of interaction between the authorities and the community are gradually emerging, but the local communities seem to mistrust the local authorities, which makes the interaction irregular and sporadic. The processes of interaction between the urban communities and the authorities demonstrate cases of joint and autonomous (as a rule, initiated by the community) use of publicity opportunities for the implementation of formal and informal civil initiatives. However, formal civic initiatives fail to convey all the diversity of the social demands that could improve urban life.

Keywords: social resource, civic activism, urban territories, social interaction, sociological research

For citation: Golovatsky E. V., Nyatina N. V. Resources for Civic Initiatives in the Cities of Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 300–309. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

References

1. Voronin P. Sociology and Internet: successful dialogue. *Public Opinion Foundation, Database*, 15.01.2005. Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/gur050105 (accessed 24.04.2019). (In Russ.)
2. Terentiev E. A., Nefedova A. I., Gruzdev I. A. Visualization of questionnaire in on line surveys: how different design features impact the data quality. *Monitoring of public opinion: Economic and social change*, 2016, (5): 1–15. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.01.
3. Sukhorykov D. V. Structural functional specific of urban environment as factor of socio-cultural development. *Alma mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*, 2018, (6): 116–120. (In Russ.) DOI: 10.20339/AM.06-18.116.
4. McQuire S. *Geomedia: Networked cities and the future of public space*. Moscow: Strelka Press, 2018, 268. (In Russ.)
5. Hayek F. *Initialism and the economic order,* tr. Dmitrieva O. A., ed. Kapelyushnikov R. I. Chelyabinsk: Sotsium, 2011, 394. (In Russ.)
6. Kozyrkov V. P. Character domesticates a modern society. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2009, (4): 86–92. (In Russ.)

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-411-420001\19, GRANT-Region No. 10, 2019.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

7. Zhelnina A. A., Tikanova E. V. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2019, 22(1): 162–192. (In Russ.) DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
8. Pilkington H., Pollock G. "Politics are bollocks": youth, politics and activism in contemporary Europe. *The Sociological Review*, 2015, 63(S2): 1–35. DOI: https://doi. org/10.1111/1467-954X.12260
9. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure, and contradiction in social analysis. *UC Press*, 1979, 306.
10. Chicherin B. N. *Philosophy of law*. Moscow: Tipo-litografiia Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°, 1900, 337. (In Russ.)
11. Bourdieu P. *Sociology of social space.* St. Petersburg: Aleteia, 2013, 288. (In Russ.)
12. Shpak L. L., Logunova L. Yu., Golovatsky E. V., Kranzeeva E. A. *Political consciousness and behavior: evolution and mobilization.* Kemerovo: INT, 2016, 151. (In Russ.)
13. Ilyin V. I. Social structurization in the transitive space of the Russian metropolis. *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia*, 2010, 19(1): 89–125. (In Russ.)
14. Malakhova N. N. Innovative personality as a producer and a consumer: economic and socio-cultural consequences of formation and functioning. *RUDN Journal of Economics,* 2015, (1): 127–137. (In Russ.)
15. Inkeles A., Diamond L., Levinson D. J., Beier H., Hanfmann E. *National character: a psycho-social perspective. Transaction Publishers*, 1997, 392.
16. Orlova E. A. *Modern urban culture and man.* Moscow: Nauka, 1987, 193. (In Russ.)
17. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N., Molokova M. A. *Civic initiatives and modernization of Russia*. Moscow: Kliuch-S, 2011, 335. (In Russ.)
18. Yagodka N. N. Civic initiatives as an instrument of dialogue between government and civil society in Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 2015, (4): 128–140. (In Russ.)
19. Barash R. E. Factors of information and communication in self-organization of the Russians. *Vlast*, 2015, (11): 101–109. (In Russ.)
20. Golovatsky E. V. New sociology in the changed world: a review on "Normal anomie" in Russia and the modern world" (edited by S. A. Kravchenko, Moscow: MGIMO-University, 2017). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2018, (4): 177–182. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-177-182
21. *"Normal anomie" in Russia and the modern world,* ed. Kravchenko S. A. Moscow: MGIMO-Universitet, 2017, 281. (In Russ.)
22. Marien S., Hooghe M., Quintelier E. Inequalities in non-institutionalised forms of political participation: a multi-level analysis of 25 countries. *Political Studies,* 2010, 58(1): 187–213. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2009.00801.x
23. Fukuyama F. Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*, 2001, 22(1): 7–20. DOI: https://doi. org/10.1080/713701144
24. Guseynova K. E. Breakthrough innovative projects as a solution to the problems of strategic development of the country. *Research result. Sociology and management,* 2018, 4(4): 78–86. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7
25. Larina T. I., Iliina A. A. Reconstruction of social representations of the city using the GO-ALONG technique. *Monitoring of public opinion: Economic and social change,* 2016, (3): 20–32. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.02
26. Opritnaia O. P. Trinitarian approach as methodological basis of complexity management. *Sotsiologiia: 4M*, 2005, (21): 29–50. (In Russ.)
27. *Online research in Russia 2.0*, ed. Davydov S. G. Moscow: Severo-Vostok, 2010, 336. (In Russ.)

Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические... 2019, 4(3)
DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

оригинальная статья
УДК 338.3; 658.562.4

Практические аспекты управления качеством на предприятиях строительной индустрии

Анжелика А. Емельянович [a]; Сергей В. Коваль [a, b, @]; Александр С. Какорин [a]
[a] Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20
[b] Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113
[@] svkkoval@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.11.2019. Принята к печати 03.12.2019.

Аннотация: Рассмотрены актуальность, внутренние и внешние резервы повышения качества продукции на предприятиях строительной индустрии – заводах по изготовлению железобетонных изделий и конструкций. Цель статьи – исследование и обоснование внешних и внутренних факторов повышения результативности управления качеством на предприятиях по производству строительных материалов и конструкций. В качестве инструмента, который может быть применен руководством предприятий, целесообразно внедрение элементов бережливого производства и его элемента – «6 сигм», который рассматривается как внутренней фактор управления качеством продукции. Описана сертификация продукции для строительства как внешний инструмент воздействия на управление качеством в отрасли. В соответствии с целью обоснована необходимость и возможность обязательной сертификации продукции предприятий строительной отрасли при выходе на тендеры для получения объемов работ; а также дан обзор результатов опыта внедрения бережливого производства на заводах по производству железобетонных изделий. Проблемы обеспечения качества продукции в отрасли носят стратегический характер и могут быть причиной экономических, экологических и других негативных последствий. Ключевым фактором для применения различных инструментов менеджмента качества в отрасли является то, что продукция рассчитана исключительно на внутренний рынок, она не экспортируется и сырье для ее производства не импортируется. Таким образом, ее сертификация по стандартам ISO 9001 или ГОСТ Р ИСО 9001 законодательно не требуется, является абсолютно добровольной и выполняет в случае реализации этого мероприятия по инициативе руководства предприятия только имиджевые функции. По мнению авторов, обязательность условия сертификации особенно в случае участия предприятий в тендерах на получение государственных заказов позволит решить имеющиеся проблемы с качеством производства строительных работ. В качестве внутреннего инструмента управления качеством на предприятиях отрасли может быть рассмотрена концепция «6 сигм» как один из элементов бережливого производства, что подтверждается и результатами внедрения элементов концепции бережливого производства на заводах железобетонных изделий, которые пока носят единичный характер.

Ключевые слова: продукция заводов ЖБИ, управление качеством, система менеджмента качества, подход к управлению качеством, требования ГОСТов

Для цитирования: Емельянович А. А., Коваль С. В., Какорин А. С. Практические аспекты управления качеством на предприятиях строительной индустрии // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 310–317. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

Введение

При производстве товаров потребительского назначения вопрос внедрения системы управления качеством является ответом производителя на запросы конечных потребителей и требований надзорных органов. Если рассматривать вопрос с точки зрения маркетинга, то высокое качество продукции массового спроса ведет в конечном итоге к кризисам перепроизводства. Если говорить о строительной продукции и продукции заводов железобетонных изделий, то здесь вопрос качества носит другой характер. По значимости показатель качества такой продукции можно сравнить с товарами, инструментами и оборудованием для медицинской отрасли. Применение некачественных материалов, конструкций в строительстве в различных периодах оценки рисков может привести к необратимым негативным последствиям, опасным для жизни людей.

Являясь композитным строительным материалом, железобетонные изделия (ЖБИ) изготавливаются из бетона различных марок (зависит от показателей плотности и прочности) и стальной арматуры. Исходя из целевого назначения сформирована широкая номенклатура железобетонных

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

изделий: бетонные блоки, лотки, кольца, плиты и перегородки для поддержки и укрепления конструкции зданий и сооружений. Независимо от материала стен в основе – каркасе строительных объектов – используются ЖБИ, обеспечивая прочность и надежность возводимых объектов. У потребителя качество этих изделий не должно вызывать вопросов и сомнений.

Анализ результатов опыта внедрения различных подходов к управлению качеством в реальном производстве, ранее проводимый Е. В. Фрейдиной [1], Т. Ю. Шемякиной и М. Ю. Селивохиным [2], В. В. Окрепиловым [3], О. Г. Поповой [4], позволяет обратить внимание на один общий существенный момент: успех внедрения любого из них зависит от строгого соблюдения условий, которые не подлежат формализованной оценке. При этом недовыполнение или невыполнение этих условий заведомо обрекает проект по внедрению системы управления качеством на неудачу:

1) инициатива о внедрении проекта должна исходить сверху – от руководства предприятия;

2) вовлеченность топ-менеджмента в проект на всех стадиях и по всем параметрам должна быть реальной, а не формальной;

3) для реализации проекта требуется качественная предпроектная подготовка систем мотивации и обучения персонала, обеспечивающих выполнение условия *вовлеченность персонала*.

Обязательность первого условия связана с тем, что только на уровне руководителей высшего уровня можно увидеть системные ошибки, результаты всех процессов на предприятии. Внедрение системы управления качеством относится к реализации стратегических целей, а стратегическое планирование в соответствии с действующим ГОСТ Р 52806-2007 находится в зоне ответственности руководства высшего звена.

Говоря о реальной вовлеченности руководства в проект по внедрению любой системы качества, подразумевается не только обязательность контроля с его стороны за промежуточными результатами проекта и корректировка действий и задач в соответствии с ними, но и реальное участие в нем даже на уровне снижения представительских затрат, снижения расходов на содержание административно-управленческого аппарата, начиная с первого лица или собственника бизнеса, заинтересованного в результатах самого проекта. Такая политика, помимо экономического эффекта, обеспечит фундамент для выполнения третьего условия – эффективной системы мотивации персонала. Изучением проблемы управления качеством занимались Л. А. Воеводина 5], А. А. Емельянович и др. [6], М. А. Коргова и А. А. Кипа [7], В. В. Окрепилов и И. В. Чудиновских [8], А. В. Самаруха [9], Б. В. Черников [10].

Методы и материалы

Рассмотрим особенности некоторых подходов к управлению качеством с точки зрения результативности их использования на предприятиях / заводах по производству железобетонных изделий. Для этого в первую очередь выявим особенности производства самой продукции этих предприятий с точки зрения управления ее качеством.

По данным представителей профессионального сообщества в строительных отходах доля бетона и железобетонных изделий составляет 26 %. Как и в любом другом производстве, брак при производстве железобетонных изделий может быть устранимый и неустранимый.

Устранимый брак у готовых изделий представляет собой, например, сетку поверхностных трещин и небольшие сколы, которые не влияют на качество изделий, их монтажа и эксплуатации. Кроме того, такие дефекты могут появиться в результате транспортировки. Такие дефекты устраняются с помощью цементно-песчаного раствора, различными ремонтными смесями. Наиболее критичным является заводской брак, который выявляется в результате испытаний в лабораториях на заводах ЖБИ и устраняются тут же на производстве, что с экономической точки зрения повышает расходы на производство.

К неустранимому браку, который может привести к деформации и разрушению конструкции, относятся глубокие трещины, изменение арматурной конструкции, уменьшение защитного слоя. Такой вид брака приносит наибольшие убытки заводу-производителю, изделия подлежат утилизации, что, в свою очередь, влечет возникновение затрат.

Стоимость оборудования для переработки железобетонных изделий составляет порядка 240–370 тыс. евро, т. е. порядка 20 млн руб. и выше. Такой объем инвестиций доступен не для всех заводов по производству ЖБИ, деятельность которых подвержена фактору сезонности и не относится к высокомаржинальным отраслям. Проблему окупаемости таких комплексов можно решить, рассматривая переработку как дополнительный вид бизнеса, но такой подход также актуален преимущественно для крупных предприятий и требует дополнительных расчетов эффективности инвестиционных затрат.

Переработка неустранимого брака у сторонних организаций, оказывающих такой вид услуг, тоже сопряжена с дополнительными затратами. Так, в г. Новосибирск стоимость такой услуги (без транспортировки к месту утилизации) составляет от 300 руб. за тонну. Преимущества утилизации очевидны: экономия на покупке сырья для производства новых изделий, источник вторичного щебня различных фракций, ликвидация строительного мусора. Но ввиду отсутствия жестких единых требований государства к утилизации отходов многие производители предпочитают неэкологичные способы избавления от брака: вывоз брака на стихийные свалки, хранение его на своей территории.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

На текущий момент не требуется обязательная сертификация продукции отрасли ввиду ее ориентированности на внутренний рынок как по экспорту самой продукции, так и по импорту сырья для нее. Поэтому наличие сертификата соответствия системы менеджмента качества (СМК) на предприятии требованиям международного стандарта ISO 9001 у некоторых заводов, скорее один из маркетинговых ходов, имиджевая акция, а не следование обязательным требованиям законодательства.

Сертификат соответствия на ЖБИ, который выдается специализированным аккредитованным органом, подтверждает тот факт, что продукция прошла испытания и проверки на соответствие заявленным в технической документации характеристикам: техническим условиям (ТУ) или межгосударственным стандартам (ГОСТ).

Пройдя все лабораторные испытания, заявитель получает возможность выделить приоритетные стороны своей продукции для потенциальных покупателей. На сегодняшний день сертификация железобетонных изделий – это конкурентное преимущество, которое напрямую влияет на увеличение объемов продаж выпускаемой продукции. Кроме того, производитель, оформивший добровольный сертификат на ЖБИ, может принимать участие в тендерах (конкурсах) на государственных и коммерческих торговых площадках.

Формально наличие добровольного сертификата значительно повышает уровень доверия к продукции компании-производителя, по сравнению с конкурентами. Предполагается, что покупатель всегда отдаст предпочтение той организации, товар которой проверен экспертами органа по сертификации.

Добровольный сертификат является одним из возможных конкурентных преимуществ предприятия в сфере производства ЖБИ при реализации продукции, но его оформление связано с трудозатратами и затратами денежных средств. Так, сертификация железобетонных изделий под один ГОСТ или одно ТУ обходится на год около 125 долларов, на три года – около 200 долларов. Кроме того, отдельно оплачиваются протоколы испытаний, стоимость такой процедуры уже значительно дороже.

Ввиду необязательности условия сертификации добровольно на такую процедуру решаются не все предприятия, экономя время и деньги. Обязательного государственного контроля в данном вопросе на текущий момент нет.

Для соответствия продукции параметрам качества на заводах ЖБИ согласно ГОСТам в специально созданных лабораториях осуществляется проведение приемки сырья и материалов, пооперационный контроль технологического процесса, контроль качества готовой продукции путем испытаний разрушающими и неразрушающими методами. Перечисленные контроль и испытания осуществляются в соответствии с действующими ГОСТами, техническими условиями и внутриотраслевыми и внутренними нормативными актами по качеству.

Такие лаборатории могут позволить себе лишь крупные производственные предприятия по производству ЖБИ. Наличие сектора малого бизнеса в данной отрасли при отсутствии жесткого регулирования в отношении качества производимых железобетонных изделий несет в себе негативные последствия.

В период сезонной активности на региональные рынки выходят мелкие недобросовестные производители, которые для снижения затрат и, соответственно, цены нарушают требования норм и требования ГОСТов. При визуальном осмотре железобетонного изделия многие дефекты и брак не определимы. Без специального оборудования невозможно идентифицировать качество бетона, количество металлических прутков и форму сетки внутри изделия.

Нарушение технологии изготовления ЖБИ может заключаться в несоблюдении нормы веса металла в изделии, в применении смеси из песка, щебня и клея-пластификатора. Перечисленные приемы позволяют более чем в 2 раза снизить стоимость готового изделия. Такие предприятия выходят на тендеры крупных заказчиков, включая организации, специализирующиеся на дорожном покрытии, энергосбытовые компании. Выполняя условия тендеров, такими участниками предоставляются в пакете тендерной документации цветные копии заключений о качестве лабораторий крупных заводов-изготовителей (т. е. имеет место фактически фальсификация документов) и предложение номенклатуры с существенно меньшими ценами, чем у крупных заводов-изготовителей. В последние годы явление получило массовое распространение. Для снятия рисков низкого качества строительной продукции и экономических потерь заказчиков, которые влекут подобные тендеры, требуется разработка регулирующих мер, предотвращающих появление и процветание таких «кустарных» производств хотя бы на уровне регионов. В качестве одного из решений могут быть рассмотрены обязательные требования к сроку деятельности предприятия, наличию испытательной лаборатории, брэнда, сертификация тех железобетонных конструкций и изделий, с которыми предприятия выходят на тендер. Но с учетом стоимости сертификации необходимо продумать вопрос о льготной или упрощенной процедуре для предприятий, в структуре которых есть аккредитованная лаборатория, оснащенная необходимым оборудованием для испытания опытных образцов и материалов.

Коммерческая добровольная сертификация на стандартных условиях не является привлекательной для большинства даже самых добросовестных производителей. Цена на сертификацию одного изделия уже указывалась выше. Данная проблема может быть решена с помощью льготных тарифов. Потери от снижения цены при этом могут быть компенсированы объемами работ по сертификации.

Наибольшую популярность в последние годы на производственных предприятиях получило внедрение элементов бережливого производства. В табл. 1 отражены

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

результаты некоторых проектов на предприятиях строительной индустрии, а далее описаны особенности некоторых из них и возможности применения инструментов СМК для снижения потерь.

Ставя задачу повышения эффективности управления качеством выпускаемой продукции, современный руководитель должен знать, что вся деятельность предприятия делится на операции и процессы, добавляющие ценность и не добавляющие ценности для клиента. Внедрение бережливого производства предполагает постановку задачи себе и каждому сотруднику по планомерному сокращению процессов и операций последней группы. Другими словами, максимально оптимизируются бизнес-модель организации и все без исключения процессы, осуществляемые при производстве товаров или услуг для потребителей.

В производственном процессе потери существуют всегда. Для производства строительных материалов (ЖБИ) можно выделить следующие виды потерь и причины их возникновения (табл. 2). В табл. 3 предложено возможное использование элементов подходов и систем управления качеством.

Концепция «6 сигм» впервые была применена в компании *Motorola* в 1980-х гг. с целью снижения количества дефектов и позволила снизить этот показатель с 37,6 % до 3,4 % на млн выпускаемой продукции. В результате сложился значительный объем сэкономленных средств за счет сокращения требований клиентов по устранению брака. Кратко девиз концепции можно выразить одной фразой: «Делать все правильно с первого раза».

После оглашения результатов другие компании, такие как *Apple*, *Samsung*, *Ikea*, *Sony*, заявили об использовании опыта *Motorola* и получили аналогичные результаты. Особенностью концепции «6 сигм» является применение статистических инструментов и методов решения проблем, методический и систематический способ получения данных, которые приведут в итоге к кардинальным улучшениям. Первоначально, как и у концепции бережливого производства, объектом воздействия «6 сигм» являлся производственный процесс. Но в процессе развития возможность применения основных принципов концепции стала реализовываться и во вспомогательных бизнес-процессах: маркетинге, закупках, управлении дебиторской и кредиторской задолженностью.

Ключевые компоненты успешной реализации «6 сигм»: поддержка высшего руководства, организационная инфраструктура, обучение, применение статистических инструментов и связь с человеческими ресурсами (например, бонусирование за выполнение плана с наименьшим числом выхода бракованной продукции).

Концепция «6 сигм» рассматривается часто как ответвление бережливого производства, и ее философия заключается в том, чтобы постоянно снижать вариации в отклонении от стандарта 100 %-ного качества, не допуская вариативности показателя качества 99,99 %.

Одним из ключевых факторов успеха программы «6 сигм» является пошаговый подход или дорожная карта с этапами определения, измерения, анализа, улучшения и контроля. Этап определения заключается в выявлении

Табл. 1. Результаты использования Lean-технологий на предприятиях строительной отрасли
Tab. 1. The results of the use of Lean-technology in the construction industry

Предприятие	Продукция, выпускаемая предприятием	Результаты внедрения «6 сигм» / Lean-технологий
Воронежский комбинат строительных материалов, Воронеж	железобетонные изделия	• увеличение производственных мощностей, стало возможным производить больше продукции; • оптимизация персонала; • упрощение организационной структуры
ГК «Ижсинтез-отделочные материалы», Ижевск	строительно-отделочные материалы	• снижение издержек на устранение ошибок исполнителей на 36 %
Завод железобетонных изделий № 13, г. Искитим, Новосибирская область	плиты перекрытия пустотные	• снижение издержек на 18,4 %, связанных с утилизацией и хранением бракованной продукции
Комбинат строительных материалов № 10, Ростов-на-Дону	железобетонные изделия, арматурные сетки и каркасы	• снижение издержек на 23 % за счет снижения расходов на утилизацию и хранение брака
Курский завод строительных конструкций, Курск	сэндвич панели для стен и кровли, ограждающие и огнеупорные конструкции	• оптимизация штата на 12 %; • снижение издержек на выпуск и хранение продукции, которая не пользовалась популярностью, на 17 %
Саранский завод лицевого кирпича, Саранск	кирпич керамический лицевой, рядовой	• снижение уровня выхода брака на 58 %; • оптимизация рабочего времени; • повышение работоспособности у исполнителей

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

Табл. 2. Виды потерь при производстве ЖБИ и причины их возникновения
Tab. 2. Types of losses in the production of reinforced concrete and their causes

Вид потерь	Причины возникновения
Процессы, добавляющие ценность	
Потери из-за перепроизводства	необходимость формирования складских запасов к сезону
Потери времени из-за ожидания окончания технологического процесса	технологии производства продукции
Потери из-за лишних этапов обработки при работе с устранимым браком (ликвидация дефектов)	нарушение технологии производства работ, несоответствие качества сырья и материалов
Потери из-за выпуска дефектной продукции	нарушение технологии производства работ, несоответствие качества сырья и материалов, низкая квалификация персонала, задействованного в производственном процессе
Потери рабочего времени вследствие лишних перемещений рабочих в процессе производства продукции	отсутствие технологических карт либо ошибки в них, отсутствие аудита процессов, низкая квалификация сотрудников
Вспомогательные процессы	
Потери при транспортировке	хрупкость материала
Потери из-за лишних запасов	отсутствие четкого календарного плана заказов, необходимость формирования страховых складских запасов в преддверие сезона и в сезон
Потери при хранении и утилизации бракованной продукции	неустранимый брак

Табл. 3. Возможные инструменты систем менеджмента качества для ликвидации потерь на заводах по производству ЖБИ
Tab. 3. Quality management tools at plants that produce reinforced concrete

Вид потерь	Возможные пути решения (инструменты СМК)	Ожидаемый эффект	Целесообразность использования
Потери из-за перепроизводства	контрольные листы	заявка поступает «точно вовремя» при помощи контрольных листков, и каждое подразделение владеет информацией по своим бизнес-процессам	использование целесообразно, позволяет объединить различный профиль подразделений в одну систему, возможно использовать связанную CRM-систему
Потери из-за лишних этапов обработки при работе с устранимым браком (ликвидация дефектов)	диаграмма Исикавы	при помощи графического изображения в виде рыбьего скелета выявляется причинно-следственная связь	при внедрении данного типа анализа есть возможность наглядно просмотреть процессы, на которых процент выхода исправимого брака наиболее высокий, и провести их реинжиниринг
Потери из-за лишних запасов	система JIT	сокращение расходов на хранение продукции – «производим то, что необходимо, точно в срок»	рассматривается для каждого производства индивидуально; подходит только при постоянной базе клиентов
Потери из-за выпуска дефектной продукции	контрольные карты В. Шухарта	определение доли дефектных изделий, число дефектных изделий, число дефектов в выборке	при автоматизации регистрации брака позволит выявить наиболее неэффективный процесс
Потери рабочего времени, связанные с лишними перемещениями рабочих в процессе производства продукции	5s	каждый работник знает, где расположен инвентарь для его работы	простая система внедрения, быстрая адаптивность, подходит любому предприятию

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

и фиксировании проблемы, описания ее критических качественных характеристик, которые являются наиболее важными для итогового потребителя. На этапе измерений устанавливаются четко обозначенные выходные характеристики качества выпускаемой продукции и критерий максимально допустимой погрешности в показателях качества, после чего происходит сбор предварительных данных для оценки текущего качества и производительности процесса. Последующий этап анализа посвящен выявлению причин дефектов или ошибок (Xs или входные переменные) с последующей разработкой мер по их уменьшению и / или ликвидации на этапе улучшения. После чего проводятся измерения для достижения статистического результата процента брака – 99,99 %. В случае, если показатель не достигается, требуется возврат на этап анализа. На этапе контроля предполагается текущий и плановый контроль качества для поддержания результатов и своевременных мер по предотвращению снижения качества по другим причинам.

Методологию «6 сигм» в системе менеджмента качества не целесообразно выделять в самостоятельное направление, так, она, например, в системе менеджмента качества на иностранных производственных предприятиях, относящихся к строительному комплексу, применяется в составе использования Lean-технологии. Ее применение целесообразно только в случае полной автоматизации процесса производства на предприятии и высоком уровне CRM, а также в случаях, когда повышение качества продукции становится основной стратегией на планируемый период. Кроме того, применение данной концепции оправдано в рамках системного внедрения всех элементов бережливого производства на предприятии, т. к. такой проект предусматривает обязательную полную автоматизацию всех процессов.

Результаты

В настоящее время в сфере производства изделий и конструкций для строительства еще не получили широкого распространения популярные инструменты управления, которые активно внедряются на производственных предприятиях других отраслей. Это во многом связано с особенностями самой продукции, рынком ее сбыта и ограниченностью сбыта. В статье рассмотрены известные примеры внедрения бережливого производства и возможности для использования концепции «6 сигм» для повышения качества продукции в отрасли. Однако использование этих подходов – дело внутренней стратегии и методов ее реализации предприятием.

В качестве инструмента внешнего воздействия на качество бетона и изделий из него наибольший интерес представляет вопрос обязательной сертификации при участии предприятий-производителей в тендерах, особенно в рамках крупных проектов с использованием бюджетного финансирования. Однако здесь необходимо рассмотреть вопрос льготной сертификации, в первую очередь касающийся цены на процедуру для предприятий, которые имеют сертифицированную лабораторию в составе функциональной структуры. В противном случае сертификация приведет к значительному удорожанию самой продукции для предприятия, а значит и для потребителя.

Заключение

В статье рассмотрены действующие инструменты управления качеством продукции, которые могут применяться и уже применяются (единичные случаи) на предприятиях по производству железобетонных изделий. В качестве нового инструмента, который мог бы стать дополнительной гарантией качества для потребителей продукции заводов ЖБИ предлагается рассмотреть сертификацию продукции заводов, начало может быть положено требованиями к обязательной сертификации при выходе на тендеры. Такая мера, с одной стороны, позволит отсеять недобросовестных участников с демпинговыми ценами при низком качестве продукции, с другой стороны, даже при введении льготных тарифов для крупных предприятий-производителей, в структуре которых предусмотрены аккредитованные испытательные лаборатории, позволит обеспечить поступление денежных средств от данной услуги. Необходимо при этом понимать, что сертификация продукции на действующих условиях не целесообразна для предприятия, высокозатратна и не дает преимуществ таким производителям на отраслевом рынке.

Литература

1. Фрейдина Е. В. Управление качеством. М.: Омега-Л, 2018. 189 с.
2. Шемякина Т. Ю., Селивохин М. Ю. Производственный менеджмент: управление качеством (в строительстве). М.: АльфаМ, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 272 с.
3. Окрепилов В. В. Управление качеством. М.: Экономика, 1998. 639 с.
4. Попова О. Г. Качество продукции – актуальная экономическая проблема АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2002. № 10. С. 10–14.
5. Воеводина Л. А. Совершенствование управления качеством на производственном предприятии // Поколение будущего: взгляд молодых ученых-2017: сб. науч. ст. 6-й Междунар. молодежной науч. конф. / отв. ред. А. А. Горохов. (Курск, 09–10 ноября 2017 г.) Курск: Университетская книга, 2017. Т. 4. С. 45–49.
6. Емельянович А. А., Кулягина Е. А., Коваль С. В. Опыт и проблемы внедрения бережливого производства в российских компаниях // Транспортное дело России. 2018. № 2. С. 70–73.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

7. Коргова М. А., Кипа А. А. К Вопросу об ограничениях системы управления // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 206–213.
8. Окрепилов В. В., Чудиновских И. В. Экономика качества: создание и перспективы развития // Управление качеством в интересах устойчивого развития: сб. мат-лов межвуз. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2019 г.) Спб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 139–146. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id19-161
9. Самаруха А. В. Финансово-бюджетное проектирование в управлении качеством производственного процесса на предприятии // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 6. С. 1004–1013. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(6).1004-1013
10. Черников Б. В. Управление качеством программного обеспечения. М.: ИД ФОРУМ, ИНФРА-М, 2018. 240 с.

Practical Aspects of Quality Management in the Construction Industry

Angelica A. Emelyanovich [a]; Sergey V. Koval [a, b, @]; Alexander S. Kakorin [a]
[a] Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073
[b] Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, 113, Leningradskaya St., Novosibirsk, Russia, 630008
[@] svkkoval@yandex.ru

Received 12.11.2019. Accepted 03.12.2019.

Abstract: The authors consider the internal and external reserves of improving the quality of products at the enterprises that produce reinforced concrete. The research objective was to study and substantiate the external and internal factors, thus improving the effectiveness of quality management. The paper focuses on the use of such tool of sustainable development as "Six Sigma", which is considered as an important factor in product quality management. The paper also features the process of certification as an external tool that can improve quality management in the construction industry. The authors justified the necessity of mandatory certification of construction products when bidding for a tender. The paper also reviews the experience of sustainable production at reinforced concrete plants. The problems of product quality in the industry are of strategic nature and can cause economic, environmental, and other negative consequences. Quality management should become compulsory in the industry since its products are designed exclusively for the domestic market. As a result, its certification according to State Standards ISO 9001 or GOST R ISO 9001 is absolutely voluntary and performs only image-making functions. As far as tenders for state orders are concerned, mandatory certification may solve the existing problems with the quality of construction work. As internal quality management tool, the concept of "Six Sigma" can be useful for concrete works.

Keywords: products of concrete products factories, quality management, quality management system, approaches to quality management, requirements of GOSTs

For citation: Emelyanovich A. A., Koval S. V., Kakorin A. S. Practical Aspects of Quality Management in the Construction Industry. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 310–317. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

References

1. Freidina E. V. *Quality management*. Moscow: Omega-L, 2018, 189. (In Russ.)
2. Shemyakina T. Yu., Selivokhin M. Yu. *Production management: quality management (in construction)*. Moscow: AlfaM, NITs INFRA-M, 2018, 272. (In Russ.)
3. Okrepilov V. V. *Quality management*. Moscow: Ekonomika, 1998, 639. (In Russ.)
4. Popova O. G. Product quality is an urgent economic problem in the agricultural sector. *Ekonomika sel'skogo khoziaistva Rossii*, 2002, (10): 10–14. (In Russ.)
5. Voevodina L. A. Improving quality management in a manufacturing enterprise. *Generation of the future: young scientist' perspective-2017*: Proc. 6th Intern. youth Sci. Conf., ed. Gorokhov A. A., Kursk, November 09–10, 2017. Kursk: Universitetskaia kniga, 2017, vol. 4, 45–49. (In Russ.)
6. Emelyanovich A. A., Kulyagina E. A., Koval S. V. Experience and problems of lean production implementation in Russian companies. *Transport business in Russia*, 2018, (2): 70–73. (In Russ.)
7. Korgova M. A., Kipa A. A. About the constraints of management system. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia,* 2013, (11): 206–213. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-310-317

8. Okrepilov V. V., Chudinovskikh I. V. Quality economics: creation and development prospects. *Quality management in the interests of sustainable development*: Proc. interuniversity Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, March 14–15, 2019. St. Petersburg: POLITEKh-PRESS, 2019, 139–146. (In Russ.) DOI: 10.18720/SPBPU/2/id19-161
9. Samarukha A. V. Budgeting and financial planning in production process quality management on the enterprise. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii,* 2015, 25(6): 1004–1013. (In Russ.) DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(6).1004-1013
10. Chernikov B. V. *Quality management software*. Moscow: ID FORUM, INFRA-M, 2018, 240. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

оригинальная статья
УДК 332.144

Динамика инвестиционной привлекательности Кемеровской области, 2008–2017 гг.

Александр А. Лазоренко [a, @]
[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@] 97lazorenko@mail.ru

Поступила в редакцию 15.07.2019. Принята к печати 16.09.2019.

Аннотация: Инвестиционная привлекательность региона является сложной категорией, которая с разных сторон характеризует состояние социально-экономической сферы общества. Она может рассматриваться на двух уровнях: на уровне организации и на уровне страны или региона. На данный момент не существует единого мнения относительно сущности данной категории, отсутствует единая система показателей, характеризующих инвестиционную привлекательность организации или территории. Повышение инвестиционной привлекательности региона оказывает существенное влияние на экономику и различные аспекты социальной жизни населения, поскольку увеличивается заинтересованность инвесторов в реализации экономических проектов на соответствующей территории. Автором была разработана система показателей инвестиционной привлекательности, включающая в себя пять групп параметров, которые характеризуют инвестиционный потенциал региона. Далее была проанализирована динамика рассматриваемых показателей в Кемеровской области за десять лет (2008–2017). Среди них наибольшей положительной динамикой обладали показатели инфраструктурного и производственного потенциала. Среди показателей, рост которых оказывает негативное влияние на инвестиционную привлекательность, максимальную динамику продемонстрировали параметры, характеризующие финансовый потенциал региона, а также показатель удельного веса автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность организации, инвестиционная привлекательность региона, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, система показателей, динамика показателей

Для цитирования: Лазоренко А. А. Динамика инвестиционной привлекательности Кемеровской области, 2008–2017 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 318–326. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

Введение

Для нормального функционирования и развития различных экономических систем в условиях рынка и ограниченных ресурсов крайне важными являются своевременные капитальные вложения как в случае с отдельно взятым предприятием или отраслью, так и с экономикой региона или страны в целом. В связи с этим проблема оценки и управления инвестиционной привлекательностью объектов инвестирования является важной и актуальной. Именно с помощью оценки привлекательности объекта инвестирования можно получить представление о наиболее эффективном варианте капитальных вложений.

Изучением вопросов инвестиционной привлекательности занимаются специализированные организации, коллективы учёных. При этом затрагиваются вопросы определения наилучшей практики оценки инвестиционной привлекательности. В современных методиках чаще всего применяется комплексный подход к оценке инвестиционной привлекательности, поскольку она определяется широким спектром различных факторов, каждый из которых может иметь ключевое значение для итоговой оценки.

Цель исследования – разработка и апробация системы показателей инвестиционной привлекательности региона на примере Кемеровской области. В качестве основной информационной базы выступают данные Единой Межведомственной Информационной Статистической системы (ЕМИСС)[1].

Теоретические основы инвестиционной привлекательности

Формирование и динамика инвестиционной привлекательности исследуются на всех уровнях экономики: макро-, мезо-, микро- и даже мега- и наноэкономики. В широком смысле инвестиционная привлекательность представляет собой макроэкономические факторы, которые способны повлиять на целесообразность инвестирования, а также отраслевые и другие факторы. В узком смысле инвестиционная

[1] Официальный сайт ЕМИСС. Режим доступа: https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 14.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

привлекательность – это микроэкономические факторы, т. е. различные показатели финансового состояния организации [1, с. 92]. Прежде всего обратимся к различным взглядам на терминологическое содержание данного понятия на уровне организации.

По мнению М. Н. Крейниной, инвестиционная привлекательность связана с финансовым состоянием организации, т. е. с рядом показателей, характеризующих ее финансовое состояние, в частности тех, которые влияют на доходность капитала предприятия, курс акций и уровень дивидендов [2, с. 47]. Ряд авторов, таких как Э. И. Крылов, В. М. Власова и М. Г. Егорова, рассматривают инвестиционную привлекательность как самостоятельную экономическую категорию. При этом она напрямую зависит от финансовой устойчивости организации, рентабельности капитала, курса акций и дивидендной политики (уровня выплачиваемых дивидендов). Важной составляющей инвестиционной привлекательности организации является ее способность отвечать запросам потребителей, иными словами, клиентоориентированность предприятия и конкурентоспособность продукции. Помимо вышеуказанных факторов на инвестиционную привлекательность оказывает влияние инновационная активность – один из аспектов стратегического развития организации. По мере реализации инновационного плана, использования нововведений (научно-технических, технологических и организационно-управленческих) риски инвесторов снижаются, т. к. происходит повышение технико-экономического уровня производства и финансовой устойчивости организации [3, с. 5].

Существует и другая точка зрения, согласно которой инвестиционная привлекательность есть не что иное, как система экономических отношений, которые могут возникать между субъектами хозяйствования. В таком случае на инвестиционную привлекательность влияет эффективность управления собственным и заёмным капиталом, поскольку этим определяется жизнеспособность и конкурентоспособность бизнеса. Инвестиционная привлекательность может увязываться с интересами и возможностями участников инвестиционного процесса. Важным условием эффективности инвестиционной деятельности в данном случае является согласованность интересов участников. Исходя из этого, инвестиционная привлекательность организации – это экономическая целесообразность инвестирования, которая определяется интересами и возможностями субъектов инвестиционного процесса.

Другие авторы считают, что инвестиционная привлекательность определяется доходностью вложений, т. е. экономическим эффектом инвестиционной деятельности. Возникновение такого рода эффекта связано с вложением свободных денежных средств в безрисковые ценные бумаги или корпоративные ценные бумаги с минимальным риском. Основными критериями оценки инвестиционной привлекательности организации в данном случае будут являться показатели рыночной активности [1, с. 93].

Инвестиционная привлекательность может рассматриваться на уровне региона. Оценка инвестиционной привлекательности как в мировой, так и в отечественной практике связана с учётом различных факторов макросреды (политических, экономических, социальных), которые позитивно влияют на привлечение инвестиций, а также на развитие долгосрочной инвестиционной деятельности. Как отмечалось ранее, основой оценки инвестиционной привлекательности являются системы параметров макросреды. Эти системы могут включать в себя показатели объёмов валового национального продукта и валового внутреннего продукта, показатели, определяющие обеспеченность природными ресурсами, сырьевыми запасами и трудовыми ресурсами, состав отраслевой структуры экономики (национальной, региональной), состояние её инфраструктурной поддержки, степень участия государства в экономике и др. [4, с. 52].

Отечественная практика оценки инвестиционной привлекательности также связана с определением результатов процесса инвестирования, что обусловлено переходным характером её экономики. В этом случае необходимо осуществлять анализ таких факторов, как географическое положение региона, расстояние между ним и экономически развитыми центрами страны, его взаимосвязь с другими субъектами, плотность и занятость населения, уровень безработицы, демографические характеристики, масштабы институциональных преобразований, состояние и перспективы проводимых социально-экономических реформ, культурное наследие, качество и состав трудовых ресурсов, наличие экономического потенциала и другие факторы [4, с. 53; 5, с. 16].

Существует два взаимосвязанных фактора, которые в совокупности определяют инвестиционную привлекательность территории: инвестиционный риск и инвестиционный потенциал [6; 7, с. 17; 8, с. 16].

Инвестиционный потенциал представляет собой объективные экономические, социальные, природно-географические и другие свойства региона, которые в значительной мере способны повлиять на привлечение инвестиций и рассматриваются в совокупности [9, с. 44; 10, с. 37–38].

Инвестиционный потенциал включает в себя показатели [11, с. 18; 12, с. 141; 13, с. 72; 14, с. 31]:

- производственного потенциала (характеризуют совокупный результат хозяйственной деятельности в регионе);
- трудового (характеризуют качественные и количественные параметры трудовых ресурсов);
- потребительского (связаны с совокупной покупательной способностью населения региона);
- инфраструктурного;
- финансового, в том числе налогового;
- институционального (характеризуют степень развития ведущих институтов рыночной экономики);

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

- инновационного (характеризуют уровень внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе);
- природно-ресурсного (связаны с обеспеченностью запасами основных видов природных ресурсов);
- туристического (отражают наличие мест, интересных туристам и отдыхающим, а также мест развлечения и размещения для них).

Инвестиционный риск является второй составляющей инвестиционной привлекательности. Он имеет вероятностный характер, подразумевает возможность реализации неблагоприятных финансовых последствий в результате инвестирования, что может повлечь финансовые потери (например, утрату капитала, утрату или недополучение дохода). Сущность инвестиционного риска заключается в неопределённости условий инвестиционной деятельности [15, с. 61]. Инвестиционный риск отрицательно влияет на инвестиционную привлекательность, поскольку может снижать вероятность использования инвестиционного потенциала в полной мере. Можно выделить следующие виды рисков, традиционно включаемые в инвестиционный риск [12, с. 141; 16, с. 205; 17, с. 172]:

- законодательные (правовые);
- управленческие (политические);
- экологические;
- социальные;
- экономические (высокий уровень инфляции, неэффективная структура экономики региона, нестабильность курса национальной валюты);
- финансовые;
- криминальные (высокий уровень преступности в регионе).

Результаты

Для реализации цели была разработана авторская система показателей, которая в своей основе имеет подход рейтингования инвестиционной привлекательности регионов, используемый рейтинговым агентством Эксперт РА, а также системы характеристик инвестиционной привлекательности регионов, представленных в статьях [18] и [19]. Разработанная система показателей включает в себя 5 групп параметров, которые всесторонне характеризуют состояние инвестиционной привлекательности региона, и даёт объективное представление об инвестиционной привлекательности исследуемого объекта за счёт применения пересчёта показателей на численность населения. Вследствие этого появляется возможность для анализа и сопоставления регионов, обладающих различными масштабами. Более того, имеется возможность сопоставления инвестиционной привлекательности отдельно взятого региона с инвестиционной привлекательностью федерального округа или страны в целом. Представим предлагаемую систему показателей инвестиционной привлекательности региона, на основе которой проводился анализ ситуации в Кемеровской области за период с 2008 г. по 2017 г. [18, с. 31; 19, с. 46] (табл. 1[2]).

Табл. 1. Показатели инвестиционной привлекательности Кемеровской области
Tab. 1. Indicators of investment attractiveness of the Kemerovo region

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.									
98562	84420	93591	104236	115686	125935	122765	126178	124997	131401
ВРП на душу населения, руб.									
207286	184674	226198	272564	261527	243932	275514	309904	316264	391624
Степень износа основных фондов на конец года по полному кругу организаций, %									
46,8	47,9	48,7	48,8	48,1	48,3	47,6	49,3	49,6	47
Ввод новых основных фондов по полному кругу организаций, тыс. руб. на 100 тыс. человек населения									
4158919	3455665	3955356	5212148	6541304	6994108	7504031	5113826	6071535	6771965
Удельный вес убыточных организаций (на 1 декабря), %									
29,4	36,8	32,7	31,7	31,7	36,5	37,5	38,3	36,4	32
Кредиторская задолженность организаций (на 1 декабря), млн руб. на 100 тыс. человек населения									
6833	7588	9137	11569	13083	15644	18055	17704	17703	17554
Дебиторская задолженность организаций (на 1 декабря), млн руб. на 100 тыс. человек населения									
6366	6716	8341	11327	11479	14026	16142	17389	19614	22343
Отношение иностранных инвестиций к ВРП, %									
5,47	3,55	3,27	5,46	5,57	8,36	10,95	14,84	14,66	15,42

[2] Официальный сайт ЕМИСС...

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций к численности экономически активного населения, руб.									
93604	11131	42324	72686	38643	-871	-24528	9321	59223	109124
Доля работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей и лиц, работавших по договорам гражданско-правового характера), от общей численности занятых, %									
0,098	0,104	0,097	0,095	0,084	0,092	0,112	0,117	0,123	0,113
Затраты организаций на технологические инновации к ВРП, %									
0,443	0,176	0,271	0,398	1,807	0,997	0,158	0,462	0,298	0,313
Финансовые затраты на научные исследования и разработки к ВРП, %									
0,092	0,131	0,123	0,121	0,143	0,165	0,188	0,171	0,185	0,209
Отношение объёма инновационных работ, услуг к ВРП, %									
1,313	0,222	0,62	0,565	0,275	0,486	2,838	3,846	2,985	3,288
Удельный вес автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, %									
92	92,3	92,6	93,4	81,2	77,9	77,7	76,8	76,2	76,5
Плотность автомобильных дорог общего пользования, км на 10 тыс. км^2 территории									
897,7	894,3	922,4	984,7	1649,6	2017	2092,6	2076,6	2110,8	2125,7
Объём платных услуг на душу населения, руб.									
19456	20858	21636	24515	27900	31685	33672	35731	37337	40637
Доля экономически активного населения в общей численности населения, %									
55,3	60,2	62,3	63,6	65,5	56,6	62	69,2	72,2	70,2
Индекс производительности труда									
1,021	0,976	1,02	1,016	0,957	0,973	1,041	1,022	0,98	1,037
Доля трудоспособного населения в общей численности населения, %									
63,2	62,7	62	61,2	60,3	59,2	58,2	57,2	56,3	55,5

Производственный потенциал:
- валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения;
- степень износа основных фондов на конец года по полному кругу организаций;
- ввод новых основных фондов по полному кругу организаций на 100 тыс. человек населения;
- оборот розничной торговли на душу населения.

Финансовый потенциал:
- сальдированный финансовый результат деятельности организаций к численности экономически активного населения;
- удельный вес убыточных организаций (на 1 декабря);
- кредиторская и дебиторская задолженности организаций на 100 тыс. человек населения;
- отношение иностранных инвестиций к ВРП.

Инновационный потенциал:
- доля работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей и лиц, работавших по договорам гражданско-правового характера), от общей численности занятых;
- затраты организаций на технологические инновации к ВРП;
- финансовые затраты на научные исследования и разработки к ВРП;
- отношение объёма инновационных, работ, услуг к ВРП.

Инфраструктурный потенциал:
- плотность автомобильных дорог общего пользования (км на 10 тыс. км^2 территории);
- удельный вес автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения;
- объём платных услуг на душу населения.

Трудовой потенциал:
- доля экономически активного населения в общей численности населения;
- доля трудоспособного населения в общей численности населения;
- индекс производительности труда[3].

Проанализируем показатели, состоящие в вышепредставленных группах, начав с ВРП на душу населения как одного из параметров, характеризующих производственный потенциал региона. В период с 2008 г. по 2017 г. данный показатель вырос на 88,9 %, или на 184338 руб. на человека,

[3] Официальный сайт рейтингового агентства Эксперт РА. Режим доступа: https://raexpert.ru/ (дата обращения: 12.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

что является позитивной тенденцией, но необходимо учитывать, что в течение рассматриваемого периода численность населения региона сокращалась. ВРП на душу населения снижался в период с 2008 г. по 2009 г., а также с 2011 г. по 2013 г.

Следующий показатель – Степень износа основных фондов на конец года по полному кругу организаций. В период с 2008 г. по 2017 г. она возросла на 0,2 %, что обусловливает снижение инвестиционной привлекательности региона. В 2012 г. и 2014 г. произошло снижение данного показателя, которое, вероятно, было вызвано обновлением основных фондов организаций. В 2015 г. и 2016 г. произошёл рост степени износа основных фондов, за которым в 2017 г. последовало очередное снижение.

Показатель Ввод новых основных фондов по полному кругу организаций на 100 тыс. человек населения в период с 2008 г. по 2017 г. вырос на 62,8 %, или на 2613045 тыс. руб., что повысило инвестиционную привлекательность региона. В 2009 г. и 2015 г. произошло сокращение по данному показателю, что обусловлено кризисными явлениями 2008 г. и 2014 г.

Оборот розничной торговли на душу населения в течение рассматриваемого периода увеличился на 33,3 %, или на 32839 руб. на человека, что свидетельствует о повышении инвестиционной привлекательности области. Необходимо также учитывать, что на рост данного показателя могло повлиять снижение численности населения.

Рассмотрим группу показателей, характеризующих финансовый потенциал региона. В первую очередь приведем данные о Сальдированном финансовом результате деятельности организаций, соотнесенным с численностью экономически активного населения. За анализируемый период данный показатель вырос на 16,6 %, или на 15520 руб. на человека, относящегося к экономически активному населению. Данная тенденция является позитивной. Снижение значений показателя происходило в период с 2008 г. по 2009 г., когда наблюдались кризисные явления в экономике, а также в период с 2011 г. по 2014 г., в течение которых прибыль организаций сменилась убытком.

Удельный вес убыточных организаций вырос на 2,6 %, что свидетельствует о снижении инвестиционной привлекательности региона. Примечательно, что показатель увеличивался в послекризисные периоды и в период 2011–2014 гг.

В течение рассматриваемого периода Кредиторская задолженность организаций возросла на 156,9 %, или на 10721 млн руб. на 100 тыс. человек населения. Данное изменение может негативно сказываться на финансовой устойчивости организаций.

С 2008 г. по 2017 г. Дебиторская задолженность организаций выросла на 250,9 %, или на 15977 млн руб. на 100 тыс. человек населения. С одной стороны, это говорит об увеличении оборотных активов организаций, с другой – о снижении финансовой устойчивости организаций (денежные средства поступают в организации с отсрочкой, может наблюдаться нехватка наиболее ликвидных активов). При сопоставлении динамики прироста дебиторской и кредиторской задолженности наблюдаются более высокие темпы прироста дебиторской задолженности организаций, что также является негативной тенденцией.

Сопоставление последних названных параметров показало: в период с 2008 г. по 2015 г. кредиторская задолженность превышала дебиторскую. Однако с 2016 г. наблюдается обратная ситуация, что демонстрирует повышение инвестиционной привлекательности Кемеровской области.

Последний показатель, характеризующий финансовый потенциал региона, – Отношение иностранных инвестиций к ВРП. В исследуемый период данный показатель стал выше на 9,95 %. В значительной мере он вырос за счёт роста курса доллара, который увеличился за эти годы в 2,23 раза. В целом за 2008–2017 гг. объём иностранных инвестиций в долларовом выражении возрос. Следовательно, инвестиционная привлекательность региона повысилась.

Обратимся к группе показателей, характеризующих инновационный потенциал региона. Начнём с рассмотрения Доли работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей и лиц, работавших по договорам гражданско-правового характера), от общей численности занятых. За рассматриваемый период данный показатель вырос на 0,015 %, что говорит о повышении инвестиционной привлекательности региона. Примечательно, что в 2009–2012 гг. и 2017 г. происходило снижение данного показателя. С 2008 г. по 2017 г. Отношение затрат организаций на технологические инновации к ВРП уменьшилось на 0,13 %, иллюстрируя снижение инвестиционной привлекательности региона. За этот же период Отношение финансовых затрат на научные исследования и разработки к ВРП возросло на 0,117 %, что демонстрирует обратную тенденцию. Рассмотрим отношение объёма инновационных работ, услуг к ВРП. В анализируемый период данный показатель вырос на 1,975 %, что свидетельствует о повышении инвестиционной привлекательности региона. На фоне относительно низких значений показателя отношения объёма инновационных работ, услуг к ВРП в период с 2009 г. по 2013 г. примечателен заметный рост, начавшийся в 2014 г.

Группа показателей, характеризующих инфраструктурный потенциал региона, включает в себя три характеристики. В качестве первой из них рассмотрим плотность автомобильных дорог общего пользования. В течение рассматриваемого периода она выросла на 136,8 %, или на 1228 км на 10 тыс. км^2 территории, что свидетельствует о повышении инвестиционной привлекательности Кузбасса. За исследуемый промежуток времени удельный вес автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения снизился на 16,8 %, это негативно влияет на инвестиционную привлекательность региона. Как видно из таблицы 1,

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

Табл. 2. Изменение показателей ИП
Tab. 2. Changes in the indicators of investment attractiveness

Показатель	Изменение	Влияние на ИП
Оборот розничной торговли на душу населения	Рост, 33,3 %	+
ВРП на душу населения	Рост, 88,9 %	+
Степень износа основных фондов на конец года по полному кругу организаций	Рост, 0,2 %	–
Ввод новых основных фондов по полному кругу организаций	Рост, 62,8 %	+
Удельный вес убыточных организаций	Рост, 2,6 %	–
Кредиторская задолженность организаций (на 1 декабря)	Рост, 156,9 %	–
Дебиторская задолженность организаций (на 1 декабря)	Рост, 251 %	–
Отношение иностранных инвестиций к ВРП	Рост, 9,95 %	+
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций к численности экономически активного населения	Рост, 16,6 %	+
Доля работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей и лиц, работавших по договорам гражданско-правового характера), от общей численности занятых	Рост, 0,015 %	+
Затраты организаций на технологические инновации к ВРП	Снижение, 0,13 %	–
Финансовые затраты на научные исследования и разработки к ВРП	Рост, 0,117 %	+
Отношение объёма инновационных работ, услуг к ВРП	Рост, 1,975 %	+
Удельный вес автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения	Снижение, 15,5 %	–
Плотность автомобильных дорог общего пользования	Рост, 136,8 %	+
Объём платных услуг на душу населения	Рост, 108,9 %	+
Доля экономически активного населения в общей численности населения	Рост, 14,9 %	+
Индекс производительности труда	Рост, 0,016 %	+
Доля трудоспособного населения в общей численности населения	Снижение, 7,7 %	–

в течение рассматриваемого периода объём платных услуг на душу населения вырос на 108,9 %, или на 21181 руб. на человека, что является позитивной тенденцией.

Наконец, перейдём к рассмотрению группы показателей, характеризующих трудовой потенциал региона. За 2008–2017 гг. доля экономически активного населения увеличилась на 14,9 %, что свидетельствует о повышении инвестиционной привлекательности области. В течение рассматриваемого периода доля трудоспособного населения в общей численности населения снизилась на 7,7 %, это говорит о снижении инвестиционной привлекательности региона. Производительность труда за 10 лет возросла на 1,8 %, что позитивно влияет на инвестиционную привлекательность региона.

Сведем проанализированные показатели в общую таблицу, отразив их динамику за 10 лет (отношение значения показателя в 2017 г. к значению в 2008 г.) и влияние на инвестиционную привлекательность (ИП), где «–» обозначает отрицательное влияние, а «+» – положительное (табл. 2). По 12 из 19 проанализированных параметров инвестиционная привлекательность региона стала выше, а по 7 – снизилась. Исходя из этого, можно предположить, что в целом инвестиционная привлекательность Кемеровской области за рассматриваемый период возросла.

Заключение

Проведенный анализ привлекательности Кемеровской области для инвестирования средств показал, что часть критериев демонстрирует ухудшение инвестиционной привлекательности региона: по показателям степени износа основных фондов (рост на 0,2 %), удельного веса убыточных организаций (рост на 2,6 %), кредиторской и дебиторской задолженности организаций на 100 тыс. человек населения (рост на 156,9 % и 251 % соответственно), затрат организаций на технологические инновации к ВРП (снижение на 0,13 %), удельного веса автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения (снижение на 15,5 %), а также доли трудоспособного населения (снижение на 7,7 %). Вероятно, рост ВРП и снижение численности населения в период 2008–2017 гг. повлияли на изменение рассмотренных выше показателей (в частности, на величину кредиторской и дебиторской

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

задолженности организаций на 100 тыс. человек населения и на отношение затрат организаций на технологические инновации к ВРП), но без дополнительного анализа нельзя с уверенностью утверждать, что эти факторы обладали высокой весомостью. Остальные 12 из 19 показателей продемонстрировали положительную динамику и привели к увеличению инвестиционной привлекательности Кемеровской области за рассматриваемый период.

Данный вывод является промежуточным итогом исследования, поскольку впоследствии будет представлен интегральный показатель инвестиционной привлекательности региона для её более объективной и комплексной оценки.

Литература

1. Нгуен Т. Т. Т. Содержание понятия инвестиционной привлекательности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-1. С. 91–96.
2. Крейнина М. Н. Анализ финансового состояния и инвестиционной привлекательности акционерных обществ в промышленности, строительстве и торговле. М.: ДИС, 2005. 256 с.
3. Крылов Э. И., Власова В. М., Егорова М. Г. Анализ финансового состояния и инвестиционной привлекательности предприятия. М.: Финансы и статистика, 2003. 192 с
4. Рыжкова Э. Н., Мирошниченко Р. В. К вопросу об инвестиционном климате и инвестиционной привлекательности региона // Научно-исследовательские публикации. 2016. № 4. С. 52–58.
5. Казакова О. Б. Система факторов, определяющих инвестиционную привлекательность территории // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 6. С. 14–19.
6. Андрющенко Г. И., Авцинов О. И. Проблемы формирования инвестиционной привлекательности региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 3. Режим доступа: http://www.uecs.ru/uecs-75-752015/item/3400-2015-03-13-08-11-45 (дата обращения: 14.06.2019).
7. Корнеева (Шлома) М. Д. Общая оценка инвестиционной привлекательности Орловской области в 2015–2016 гг. // Научные записки ОрелГИЭТ. 2017. № 1. С. 17–19.
8. Дорожков Н. Д., Купчинская Ю. А. Инвестиционная привлекательность и составляющие её факты // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 3. С. 16–18.
9. Карлова Ю. С., Костромыкина А. В. Инвестиционный потенциал региона как один из факторов социально-экономического развития Российской Федерации // Научные записки ОрелГИЭТ. 2018. № 2. С. 43–47.
10. Панков Н. Н. Методические подходы к классификации и оценке элементов инвестиционной деятельности: отдельные теоретические аспекты // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2018. № 2. С. 34–41.
11. Бобкова Н. Г., Ильющенко А. В. Оценка инвестиционной привлекательности региона для субъектов бизнеса // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 3. С. 16–21.
12. Литвинова В. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке // Вестник финансового университета. 2014. № 1. С. 139–152.
13. Печёнкин А. Д., Хомякова А. А. Методические аспекты оценки инвестиционной привлекательности региона // Проблемы экономики, финансов и управления производством. 2018. № 42. С. 71–74.
14. Афанасьев О. Е., Оборин М. С., Шман Е. Ю. Инвестиционная привлекательность регионов России для развития внутреннего туризма: проблема разработки оценочных показателей // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 27–41. DOI: https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-3-3
15. Ильющенко А. В. Оценка инвестиционного потенциала регионов Сибирского федерального округа // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 2. С. 60–67.
16. Mustafokulov O. A. Theoretical aspects of increasing regional investment economic attractiveness // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 3. С. 203–210. DOI: 10.5281/zenodo.1198714
17. Питерская Л. Ю., Тлишева Н. А. Системный инфляционный риск как фактор формирования инвестиционного климата // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 1. С. 171–176. DOI: 10.5281/zenodo.1147055
18. Давыдова Л. В., Ильминская С. А. Оценка инвестиционной привлекательности региона // Финансы и кредит. 2013. № 11. С. 30–35.
19. Яшина Н. И., Борисова С. П., Новикова В. С. Исследование инвестиционной привлекательности регионов // Управленец. 2015. № 6. С. 44–51.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

Dynamics of Investment Attractiveness of the Kemerovo Region in 2008–2017

Alexander A. Lazorenko [a, @]
[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@] 97lazorenko@mail.ru

Received 15.07.201919. Accepted 16.09.2019.

Abstract: Investment attractiveness of a region is a complex category, which describes various angles of the state of the socio-economic sphere. Investment attractiveness has two-level structure: organization level and state / region level. At the moment there is no consensus on the essence of this category, and there is also no unified system of indicators characterizing the investment attractiveness of an organization or region. Increasing the investment attractiveness of a region may affect various aspects of life of its population, e.g. by attracting investors to various local projects. The author analyzed scientific literature describing the essence of investment attractiveness and its structure. The paper introduces a system of indicators of investment attractiveness, which includes five groups of indicators that characterize the investment potential of the area. The system is based on scientific publications and system of indicators of investment attractiveness developed by the Expert-RA rating agency. The paper also includes an analysis of the dynamics of the indicators in 2008–2017 and recommendations on how to increase the investment attractiveness of the Kemerovo Region.

Keywords: investment attractiveness of an organization, investment attractiveness of a region, investment potential, investment risk, scorecard, dynamics of indicators

For citation: Lazorenko A. A. Dynamics of Investment Attractiveness of the Kemerovo Region in 2008–2017. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 318–326. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

References

1. Nguyen T. T. T. The contents of investment attractiveness definition. Izvestiia TulGU. *Economicheskie i iuridicheskie nauki,* 2013, (2-1): 91–96. (In Russ.)
2. Kreinina M. N. *Analysis of the financial condition and investment attractiveness of joint stock companies in industry, construction, and trade*. Moscow: DIS, 2005, 256. (In Russ.)
3. Krylov E. I., Vlasova V. M., Egorova M. G. *Analysis of the financial condition and investment attractiveness of the organization.* Moscow: Finansy i statistika, 2003, 192.
4. Ryzhkova Eh. N., Miroshnichenko R. V. On the issue of the investment climate and investment attractiveness of the region. *Nauchno-issledovatelskie publikatsii*, 2016, (4): 52–58. (In Russ.)
5. Kazakova O. B. The system of factors determing the investment attractiveness of the territory. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii.*, 2017, (6): 14–19. (In Russ.)
6. Andryuschenko G. I., Avtsinov O. I. Problems of investment attractiveness of the region. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurna*l, 2015, (3). Available at: http://www.uecs.ru/uecs-75-752015/item/3400-2015-03-13-08-11-45 (accessed 14.06.2019). (In Russ.)
7. Korneyeva (Shloma) M. D. General estimation of investment appeal of the Orel region in 2015–2016. *Nauchnye zapiski OrelGIET,* 2017, (1): 17–19. (In Russ.)
8. Dorozhkov N. D., Kupchinskaia Iu. A. Investment attractiveness and factors it consists of. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, 2016, (3): 16–18. (In Russ.)
9. Karlova Ju. S., Kostromykina A. V. Investment potential of the region as one of the factors of social and economic development of the Russian Federation. *Nauchnye zapiski OrelGIET*, 2018, (2): 43–47. (In Russ.)
10. Pankou M. M. Methodical approaches to classification and estimation of the elements of investment activity: selected theoretical aspects. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika, 2018, (2): 34–41. (In Russ.)*
11. Bobkova N. G., Ilyushchenko A. V. Evaluation of the regional investment attractiveness for business units. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii,* 2017, (3): 16–21. (In Russ.)
12. Litvinova V. V. The investment attractiveness and investment climate of a region: to the issue of definition and assessment. *Vestnik finansovogo universiteta*, 2014, (1): 139–152. (In Russ.)
13. Pechyonkin A. D., Khomyakova A. A. Methodical aspects of estimation of investment attraction of the region. *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniia proizvodstvom,* 2018, (42): 71–74. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-318-326

14. Afanasiev O. E., Oborin M. S., Shman E. Yu. Investment attraction of Russian regions for the domestic tourism development: elaborating estimation indicators. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2017, (3): 27–41. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-3-3
15. Ilyushchenko A. V. Assessment of investment potential of regions of Siberian Federal District. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii,* 2017, (2): 60–67. (In Russ.)
16. Mustafokulov O. A. Theoretical aspects of increasing regional investment economic attractiveness. *Bulletin of Science and Practice*, 2018, 4(3): 203–210. DOI: 10.5281/zenodo.1198714
17. Piterskaya L. Yu., Tlisheva N. A. Systemic inflation risk as a factor of formation of the investment climate. *Bulletin of Science and Practice*, 2018, 4(1): 171–176. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.1147055
18. Davydova L. V., Ilminskaya S. A. Evaluation of the region's investment attractiveness. *Finansy i kredit,* 2013, (11): 30–35. (In Russ.)
19. Yashina N. I., Borisova S. P., Novikova V. S. Studying investment attractiveness of regions. *Upravlenets*, 2015, (6): 44–51. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

оригинальная статья
УДК 338.2

Современное состояние стратегии развития конгрессно-выставочного туризма в Санкт-Петербурге

Сергей А. Маненков [a, @]
[a] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
[@] sergei.manenkov@gmail.com

Поступила в редакцию 18.07.2019. Принята к печати 24.09.2019.

Аннотация: Основными целями статьи являются оценка эффективности реализуемой стратегии развития конгрессно-выставочного сектора в Санкт-Петербурге и выявление системных недостатков в контексте формирования бренда дестинации делового туризма. Сильный бренд привлекательной туристической дестинации требует постоянной диверсификации и совершенствования предлагаемого туристического продукта. Деловой туризм – самый высокодоходный сегмент в отрасли, поэтому его развитие является актуальным для региональной экономики. Инфраструктурная составляющая является определяющим фактором для расчета емкости рынка в целом, она остается важным критерием для разработки стратегических инициатив по развитию (с целью формирования позитивного имиджа) и предоставляет возможность оказания сервиса на высоком уровне. Для разработки методологической основы использован системный подход в контексте формирования благоприятного инвестиционного климата, являющегося следствием развития и систематизации конгрессно-выставочного рынка услуг Санкт-Петербурга. Использование данного подхода может подтвердить прямую или обратную зависимость позиций города как бренда в затрагиваемой отрасли, а также фактическую реализацию стратегических правительственных инициатив на предмет соответствия заявленным целям и задачам, т. к. нормативно-правовая база по стратегическому планированию и достижению высоких позиций на рынке конгрессно-выставочных услуг в мировом масштабе не учитывает в полной мере фактическое состояние отрасли в Санкт-Петербурге. Основными инструментами реализации стратегии могут стать разработка единого системного подхода к учету и классификации событий на конгрессно-выставочном рынке услуг, оптимизация бизнес-процессов, использование эффективного опыта дестинаций-конкурентов.

Ключевые слова: конгрессно-выставочная деятельность, состояние рынка конгрессно-выставочных услуг, конкурентоспособность отрасли, форумы, площадки

Для цитирования: Маненков С. А. Современное состояние стратегии развития конгрессно-выставочного туризма в Санкт-Петербурге // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 327–332. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

Введение

Конгрессно-выставочная отрасль является одним из направлений третичного сектора экономики в сфере услуг. В связи с усилением и постоянным ростом роли сферы услуг в ВВП всех развитых и части развивающихся стран изучение факторов и условий несырьевого подхода к развитию экономики является достаточно актуальным. Согласно указу президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», нашей стране необходимо достичь показателя по экспорту услуг не менее 100 млрд долл. в год[1]. По сообщению руководителя Федерального агентства по туризму О. П. Сафонова (в рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) 2018 г., на сессии «Денежный турпоток»[2]), в нашей стране по итогам 2017 г. был отмечен рост доходов от туризма до 3 трлн руб., что составило 3,47 % от ВВП. Тенденция роста въездного туризма впечатляет своими масштабами. С 2001 г. въездной туризм в РФ увеличился на 123 %. В случаях приграничного туризма и кооперации граждан, проживающих на окраинных территориях, трудно учесть реальную цифру туристов, т. к. любой потенциальный гражданин, пересекающий границу России, может считаться потенциальным потребителем туристических услуг[3]. Согласно определению международной

[1] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента России от 07.05..2018 // Официальный сайт администрации президента Российской Федерации. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/57425 (дата обращения: 26.04.2019).

[2] Шилова А. Ростуризм оценил доходы России от туризма в 2017 году // Ведомости. 24.05.2018. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/05/27/770664-dohod-ot-turizma (дата обращения: 26.04.2019).

[3] Рузлева Е. В зоне турбулентности. Как привлечь в Россию иностранных туристов // Forbes. 28.05.2018. Режим доступа: http://www.forbes.ru/biznes/362187-v-zone-turbulentnosti-kak-privlech-v-rossiyu-inostrannyh-turistov (дата обращения: 26.04.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

туристской организации (UNWTO), туристом считается «лицо, останавливающееся на одну ночь и проводящее за пределами своего проживания не менее 24 часов». Несмотря на устойчивую динамику роста, по мнению экспертов, период 2014–2018 гг. характеризовался определенной «турбулентностью» всего туристского рынка России в целом[4].

Внешние и внутренние факторы оказывают весомое влияние на все сопутствующие характеристики любого сектора экономики. Поэтому исследования по данной тематике, проведенные за последние 4 года и имеющие целью объективную оценку текущего состояния конгрессно-выставочного рынка в Санкт-Петербурге, являются наиболее актуальными. Несмотря на исключительно региональную значимость данного проекта, внешнеполитические и экономические факторы не могут быть оставлены без внимания, т. к. оказывают влияние на текущее состояние отрасли.

Проблема инфраструктурных и конгрессных возможностей Санкт-Петербурга является актуальной, что находит отражение в работе К. А. Малых, которая делает акцент на отличительных чертах одновременного размещения деловых туристов и конгрессных возможностях отелей Санкт-Петербурга. При этом автор не упоминает такие ключевые площадки, как отель Коринтия (место проведения мероприятий в рамках G20 и APEC, Международного Банковского конгресса и пр.), гостиницу «Санкт-Петербург», конгресс-холл Крестовский [1].

Н. В. Трубникова в свою очередь уделяет внимание сервисным услугам для деловых туристов и говорит о необходимости их совершенствования, т. к. стартовые условия у конгрессно-выставочной индустрии Санкт-Петербурга, как и у всей страны, не имели достаточного финансирования для развития и модернизации [2]. Реализованные проекты в виде нового аэропорта и морского порта создают более комфортные условия для деловых туристов, но это лишь малая часть вопросов, которые нуждаются в решении на сегодняшний день. А. А. Чухта предлагает продвижение китайского делового центра как ключевого направления конгрессно-выставочного сектора Санкт-Петербурга [3]. На данный момент он располагается на территории Ленэкспо, ожидающего масштабного редевелопмента[5] после переноса ПМЭФ в Экспофорум и готовящегося стать новой площадкой проведения Международного военно-морского салона в Кронштадте, что вызывает вопросы относительно долгосрочных перспектив данного проекта в Ленэкспо. Автор опирается на статистику мероприятий, проводимых в Экспофоруме, исключая таким образом профессиональные тематики других событий, проходящих в Санкт-Петербурге.

Т. Н. Попова отмечает необходимость разработки кластерного подхода конгрессно-выставочного сектора в Санкт-Петербурге, для чего следует создать и принять соответствующую концепцию развития [4]. Т. А. Попова приводит мнение, что Санкт-Петербург является наиболее удобным городом как для туризма, так и для бизнеса. При этом она цитирует экс-президента Выставочного объединения Группы Предприятий Рестэк С. Н. Трофимова, который сравнил структуру доходности городского бюджета от выставочной индустрии: Ганновер – 80 %, Дюссельдорф – 15 %, Санкт-Петербург – 0,7 % [5]. В. И. Грошев и др. рассматривают долю конгрессного туризма в мировой экономике с учетом экономических и политических факторов. Деловые туристы и мероприятия, по мнению авторов, приносят мгновенные и эффективные инвестиции любому региона мира, наряду с проведением крупных международных событий, на которых подписываются различные инвестиционные соглашения (например, ПМЭФ в Санкт-Петербурге). Помимо этого, авторы высоко оценивают текущее состояние отрасли в России, а также перспективы развития отечественного рынка делового туризма [6].

Е. В. Печерица [7] и Ю. С. Сидоренко [8] акцентируют внимание на недостаточном развитии гостиничного фонда и подготовки квалифицированных кадров в сфере делового туризма, а также правовой базе, регулирующей деятельность конгрессно-выставочной отрасли. Вместе с тем М. С. Трофимова считает, что развитие делового туризма в Санкт-Петербурге проходит достаточно успешно. Исследователь выделяет различия в проведении деловых мероприятий в конгресс-центрах или на специализированных площадях в гостиницах, затрагивая и набирающие популярность форматы нестандартных мест проведения (лофты, достопримечательности и пр.) [9]. М. А. Дыбаль предлагает концепцию по привлечению деловых туристов в Санкт-Петербург, а именно создание и развитие корпоративных музеев на базе промышленных предприятий [10]. Подобные музеи могут использоваться как площадки для проведения конгрессов и конференций (о чем говорит М. С. Трофимова в своей работе). М. А. Дыбаль, в частности, привел пример Музея Водоканала, который постоянно принимает различные гостевые выставки (зал Форум), кроме этого, в сентябре 2018 г. музей Вселенная воды и Детский Экологический центр были задействованы при проведении деловой программы II Евразийского женского форума [10].

Текущее состояние конгрессно-выставочного рынка услуг Санкт-Петербурга

Правительство Санкт-Петербурга в последние годы активно разрабатывает и предпринимает комплекс мер по укреплению позиций города в качестве центра конгрессно-выставочного туризма. На сегодняшний день стоит задача войти в топ-10 в Европе и топ-20 в мире по количеству

[4] Там же.

[5] Бояркова Г. Не выставить за дверь: что тормозит проект редевелопмента Ленэкспо // Фонтанка.ру. 12.07.2018. Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2018/07/12/059/ (дата обращения: 05.05.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

проводимых конгрессно-выставочных мероприятий по критериям Международной Ассоциации Конгрессов и Конференций (ICCA)[6]. Сегодня в открытом доступе находится отчет 2017 г., согласно которому Россия занимает 47 место в мире и 21 среди европейских государств по количеству проводимых мероприятий. В этом рейтинге представлены российские города, ведущие по проведению конгрессно-выставочных мероприятий, – Москва и Санкт-Петербург, – которые занимают 78 и 86 места в мировом, и 42 и 49 места в европейском рейтингах соответственно. Традиционными лидерами индустрии по количеству проводимых встреч и принимаемых делегатов являются Вена и Париж; по итогам 2017 г. первой оказалась Барселона[7]. На текущий момент анонсировано появление отчета за 2018 г., согласно которому Москва потеряла всего одну позицию, но Санкт-Петербург покинул топ-100 и занимает 154-е место[8]. Снижение рейтинга одной из ведущих отечественных туристических дестинаций требует тщательного изучения и анализа маркетинговых инструментов конкурентов по этому рейтингу.

Санкт-Петербург известен в мире, прежде всего, как привлекательная культурно-рекреационная туристическая дестинация. Город является обладателем весомых международных наград как «лучшее туристическое направление»[9]. В 2017 г. он получил награду как лучшее направление для MICE-туризма (Встречи, Инсентивы, Конференции, Выставки) среди городов России и стран СНГ[10]. Эти награды имеют большое значение для Санкт-Петербурга в сфере делового туризма, ведь имиджевая, инвестиционная и маркетинговая составляющие важны и для конгрессно-выставочной отрасли. Поэтому эффективное использование и реализация имеющихся возможностей играют весомую роль для достижения высоких позиций в различных отраслях туризма и экономики.

Кроме достижений в туризме Санкт-Петербург отличается хорошим инвестиционным климатом[11]. Он занимает лидирующие позиции по привлекательности среди субъектов РФ. Этому способствуют механизмы заимодействия государственной власти и бизнеса. В рамках расширения такого взаимодействия в 2012 г. был создан комитет по инвестициям в Санкт-Петербурге, на базе которого функционирует инвестиционный портал с подробным описанием нормативно-правовой базы и юридического сопровождения подачи и рассмотрения заявок[12]. Данный аспект при формировании кластера делового туризма является довольно значимым, т. к. одна из главных задач большинства крупных форумов – это заключение соглашений и контрактов с учетом имеющейся технологической базы в различных отраслях экономики региона. К сожалению, сейчас в списке проектов данного портала по конгрессно-выставочной отрасли фигурирует только конгресс-центр Тайм, с максимальной вместимостью конференц-зала на 2600 человек, что является недостаточно высоким показателем по меркам ведущих международных конгрессов. В Санкт-Петербурге находится ещё одна крупная площадка по проведению конгрессов, ранее упоминаемая в данной работе, Экспофорум, с максимальной вместительностью конгресс-центра до 4000 человек[13]. Но стоит отметить, что с учетом динамики роста главного делового мероприятия страны (ПМЭФ) в ближайшем будущем этой площадки будет недостаточно для проведения «Русского Давоса», и остро встанет вопрос по модернизации или строительству нового комплекса. Соответственно перед правительством города встанет задача по проектированию и строительству более масштабного центра. На примере Экспофорума, который является 100 % капиталовложением ПАО Газпром, мы можем сделать вывод, что наиболее эффективной моделью может стать программа государственно-частного партнерства.

Несмотря на наличие современного конгрессно-выставочного центра (КВЦ) Экспофорум, количественные показатели совокупных выставочных площадей Санкт-Петербурга уступают Москве. Всемирная ассоциация выставочной индустрии (UFI), согласно данным 2017 г., ставит Россию на 9-е место в глобальном рейтинге стран по общей площади объектов выставочной инфраструктуры с 28-ю площадками, из которых внутренним выставочным пространством более 100 тыс. м^2 обладают только две[14].

---

[6] О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы туризма в Санкт-Петербурге». Постановление правительства Санкт-Петербурга № 936 от 14.11.2017 с изм. на 11.04.2019 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/555906672 (дата обращения: 25.04.2019).

[7] ICCA Statistics Report Country & City Rankings Public Abstract // International Congress and Convention Association. 2019. P. 11.

[8] Рейтинг ICCA 2018: российские конгрессные города теряют позиции // Деловой портал для профессионалов ивент индустрии Event Live. 14.05.2019. Режим доступа: https://event-live.ru/news/kartina-dnya/kartina-dnya_1251.html (дата обращения: 22.05.2019).

[9] Saint Petersburg wins top title during World Travel Awards Grand Final 2016 // World Travel Awards. 03.12.2016. Режим доступа: https://www.worldtravelawards.com/press-301 (дата обращения: 20.04.2019).

[10] Петербург – лучший город для делового туризма // Официальный городской туристический портал Санкт-Петербурга Visit Petersburg. 11.12.2017. Режим доступа: http://www.visit-petersburg.ru/ru/news/1614/ (дата обращения: 17.04.2019).

[11] Инвестклимат улучшился на бумаге. Рейтинг // Коммерсантъ, Санкт-Петербург. «Итоги года». Приложение № 17 от 31.01.2019. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3868734 (дата обращения: 26.04.2019).

[12] Инвестиционный портал Санкт-Петербурга. Режим доступа: http://spbinvestment.ru/ru (дата обращения: 18.04.2019).

[13] Официальный сайт Экспофорума. Режим доступа: http://expoforum-center.ru/about-complex/ (дата обращения: 24.04.2019).

[14] World Map of Exhibition Venues. 2017 Edition. Revised June 2018 // UFI. The Global Association of the Exhibition Industry. P. 1–46. Режим доступа: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2018/12/UFI_World_Map_of_Venues_2017_revDec18.pdf (дата обращения: 26.04.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

В этом рейтинге РФ уступает позиции США, Китаю, Германии, Италии, Франции, Испании, Канаде, Бразилии[15]. Учитывая соотношение позиций нашей страны и совокупное количество выставочных площадей у ведущих стран рейтинга, текущие позиции отечественного рынка не являются достаточно конкурентоспособными. В топ-10 выставочных площадок России (табл.) Санкт-Петербург представлен только двумя КВЦ: Экспофорум и Ленэкспо. Поэтому помимо глобальной внешней конкуренции, конгрессно-выставочному бюро (КВБ) Санкт-Петербурга необходимо разрабатывать стратегию по маркетинговым коммуникациям по привлечению внутренних мероприятий, а также продвижению ежегодных мероприятий, проводимых в Санкт-Петербурге на внутреннем рынке страны.

Табл. Топ-10 выставочных площадок России
Tab. Top-10 Russian exhibition venues

№	Город	Название площадки	Общая площадь, м²
1	Москва	Крокус Экспо	226,339
2	Москва	ЦВК Экспоцентр	105,000
3	Санкт-Петербург	Экспофорум	50,000
4	Екатеринбург	Екатеринбург-Экспо	40,000
5	Санкт-Петербург	ОАО Ленэкспо	40,000
6	Москва	ВДНХ	39,290
7	Краснодар	ВВК Экспоград Юг	36,000
8	Москва	КВЦ Сокольники	27,300
9	Новокузнецк	ВК Кузбасская Ярмарка	26,762
10	Краснодар	Кубань Экспоцентр	15,250

Согласно текущей утвержденной государственной программе «Развитие сферы туризма в Санкт-Петербурге»[16], отмечается 124 площадки, имеющие необходимые технические характеристики для проведения деловых мероприятий. Однако стоит отметить, что на неспециализированных площадках для проведения форумов и конгрессов проходит 83 % от общего числа мероприятий, из которых на гостиницы приходится 44 %, дворцы и музеи – 25 %, научные и учебные залы – 14 %. Кроме того, не все проводимые мероприятия, как будет упомянуто ниже, включаются в календарь КВБ Санкт-Петербурга, что затрудняет ведение объективной статистики и оценку состояния рынка в целом. Существующие тенденции по увеличению количества проводимых мероприятий соответствуют заявленным целям программы. Одним из факторов, который влияет положительным образом на данную динамику, является включение деловой программы и использование конференц-залов в рамках проводимых выставок. Программа определяет конгрессно-выставочный туризм как особо значимый вид туризма. Ключевым индикатором данной программы является увеличение деловых мероприятий к 2023 г. на 25 % от цифр 2017 г.[17]

Высокая степень привлекательности Санкт-Петербурга как туристической дестинации, имиджевые и инвестиционные показатели города положительным образом влияют на возможности привлечения новых мероприятий в Санкт-Петербург. Однако отсутствие единой статистики по проводимым мероприятиям не позволяет объективно оценивать текущее состояние конгрессно-выставочного рынка города. Сайт КВБ Санкт-Петербурга содержит календарь, предназначенный для этой цели[18], но не существует понимания принципа по включению проводимых мероприятий в него. Так, в нем не отражены такие мероприятия 2018 г., как II Евразийский Женский Форум и I Российско-Индийский стратегический экономический диалог[19]. Данная проблема также отражается в городской государственной программе[20]. Грамотный учет и единая статистика могут стать опорными цифрами для принятия программ развития, планирования городской инфраструктуры, анализа и структурирования статистических данных в сфере туризма в целом. Предоставление максимального количества открытой информации будет способствовать интересу не только академических кругов к состоянию данной отрасли экономики, но и международных операторов конгрессно-выставочных услуг для выбора Санкт-Петербурга как места проведения своего мероприятия.

Заключение

Действующие программные документы имеют в своей основе высокие целевые показатели, индикаторы и позиции в глобальном масштабе. Цифровизация, технологическое лидерство, оптимизация бизнес-процессов обеспечивают рост любому сектору экономики. Поэтому для реализации данных программ необходимо изучать инновационный опыт дестинаций-конкурентов по рейтингу ICCA и выстраивать планомерные стратегии, не опираясь исключительно на документы, которые становятся неактуальными спустя 3–4 года после разработки и публикации, т. к. текущие тенденции по снижению позиций

[15] Там же.

[16] О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы туризма в Санкт-Петербурге» ...

[17] Там же.

[18] Календарь мероприятий // Официальный сайт Конгрессно-Выставочного бюро Санкт-Петербурга. Режим доступа: https://saintpetersburgcb.com/events/ (дата обращения: 15.04.2019).

[19] Календарь мероприятий фонда Росконгресс // Официальный сайт Фонда Росконгресс. Режим доступа: https://roscongress.org/events/past/ (дата обращения: 15.04.2019).

[20] О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы туризма в Санкт-Петербурге» ...

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

города в профессиональных рейтингах указывают на необходимость не только достижения новых позиций, но и постоянной корректировки текущих задач. Целевые показатели, заявленные в государственной программе развития сферы туризма в Санкт-Петербурге, безусловно, содержат задачи по организации новых, ранее не проводимых событий, а также привлечению в город новых глобальных мероприятий посредством подачи заявок и членства в международных профессиональных конгрессных ассоциациях. Возможная корректировка реализуемой поддержки операторам конгрессно-выставочного рынка даст положительный эффект, т. к. наш локальный рынок данных услуг не отличается высокой конкурентной средой. Вклад в строительство и модернизацию конгрессной инфраструктуры мог стать более весомым шагом к привлечению новых глобальных событий в Санкт-Петербург, т. к. текущие тенденции указывают на необходимость расширения конгрессных и выставочных площадей для привлечения новых крупных событий. Стратегический анализ существующей конкурентной среды необходим на каждом этапе, но для этого необходима разработка единых инструментов по классификации, учета всех факторов и условий внутри конгрессно-выставочного рынка России. Наглядным примером необходимости проведения данной работы является принятый в 2015 г. ГОСТ Р ИСО 25639-1-2015, который не содержит полный перечень всех проводимых форматов деловых мероприятий, что может стать одним из препятствий выстраивания единой системы классификации. Помимо проводимых форумов и выставок необходима разработка единых технических критериев к инфраструктурной среде самих площадок для организации и проведения мероприятий, т. к. использование неспециализированных площадей для организации мероприятий может помешать их включению в единый реестр или деловой календарь. Количественные показатели должны соответствовать качественным с учетом всех технологий, применяемых в данной отрасли.

Литература

1. Малых К. А. Особенности предоставления гостиничных услуг в системе конгрессного туризма Санкт-Петербурга // Сервису и туризму – инновационное развитие: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. С. Комиссарова. (Санкт-Петербург, 20 апреля 2015 г.) СПб., 2015. С. 113–117.
2. Трубникова Н. В. Перспективы развития MICE индустрии в Санкт-Петербурге // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 1. Режим доступа: http://www.eduherald.ru/article/view?id=16844 (дата обращения: 25.04.2019).
3. Чухта А. А. Ключевые направления и особенности развития конгрессной деятельности в Санкт-Петербурге // Актуальные проблемы развития индустрии гостеприимства: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 апреля 2017 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 87–89.
4. Попова Т. Н. Туристский и конгрессно-выставочный кластеры как точки роста экономики Санкт-Петербурга // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 4. Режим доступа: http://www.uecs.ru/uecs-76-762015/item/3424-2015-04-01-09-58-17 (дата обращения: 20.04.2019).
5. Попова Т. А. Событийная деятельность как фактор развития туристской дестинации // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала. № 12 / под ред. В. И. Сигова, С. В. Кузнецова. СПб.: СПбГЭУ, 2014. С. 124–127.
6. Грошев В. И., Давыдова Ю. А., Краснослободцев А. А., Эриашвили Н. Д. Особенности влияния конгрессного потенциала России на мировой рынок делового туризма // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2018. № 2. С. 14–35.
7. Печерица Е. В. Деловой туризм как перспективное направление развития экономики региона (на примере Санкт-Петербурга) // Современные технологии управления – 2014: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 июля 2014 г.) Киров: МЦНИП, 2014. С. 733–740.
8. Сидоренко Ю. С. Проблемы и перспективы развития Санкт-Петербурга как центра конгрессно-выставочной деятельности и делового туризма // Актуальные аспекты модернизации российской экономики: мат-лы I Всеросс. заоч. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Санкт-Петербург, 24 декабря 2014 г.) СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С. 52–55.
9. Трофимова М. С. Перспективы развития Санкт-Петербурга как центра делового туризма // Синергия Наук. 2017. № 12. С. 176–180.
10. Дыбаль М. А. Корпоративные музеи Санкт-Петербурга как аттракторы притока деловых туристов // Петербургский экономический журнал. 2016. № 3. С. 93–102.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

Current Status of Strategy Development of Congress-Exhibition Tourism in Saint-Petersburg

Sergei A. Manenkov [a, @]

[a] St. Petersburg State Economic University, 21, Sadovaia St., Saint-Petersburg, Russia, 191023

[@] sergei.manenkov@gmail.com

Received 18.07.2019. Accepted 24.09.2019.

Abstract: The research features the efficiency of the strategy development of congress-exhibition sector in St. Petersburg. The paper also describes the system weaknesses in the context of brand destination formation for business tourism. A powerful brand of an attractive touristic destination requires permanent diversification and improvement of the product. Business tourism is a highly remunerative segment in tourism industry. Therefore, its development is relevant for regional economy. Infrastructural environment is the determining factor for market capacity calculation. It remains important for strategic development initiatives in the sphere of positive image formation and high-quality services delivery. The methodological background included system approach to the local investment climate, which resulted in the development and classification of St. Petersburg congress-exhibition market. This approach is able to confirm direct or indirect connection between city ranks in the affected industry, as well as the actual implementation of strategic governmental initiatives. However, global strategies in the congress-exhibition service market cannot be applied to the current state of the industry in St. Petersburg. The new strategy can be implemented only after the development of a unified indivisible system approach to recording and classifying events at the congress-exhibition market. In addition, the local business processes have to be improved by applying effective experience of competitive destinations.

Keywords: congress-exhibition activities, congress-exhibition services market condition, industry competitive capacity, forums, venues

For citation: Manenkov S. A. Current Status of Strategy Development of Congress-Exhibition Tourism in Saint-Petersburg. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 327–332. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-327-332

References

1. Malykh K. A. Specific features of hotel services in the system of the congress tourism in St. Petersburg. *Innovative development of service and tourism*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., ed. Komissarova T. S., St. Petersburg, April 20, 2015, St. Petersburg, 2015, 113–117. (In Russ.)
2. Trubnikova N. V. Prospects of development MICE industry in St. Petersburg. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2017, (1). Available at: http://www.eduherald.ru/article/view?id=16844 (accessed 25.04.2019) (In Russ.)
3. Chukhta A. A. Key directions and features of congress activities development in St. Petersburg. *Issues of hospitality tourism development*: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, April 27, 2017. St. Petersburg: SPbGEU, 2017, 87–89. (In Russ.)
4. Popova T. N. Tourist and congress and exhibition cluster as points of growth of the economy of St. Petersburg. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2015, (4). Available at: http://www.uecs.ru/uecs-76-762015/item/3424-2015-04-01-09-58-17 (accessed 20.04.2019). (In Russ.)
5. Popova T. A. Event activity as a factor of the development of tourist destination. *Actual problems of labor and human development, iss. 12*, eds. Sigov V. I., Kuznetsova S. V. St. Petersburg, 2014, 124–127. (In Russ.)
6. Groshev V. I., Davydova Y. A., Krasnoslobodtsev A. A., Eriashvili N. D. Features of the influence of congress and potential of Russia on the world market of business tourism. *World Economy. Safety Problems,* 2018, (2): 14–35. (In Russ.)
7. Pecheritsa E. V. Business tourism as a promising direction for the development of the regional economy (as in the case of St. Petersburg). *Modern management technologies – 2014:* Proc. Intern. Sci. Conf. Moscow, July 14–15, 2014. Kirov: MTsNIP, 2014, 733–740. (In Russ.)
8. Sidorenko Iu. S. Problems and perspectives of St. Petersburg development as a center of congress-exhibition activity and business tourism. *Issues of the Russian economy modernization*: Proc. I All-Russian extramural Sci.-Prac. Conf. of students, postgraduates, and young researches, St. Petersburg, December 24, 2014. St. Petersburg: SPbGU "LETI", 2014, 52–55. (In Russ.)
9. Trofimova M. S. Prospects of development of Saint-Petersburg as the center of business tourism. *Sinergiia nauk,* 2017, (12): 176–180. (In Russ.)
10. Dybal M. A. Corporate museums of Saint-Petersburg as the attractors of business travelers. *Saint-Petersburg Economic Journal,* 2016. (3): 93–102. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

оригинальная статья
УДК 339.138

Применение инновационной технологии *digital marketing* для повышения эффективности продвижения услуг

Галина А. Подзорова [a, @]; Валерия Е. Кириллова [a]; Наталья А. Плешкова [a]; Наталья Л. Грязнова [a]
[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, Красная, 6
[@] pga-555@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.07.2019. Принята к печати 09.09.2019.

Аннотация: Развитие цифровой экономики в современном мире определяет актуальность использования *digital marketing* как инновационной технологии в сфере продвижения услуг. Предметом исследования выступает комплекс маркетинговых инструментов продвижения услуг в ООО «НСТ». Целью исследования является разработка рекомендаций по внедрению технологии *digital marketing* в данной компании. В ходе исследования использовались методы экономического и сравнительного анализа. В статье приведены результаты анализа традиционных маркетинговых инструментов продвижения услуг в ООО «НСТ», выявлены достоинства и недостатки каждого из них, предложены инструменты *digital marketing* в виде разработки веб-сайта, его SEO-оптимизации, применения контекстной рекламы и проекта новой визитки с QR-кодом. Предложенные рекомендации позволили сделать вывод о том, что только совокупное применение инструментов *digital marketing* даст значительно больший эффект, который будет направлен на привлечение большего числа клиентов с целью повышения эффективности деятельности компании, чем сумма эффектов от их отдельного использования. Предложенные рекомендации могут быть успешно применены как в ООО «НСТ», так и в других организациях, желающих обеспечить успешное продвижение продукции и услуг на современном рынке.

Ключевые слова: интернет-маркетинг, веб-сайт, SEO-оптимизация, контекстная реклама, QR-код

Для цитирования: Подзорова Г. А., Кириллова В. Е., Плешкова Н. А., Грязнова Н. Л. Применение инновационной технологии *digital marketing* для повышения эффективности продвижения услуг // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3 С. 333–338. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

Введение

Совсем недавно организациям было достаточно только рекламы на телевидении как одного из самых популярных традиционных инструментов продвижения. В XXI в. с учетом развития новейших технологий и информационных систем многие компании начали использовать не только методы традиционного маркетинга, но и площадки в сети Интернет. Буквально несколько лет назад, чтобы чувствовать себя уверенно в интернет-пространстве, российским компаниям было достаточно нескольких инструментов интернет-маркетинга, которые воспринимались как что-то новое и необычное, а зачастую даже непонятное. На данный момент практически каждая организация имеет потребность в квалифицированном интернет-маркетологе, который способен создавать эффективные рекламные акции, анализировать внутреннюю и внешнюю среду компании и оказывать содействие улучшению имиджа компании. Но в современных реалиях все стремительно меняется, и уже недостаточно интернет-технологий для бизнеса, поскольку появляются новые цифровые каналы связи с очень широким спектром возможностей для продвижения. Теперь познаний и навыков в интернет-маркетинге не всегда может быть достаточно, т. к. совсем недавно пришла инновационная технология, новая эра под названием цифровой маркетинг – *digital marketing*, – это совокупность разнообразных инструментов продвижения товаров и услуг организации, при которых используются многочисленные цифровые каналы[1].

На сегодняшний день все большее значение приобретают современные цифровые технологии, в том числе и сеть Интернет. Маркетинг всегда развивается вместе с потребителями, поэтому компании должны осознавать значение цифровых технологий, которые распространяются с большой скоростью и вместе с тем становятся основой для появления новых способов продвижения бизнеса.

Рассматриваемый вид маркетинга содержит множество разнообразных инструментов интернет-маркетинга, который в этом контексте считается главным коммуникационным посредником, а также каналы, не имеющие непосредственной связи с Интернетом: мобильные телефоны, обратные звонки, удерживающие звонки мелодии, радио, цифровое телевидение и др. Сегодня нельзя

[1] Рожкова Ж. Разработка Digital-стратегии. инструменты и технологии // Лайкни. 15.10.2013. Режим доступа: https://www.likeni.ru/events/skott-klososki-razrabotka-digital-strategii-noveyshie-instrumenty-i-tekhnologii/ (дата обращения: 03.07.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

говорить об успешной маркетинговой деятельности фирм, если они не применяют в своей работе инструменты *digital marketing* [1, с. 41].

Актуальность работы обусловлена тем, что в современном мире цифровые технологии являются одним из решающих факторов успешного продвижения практически в любой сфере экономики, предпринимательства и бизнеса.

Целью работы является разработка рекомендаций по внедрению инновационных технологий *digital marketing* для повышения эффективности продвижения услуг на примере предприятия ООО «НСТ». Для достижения цели необходимо выполнение следующих задач:

1) изучение инструментов *digital marketing* с помощью анализа различных академических источников по данной теме, а также сайтов, статей, документов и пр.;

2) проведение анализа продвижения маркетинговых услуг в ООО «НСТ»;

3) разработка рекомендаций по внедрению инновационных технологий в виде инструментов *digital marketing*.

Методы и материалы

Теоретико-методологические положения по данному вопросу в нашей стране постепенно формируются и представлены в трудах отечественных авторов: М. В. Акулич, С. В. Александровского, О. Д. Андреевой, Ж. Е. Рожковой и др.

К настоящему времени сложилось несколько определений *digital marketing*. М. В. Акулич рассматривает его как маркетинг товаров и услуг, который ориентирован на применение цифровых технологий в целях привлечения и удержания клиентов (потребителей) [2, с. 6], что говорит о том, что с помощью его методик и техник маркетологи могут продвигать бренды и увеличивать продажи. С. В. Александровский под *digital marketing* понимает совокупность разнообразных инструментов продвижения товаров и услуг организации, при которых используются многочисленные цифровые каналы [3, с. 210]. О. Д. Андреева и др. раскрывают данное понятие как комплексную дисциплину, опирающуюся на цифровые технологии и применяющуюся для продвижения продуктов и услуг по разным видам маркетинга [4, с. 41].

Таким образом, *digital marketing* можно определить как совокупность инструментов продвижения компании, включающую как интернет-каналы, так и каналы на устройствах, не подключенных к сети; т. е. он использует и мобильные технологии, и традиционные радио- и телевизионные методы, и Интернет, который здесь считается главным коммуникационным посредником.

Рассматриваемый вид маркетинга содержит множество разнообразных инструментов. Перечислим некоторые из них:

- поисковая оптимизация сайта (SEO-продвижение) – максимизация количества посетителей определенного веб-сайта за счет поднятия ресурса на более высокие позиции в результате выдачи поисковых систем [5, с. 46];
- контент-маркетинг – тип маркетинга, который включает в себя создание онлайн-материалов (видео, блогов, постов в социальных медиа), не продвигающих бренд открыто, но привлекающих к нему внимание и стимулирующих интерес к его услугам, а также обмен этими материалами [6, с. 372];
- маркетинг в социальных сетях (*Social Marketing, SMM*) – комплекс мероприятий по продвижению в социальных сетях [7, с. 31];
- email-маркетинг (осуществление прямых рассылок) – способ продвижения продуктов или сервисов через email-рассылки. Email-маркетинг способен не только привлекать и удерживать клиентов, но и повышать лояльность к бренду[2];
- контекстная реклама – способ продвижения товара или услуги в Интернете, при котором объявления показываются в ответ на введенные пользователями запросы. Именно поэтому контекстно-тематическое содержание страницы обычно соответствует интересам посетителя. Местом показа объявлений может быть поисковая выдача или сторонний ресурс [8, с. 23];
- таргетированная реклама – это объявления в социальных сетях Вконтакте, Одноклассники, Facebook и Instagram. Их направляют на аудиторию с нужными рекламодателю параметрами: полом, возрастом, интересами, образованием и т. д. [9, с. 21].

Главным преимуществом рассматриваемого маркетинга является комплексная работа с аудиторией, направленная на создание и сохранение имиджа, успешные продажи, поддержку клиентов (потребителей), сбор обратной связи от них и др. При этом разнообразные инструменты *digital marketing* являются максимально доступными.

Таким образом, использование данного вида маркетинга и его инструментов в быстроразвивающемся современном мире является одним из решающих факторов успешного продвижения практически в любой сфере бизнеса.

Результаты

Компания ООО «НСТ», работающая на рынке г. Новосибирска, осуществляет оказание услуг аренды спецтехники и доставки сыпучих материалов. Анализ маркетинговых методов продвижения услуг в данной организации показал, что на протяжении исследуемого периода (с 2016 по 2018 г.) компания применяла различные традиционные инструменты, такие как платные объявления в газетах, рекламу в бегущей строке на ТВ, баннерную рекламу, визитки, авторекламу, печатные рекламные объявления, систему скидок.

[2] Корчуганов В. Е. Email-маркетинг: коротко о главном // Генеральный директор. Режим доступа: https://www.gd.ru/articles/8144-e-mail-marketing (дата обращения: 03.07.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

Данные, представленные в табл. 1[3], показывают, что за три года расходы на используемые инструменты продвижения увеличились практически на 70 %, что обусловлено использованием баннерной рекламы, авторекламы и ростом затрат на них в 2018 г. В том же году организация стала применять печатные рекламные объявления, которые расклеивались в садоводческих товариществах и были ориентированы на привлечение физических лиц.

Рекламные объявления в газетах перестали быть актуальным и эффективным инструментом продвижения, поэтому компания ООО «НСТ» прекратила их использование в 2017 г. Несмотря на то, что реклама на телевидении помогла привлечь небольшое число заказчиков в базисном году, она с трудом окупила себя. Это связано с тем, что за последние три года реклама в виде бегущей строки стала наименее эффективной в результате активного развития современных устройств – смартфонов и планшетов.

Таблица 2 показывает, что в ООО «НСТ» стоимость большинства инструментов продвижения относительно низкая, а эффективность достаточно неопределенная из-за отсутствия быстрой экономической отдачи от них. В контексте быстроразвивающихся технологий и жесткой конкуренции необходимо обращать должное внимание на более современные и действенные инструменты. ООО «НСТ», как и большинству компаний, необходимо осознавать значение цифровых технологий, в частности *digital marketing*, для развития бизнеса. Благодаря инновационному маркетингу подобного рода можно легко определить и рассчитать эффективность от внедрения его инструментов и узнать о предпочтениях потребителя.

Люди разных возрастов все чаще пользуются поисковыми системами Яндекс и Google и почти любой вопрос решают с их помощью. Именно поэтому сеть – идеальная среда, чтобы успешно вести и продвигать бизнес вне зависимости от его специфики. Итак, чтобы о бизнесе можно было узнать при помощи поисковых систем, которые активно используются интернет-аудиторией, компаниям необходимо иметь собственный веб-сайт. Это мощный маркетинговый инструмент, который в первую очередь позволит повысить продажи компании. В этой связи первым рекомендуемым действием в рамках *digital marketing*, необходимым для внедрения в ООО «НСТ», стала разработка сайта.

После создания веб-сайта необходимо предпринять действия, которые сделают его заметным интернет-пользователям и потенциальным клиентам. Для этого необходимо, чтобы сайт выводился в поисковом запросе на первой странице, поскольку обычно большинство пользователей в сети Интернет при поиске информации, товаров или услуг просматривают первую и вторую страницы поискового запроса, не заходя на последующие. Тысячи людей могут ежедневно искать продукцию или услуги определенной компании, а находить товары конкурентов лишь потому, что они уже заняли топовые места в выдаче поисковых систем. Именно поэтому веб-сайту ООО «НСТ» необходимо занять выгодное положение. Чтобы вывести веб-сайт в топ-10 поискового запроса, необходимо осуществить SEO-продвижение.

Для быстрого продвижения сайта в поисковых системах следует не только грамотно наполнить его содержимым в виде достоверного текста и оригинальных картинок, но и привлечь как можно больше посетителей. Этому способствует контекстная реклама, которая чаще всего располагается в первых ссылках при запросе в сети Интернет. Чтобы понимать, когда и какую контекстную рекламу размещать, в ходе исследования при помощи сервиса *Wordstat*[4] были выявлены наиболее частые запросы, а именно: приобретение и доставка песка, щебня и бетона в Новосибирске. Контекстную рекламу услуг со ссылкой на веб-сайт ООО «НСТ» необходимо осуществлять в зависимости от сезонности в регионе, объявлений конкурентов и количества запросов.

Для повышения посещаемости сайта рекомендуется использовать новую разработанную визитку, проект которой представлен на рисунке[5]. Характерная особенность данной визитки состоит в том, что на неё нанесен QR-код, обеспечивающий быстрый переход на сайт ООО «НСТ» при наведении на него камеры. QR-код позволяет привлечь внимание не только пользователей сети Интернет, но и офлайн-аудитории с последующим перетягиванием ее в онлайн.

Рис. Проект визитки ООО «НСТ» с QR-кодом

Fig. Project of a business card with a QR code for NST company

[3] Составлено авторами по материалам и данным отчетности организации ООО «НСТ».

[4] Составлено авторами по Wordstat.yandex.ru. Режим доступа: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 03.07.2019).

[5] Разработано авторами.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

Табл. 1. Расходы ООО «НСТ» на продвижение услуг
Tab. 1. Expenses on the service promotion made by NST company

Инструмент продвижения	2016	2017	2018	Темп роста, %		
				2017 / 2016	2018 / 2017	2018 / 2016
Рекламные объявления в газетах, руб.	10440	–	–	–	–	–
Рекламные объявления в бегущей строке на телевидении, руб.	29000	–	–	–	–	–
Визитки, руб.	450	450	450	100	100	100
Баннерная реклама, руб.	–	43500	63500	–	146	–
Автореклама, руб.	–	600	2700	–	450	–
Печатные рекламные объявления для расклеивания, руб.	–	–	890	–	–	–
Общая сумма расходов, руб.	39890	44550	67540	111,7	151,6	169,3

Табл. 2. Достоинства и недостатки инструментов продвижения услуг ООО «НСТ»
Tab. 2. Advantages and disadvantages of the promotion tools used by NST company

Инструмент продвижения	Достоинства	Недостатки
Рекламные объявления в газетах	• простое и быстрое размещение;высокая скорость выхода рекламных объявлений; • быстрый выбор газеты из-за сравнительно небольшого числа конкурирующих между собой издательств; • низкая стоимость	• отсутствие возможности создания уникального объявления; • низкая вероятность того, что объявление заметят; • большая часть читателей – зрелые люди, которые редко меняют свои привычки и устои; • высокая конкуренция рекламных объявлений в издании; • низкий спрос на рекламные газеты
Рекламные объявления в бегущей строке на телевидении	• небольшой размер позволяет телеканалам запускать бегущую строку во время популярных проектов, а не после них или между ними; • хорошая запоминаемость из-за частоты повтора	• ограниченный размер бегущей строки исключает возможность дополнительной визуализации; • сложность выбора подходящего телеканала
Визитки	• статусный «аксессуар»; • низкая цена;простота и быстрота изготовления; • попадание в целевую аудиторию	• перегруженные информацией и не современно выглядящие визитки отталкивают; • быстрое изнашивание при некачественной печати
Баннерная реклама	• быстрое изготовление; • простой монтаж; • любой размер; • широкий охват аудитории	• баннер сложно таргетировать на конкретную аудиторию; • риск неправильной установки, ненадежного крепления и качества печати
Автореклама	• быстрое изготовление; • низкая стоимость; • широкий охват аудитории	• быстрое изнашивание из-за погодных условий; • снижение эффективности просмотра рекламы на транспорте в темное время суток
Печатные рекламные объявления для расклеивания	• быстрое изготовление; • низкая стоимость; • частичное попадание в целевую аудиторию	• большой объем предварительной работы; • быстрое изнашивание из-за погодных условий
Система скидок	• привлечение новых клиентов; • стимулирование постоянных покупателей; • повышение объёмов продаж; • рост лояльности к компании	• риск потери части прибыли

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

Предлагаемые мероприятия *digital marketing* рекомендуется проводить в поисковых системах Яндекс и Google, но сначала предлагается реализовывать их в отечественной поисковой системе, поскольку она является наиболее простой для понимания и используемой так же часто, как и Google. Прогнозируемый маркетинговый эффект от внедрения инструментов *digital marketing* представлен в табл. 3.

Заключение

Внедрение инструментов *digital marketing* позволит не только привлечь большее количество новых клиентов и повысить уровень продаж, но и создать возможность для построения взаимоотношений с клиентами, сформировать имидж организации, повысить степень узнаваемости и доверия, сформировать у клиентов и партнеров образ надежной инновационной, динамично развивающейся организации. ООО «НСТ» сможет наладить взаимосвязь и взаимопонимание с потребителями, создать открытую и взаимовыгодную атмосферу сотрудничества, сформировать и укрепить приверженность клиента к организации. Однако не стоит забывать, что комплексное применение данных мероприятий обеспечит синергетический эффект. Иначе говоря, только совокупное применение инструментов *digital marketing* даст значительно больший эффект, чем сумма эффектов от их отдельного использования. Разработанные инструменты *digital marketing* могут быть применены не только в ООО «НСТ», но и в других организациях, желающих обеспечить успешное продвижение своей продукции, услуг и бизнеса в целом.

Табл. 3. Прогнозируемый эффект от внедрения инструментов digital marketing
Tab. 3. Projected effect from the implementation of digital marketing tools

Рекомендуемый инструмент *digital marketing*	Прогнозируемый маркетинговый эффект
Разработка веб-сайта	• появление новой возможности для построения взаимоотношений с клиентом и управления ими; • выход к дополнительным рыночным нишам и мгновенный способ сбора информации; • формирование и поддержание имиджа организации, способствование повышению степени узнаваемости; • формирование у клиентов и партнеров образа надежной инновационной, динамично развивающейся организации; • повышение уровня продаж
SEO-оптимизация веб-сайта	• привлечение большого числа потенциальных клиентов; • улучшение имиджа организации и повышение узнаваемости; • формирование доверия, поскольку сайт находится на лидирующих позициях (в топ-10) в своей тематике; • повышение уровня продаж
Визитка с QR-кодом	• формирование и поддержание имиджа организации и ее услуг, способствование повышению степени узнаваемости; • формирование у клиентов и партнеров образа надежной инновационной, динамично развивающейся организации; • не только передача партнерам и клиентам базовых контактов, но и обеспечение более обширной информационной поддержки; • повышение посещаемости сайта, влекущее рост продаж
Контекстная реклама	• привлечение большого числа потенциальных клиентов на сайт;

Литература

1. Кожушко О. А., Чуркин И. В., Агеев А. Ю., Яременко Н. Ю., Волокитин Н. И., Дасманова М. А., Свинцова К. Ю., Чернышов И. М., Чигряй М. М. Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 327 с.
2. Акулич М. В. Диджитал-маркетинг. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 200 с.
3. Александровский С. В., Казанькова Н. В. Инструменты digital-маркетинга в практике микро-, малого и среднего бизнеса // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2015. № 3. С. 206–216.
4. Андреева О. Д., Абрамова А. Н., Кухаренко Е. Г. Развитие использования цифрового маркетинга в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4. С. 24–41.
5. Олейникова А. В. Продвижение и поисковая оптимизация Web-сайтов // Молодой ученый. 2017. № 11. С. 46–47.
6. Рубцов А. В. Роль контент-маркетинга в продвижении интернет-ресурсов // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 371–374.
7. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях. М.: МИФ, 2015. 276 с.
8. Маршалл П., Тодд Б. Контекстная реклама, которая работает. Библия Google AdWords. М.: МИФ, 2014. 464 с.
9. Назипов Р. М. Таргетированная реклама в социальных сетях. Полное руководство. М.: Билингва, 2016. 224 с.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

Application of Digital Marketing Innovation Technology to Improve Service Promotion Efficiency

Galina A. Podzorova [a, @]; Valeriia E. Kirillova [a]; Nataliya A. Plechkova [a]; Nataliya L. Gryaznova [a]
[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@] PGA-555@yandex.ru

Received 11.07.2019. Accepted 09.09.2019.

Abstract: The current development of the digital economy determines the relevance of digital marketing as an innovative technology of service promotion. The research features a set of marketing tools used by NST company to promote services. The research objective was to develop recommendations for the implementation of digital marketing technology in the company. The study used methods of economic and comparative analysis. The authors analyzed the advantages and disadvantages of the traditional marketing tools used by NST and proposed tools of digital marketing, such as website development, SEO-optimization, contextual advertising, and the project of a new business card with a QR-code. A combined use of various digital marketing tools gives a much greater effect, thus attracting more customers and improving the efficiency of the company. The recommendations can be successfully used by other organizations wishing to promote their production and services in the modern market.

Keywords: internet marketing, website, SEO optimization, contextual advertising, QR-code

For citation: Podzorova G. A., Kirillova V. E., Plechkova N.A., Gryaznova N. L. Application of Digital Marketing Innovation Technology to Improve Service Promotion Efficiency. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 333–338. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-333-338

References

1. Kozhushko O. A., Churkin I. V., Ageev A. Iu., Iaremenko N. Iu., Volokitin N. I., Dasmanova M. A., Svintsova K. Iu., Chernyshov I. M., Chigriai M. M. *Internet marketing and digital strategies. Principles of effective use.* Novosibirsk: RITS NGU, 2015, 327. (In Russ.)
2. Akulich M. V. *Digital marketing*. Ekaterinburg: Izdatelskie resheniia, 2017, 200. (In Russ.)
3. Aleksandrovskii S. V., Kazankova N. V. Digital marketing tools in the practice of micro, small and medium-sized businesses. *Marketing i marketingovye issledovaniia*, 2015, (3): 206–216. (In Russ.)
4. Andreeva O. D., Abramova A. N., Kukharenko E. G. Promoting the use of digital marketing in the global economy. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2015, (4): 24–41. (In Russ.)
5. Oleinikova A. V. Website promotion and search engine optimization. *Molodoi uchenyi*, 2017, (11): 46–47. (In Russ.)
6. Rubtsov A. V. The role of content marketing in promoting online resources. *Molodoi uchenyi*, 2013, (5): 371–374. (In Russ.)
7. Khalilov D. *Social media marketing.* Moscow: MIF, 2015, 276. (In Russ.)
8. Marshall P., Todd B. *Contextual advertising that works. Google AdWords Bible.* Moscow: MIF, 2014, 464. (In Russ.)
9. Nazipov R. M. *Targeted advertising on social networks. A complete guide.* Moscow: Bilingva, 2016, 224. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

оригинальная статья
УДК 65.015

О понимании права и обязанности менеджера обучать подчинённых

Семён Д. Резник [a, @, ID]; Игорь С. Чемезов [a]; Павел В. Финаев [a]

[a] Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 440028, Россия, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28
[@] disser@bk.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6395-1450

Поступила в редакцию 14.10.2019. Принята к печати 11.11.2019.

Аннотация: Рассматривается проблема понимания менеджерами обязанности и права обучать своих подчинённых. Особое внимание уделено ошибкам менеджеров в работе с персоналом, приводящим к перерастанию важной функции обучения подчинённых в поучения, с негативными последствиями и реакциями персонала. В качестве таких ошибок рассмотрены: обучение в ситуации, когда сотрудник не готов его воспринимать; отсутствие учёта мотивов действий сотрудника; использование неподходящего метода обучения; использование подходящего метода неправильным образом; поучение сотрудника на виду у всех; обилие негатива, критики и даже гнева при обучении; неправильно выбранный тон; навязывание руководителем своего мнения подчинённому; отсутствие достаточных условий для эффективного обучения; неопределенность цели; отсутствие контроля за изменением поведения и обратной связи по итогам этих изменений. Обосновываются рекомендации менеджерам, позволяющие избегать вышеназванных ситуаций в их взаимоотношениях с подчинёнными: учёт информационного фонда партнера по общению; четкое изложение сообщения; избегание излишней персонификации; объяснение смысла своих советов; учет интонации; недопущение негатива и угроз; обращение по имени; использование комплиментов; применение вопросительной формы; принятие совместных решений и др. Определены условия эффективного обучения: проявление заботы и поддержание инициативы; ознакомление с видением ситуации; доверие; уместное использование юмора; получение обратной связи; обучение «по горячим следам»; избежание критики и поучений сотрудника на виду у других; избежание откладывания критических замечаний на конец дня; использование советов подчинённых в тех вопросах, где они разбираются лучше руководителя. Предлагаемые рекомендации могут быть использованы руководителями организаций для повышения эффективности обучения подчиненных, а также для формирования и поддержания долговременных деловых взаимоотношений в коллективе.

Ключевые слова: обучение, поучение, права, обязанности, менеджеры, подчинённые, результаты

Для цитирования: Резник С. Д., Чемезов И. С., Финаев П. В. О понимании права и обязанности менеджера обучать подчинённых // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 339–345. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

Введение

По своему статусу каждый руководитель получает право распоряжаться, давать поручения подчинённым. Решения, распоряжения – это и есть личная «продукция» менеджера, чего многие подчинённые часто не понимают. Они не учитывают и еще одного очень важного, по нашему мнению, момента – ответственности менеджера за свои решения. Чем выше менеджерская должность, тем цена ответственности руководителя выше. Практика менеджмента показывает, что инсульты и инфаркты менеджеры получают не от того, что командуют, а от понимания и восприятия последствий своих команд, от того, что за свои решения нужно держать ответ. Грань между распоряжениями по работе и советами подчинённым по различным аспектам жизни даже опытному менеджеру почувствовать очень сложно. Со временем ему может казаться, что руководящая должность делает его солиднее не только по профилю деятельности, но и по всем житейским ситуациям и предоставляет ему право давать свои оценки и советы на все случаи жизни.

Конечно, культурный подчинённый молчаливо выслушает его и тем самым дезориентирует своего начальника. Тот еще больше расслабляется и увлекается в своих нравоучениях и советах. Его профессиональные поручения нередко переходят в поучения, причем по любому поводу. Но по житейским позициям уровень подчинённых может быть значительно выше уровня их начальника. А это означает, что менеджер поучает кого-то, не имея на то никаких объективных оснований, вызывая у подчинённых негативную психологическую реакцию [1].

Цель – изучить и проанализировать взаимодействие руководителя и подчиненных, а точнее тот его аспект, что связан с реализацией прав и обязанности менеджера обучать своих подчиненных, предложить рекомендации руководителю по поводу того, когда и как обучать своих подчиненных.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

Понятия *обучать* и *поучать* – принципиальные отличия

В Малом академическом словаре: поучать – «давать кому-то назидательные советы, указания, как поступать, как вести себя в определённых случаях»[1]. В словаре Д. Н. Ушакова указывается на два значения: 1. (книжн. ритор. устар.) – «учить чему-нибудь, преподавать какое-нибудь учение»; 2. (разг. ирон.) – «говорить с кем-нибудь наставительным тоном, с уверенностью в своем превосходстве»[2]. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – «делать поучения кому-нибудь, наставлять (например, поучать молодых, поучать уму-разуму)»[3]. В словаре Т. Ф. Ефремовой – «наставлять; учить чему-либо»[4]. Таким образом: учить – значит делиться знаниями; поучать – заявить о своем превосходстве в знании какого-либо вопроса, демонстрировать некомпетентность собеседника, при этом не обязательно делясь знаниями. Поучительство – это склонность иных руководителей постоянно всех поучать, давать назидания и советы, в которых чаще всего подчинённые не нуждаются.

Менеджер (от англ. *manage* – управлять) – сотрудник компании, основная задача которого состоит в руководстве другими сотрудниками и ключевыми ресурсами компании. Менеджер отвечает за подбор кадров, адаптацию и обучение сотрудников, поддержание рабочей атмосферы в компании, соблюдение трудового законодательства [2]. Одной из основных функций менеджера как руководителя является обучение подчиненных [3].

В. Р. Веснин в своей книге «Практический менеджмент персонала: пособие по кадровой работе» справедливо отмечает, что «руководитель имеет право устанавливать и поддерживать образцы поведения подчиненного, приказывать, требовать, добиваться реализации распоряжений, контролировать результаты, а подчиненный обязан добросовестно выполнять порученное дело» [4, с. 272].

Доказывать необходимость обучения руководителями своих подчиненных нет нужды. Это важная часть их работы. Но что считать обучением и в каких условиях оно обычно происходит? Когда оно является наиболее нужным и эффективным? Конечно, есть обучение «с отрывом от работы» – в специально отведенное время, в специальном месте, с заранее подготовленным планом, программой, вопросами и задачами и т. д. Но это обучение – базовое, не оно делает из человека специалиста и профессионала. Гораздо важнее «тонкая отделка», шлифовка «бриллианта» – и применительно к обучению можно сказать, что происходит такая шлифовка практически ежедневно на рабочих местах, без отрыва от производства, в процессе основной работы. Любая обратная связь от руководителя может и должна стать таким обучением. Да и его личный пример тоже стоит отнести к этого рода средствам.

Учить, давать поручения мы, например, можем – если это по сути работы, за которую мы отвечаем. Но даже если что-то поручаем по профилю, то и здесь нужно действовать аккуратно. Задача руководителя – максимально использовать потенциал подчинённого, а не казаться умнее и профессиональнее его. Поэтому подсказывать, давать свои советы можно только тогда, когда уверен, что знаешь проблему лучше подчинённого, имеешь основания для того, чтобы советовать, когда твои советы нужны или о них просят [5].

Руководителю нередко приходится одёргивать себя и за пределами организации, хотя порой очень трудно перестраиваться, становиться обыкновенным, нормальным, рядовым жителем страны по окончании рабочего дня. Но без этого нельзя. Только в этом случае люди будут нас воспринимать и уважать. Нужно вовремя суметь переключиться с одной социальной роли на другую: с роли начальника – на роль мужа, сына, брата, друга, соседа и др.

«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»[5] – это великая библейская формула взаимопонимания. Другое дело, можно ли это реализовать в практике менеджмента? Если бы все руководители были бы такими, то не было бы столько обид и даже слез подчиненных. Почему возникает столько затаенных претензий? По большому счету для того, чтобы руководители узнали мнение о себе, им нужно на время стать подчиненными. Поставить себя на их место и не говорить и не делать им того, чего не хотели бы получать сами от других [1].

Типичные ошибки менеджеров

Обучение персонала порой не дает того результата, который можно было бы ожидать или не имеет результата вовсе. Время, силы и средства потрачены, а позитивных изменений не происходит. Почему так случается? Каждый конкретный случай имеет свою причину. И причина может заключаться как в руководителе, так и в самих сотрудниках. Как говорил великий русский полководец А. В. Суворов: «обучение нужно, лишь бы с толком и кратко. Солдаты его любят» [6]. Причины низкой эффективности обучения подчинённых чаще всего кроются в том, что обучение переросло в поучения.

[1] Поучать // Малый академический словарь. Режим доступа: https://gufo.me/dict/mas/%D0%BF%D0%BE%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%82%D1%8C (дата обращения: 03.10.2019).

[2] Поучать // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Режим доступа: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=55293 (дата обращения: 03.10.2019).

[3] Поучать // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt (дата обращения: 03.10.2019).

[4] Поучать // Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: https://www.efremova.info/word/pouchat.html#.XdSg8lczaM8 (дата обращения: 03.10.2019).

[5] Евангелие от Матфея. Гл. 7. Стих: 12.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

Остановимся на типичных ошибках, которые нередко допускают руководители, обучая и скатываясь к поучению своих сотрудников [7–11].

1. Поучение часто не достигает желаемого эффекта, потому что проводится в той ситуации, когда сотрудник не готов его воспринимать (возможно, он сильно занят, спешит, перевозбужден или огорчен чем-либо). Отсюда следует необходимость выбора более подходящего момента для обучения.

2. Поучение не учитывает мотивов действий сотрудника. Это происходит в том случае, когда обучению не предшествует предварительное изучение ситуации (сотрудник, возможно, и сам знает и понимает, что и как можно было бы сделать лучше, но в сложившихся обстоятельствах он был ограничен). Эта ошибка очень серьезная и может ударить по авторитету руководителя в глазах подчинённого. К тому же она приведет к напрасной трате времени и сил обоих (и обучающего, и обучаемого).

3. Используется неподходящий метод обучения для данной ситуации или данного сотрудника.

4. Метод выбран подходящий, но используется не так, как следует.

5. Поучение допускается на виду у всех. Критика одного у всех на виду, с одной стороны, экономит время и силы руководителя на доведение до многих желаемого поведения, но с другой – может иметь негативные последствия (снижение авторитета и уважения к руководителю, рост негативных настроений).

6. Поучение содержит в себе много негатива при явном недостатке положительных моментов.

7. Поучение походит на излишние придирки. Если ошибка подчинённого незначительна или допущена впервые, возможно, стоит оставить ее без внимания.

8. Поучение делается в состоянии гнева. Следует остерегаться гневных поучений («ибо гнев человека не творит правды Божией», – как сказано в Библии[6], а у древних греков была поговорка: «Ты гневаешься, значит, ты не прав»). С одной стороны, подчинённый запомнит, что совершать такие действия впредь опасно. С другой – у него может сработать защитная реакция. Особенно же следует остерегаться личных оскорблений в подобных ситуациях.

9. Руководитель навязывает свое мнение подчинённому, не давая ему возможности самому определить проблему и пути ее решения. Руководителю лучше не навязывать сотруднику то, что и как он должен изменить в своих действиях (поведении), а дать ему самому возможность сформулировать – как и что он собирается изменить. Например, можно задать вопрос «Что будем делать?». Если подчинённый скажет сам, его обязательство изменить линию поведения будет значительно сильнее, а у руководителя будет аргумент, что он (подчинённый) сам это обещал.

Чтобы избежать этих ошибок, обучение персонала нужно рассматривать с точки зрения получения необходимого результата. Учить подчинённых нужно, но по-разному, поэтому выбор методов обучения должен быть связан с процессом оценки каждого подчинённого. В идеале – обучению должно предшествовать обнаружение ошибок подчинённого, продумывание того, как лучше их исправить, выбор подходящего момента для учебы.

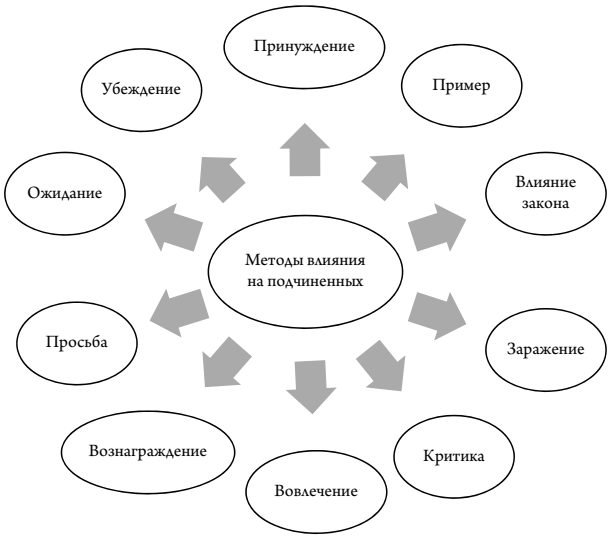

Рис. Методы и приемы управленческого влияния
Fig. Methods and techniques of managerial influence

Практические советы руководителю: как не впасть в поучительство

Рассмотрим смысл и содержание некоторых методов обучения подчиненных, достигающих своей цели. Основатель и руководитель *KPI Service Group* О. А. Кулагин в своей статье «Методы и приемы управленческого влияния» предлагает следующую систематизацию методов такого влияния (рис.[7]).

Чем сложнее метод, тем больше приемов и вариаций, на которые он опирается. Одним из наиболее часто используемых методов управленческого влияния является *принуждение*. Такое воздействие на сотрудника предполагает явную или неявную угрозу наказания, которое может последовать за невыполнением порученного задания. Формула метода такова: «Сделай то, что тебе говорят, иначе будешь наказан» или «Если ты это не сделаешь, то не получишь что-либо желаемое (отпуск, премию и т. п.)». В таком случае сотрудник будет выполнять распоряжение руководителя только для того, чтобы избежать наказания (штрафа, выговора, увольнения, ухудшения отношений, потери репутации или лишения желаемого блага).

[6] Соборное послание святого апостола Иакова. Гл. 1. Стих: 19.

[7] Кулагин О. А. Методы и приемы управленческого влияния // Livejournal. 14.10.2011. Режим доступа: https://kulagin-oleg.livejournal.com/15193.html (дата обращения: 03.10.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

Похожим на принуждение методом является *влияние закона.* Используя его, руководитель, устанавливая задачу сотруднику, указывает на некие необходимые условия (правила, регламент, приказы, инструкции и т. п.), действующие в организации, а также на взаимные договоренности (Мы с тобой уже договорились о том, что...) и на групповые нормы (У нас принято...). Ясно, что нарушение закона всегда должно наказываться, поэтому законопослушный человек будет в таком случае вынужден исполнить распоряжение (плохо или хорошо – это уже второй вопрос).

Гораздо более действенным с точки зрения если не надежности, то максимизации и устойчивости эффекта является *пример*. В идеале, конечно, это должен быть личный пример руководителя, его действия, которые говорят сами за себя и не нуждаются даже и в озвучивании. В целом любое действие руководителя и является таким примером (но он может быть как положительным, так и негативным). Менее эффективным, но тоже возможным примером может являться указание на опыт каких-либо других людей, являющихся для подчиненного авторитетными. Если речь идет об убеждении сотрудника в чем-либо (например, в эффективности рекомендуемых ему действий), то при этом могут быть сказаны следующие слова: «Знаешь, когда я сталкиваюсь с такой ситуацией, я поступаю так … » или «Если верить (*ссылка на источник*), наиболее эффективным решением в таких случаях является (*действие и его объяснение*)».

Для харизматичного и уважаемого подчиненными руководителя, возможно, одним из самых действенных приемов влияния на сотрудников будет «*заражение*» (этого можно достичь посредством энергичности, возвышенных интонаций, вселяемого в сотрудников оптимизма, положительных эмоций, уверенности и т. д.). При этом руководитель вольно или невольно «*заражает*» сотрудников своим настроем всегда. Итак, важно, чтобы транслируемый руководителем настрой помогал им в работе.

Безусловно, руководителю невозможно обойтись и без *критики*, или критической оценки действий сотрудника (именно действий, но не самого сотрудника). Несмотря на то, что критика часто скорее демотивирует, чем мотивирует, однако при правильном ее использовании эффект может быть положительным. Основным условием здесь, по-видимому, является уместность, соответствие тона и силы критических замечаний масштабам последствий неправильных действий, учёт причин и, как это уже было указано, оценивание именно действий, но не самого сотрудника. При этом завершаться критический акт должен непременно выражением уверенности в изменении поведения сотрудника.

Еще одним методом в арсенале руководителя является метод *вовлечения*. Если при принуждении руководитель «нажимает», «давит» на сотрудника, то здесь влияние оказывается противоположным способом: руководитель пытается увлечь, заинтересовать сотрудника к участию в каком-либо деле и даже вовлекает его в совместное принятие решения, которое ему затем предстоит исполнять. Таким образом, принятое самим сотрудником, а не навязанное ему сверху решение должно стать для него своим. Нет нужды говорить о том, что мотивация к исполнению своих решений будет гораздо выше, чем решений, спущенных сверху.

В настоящее время многие сотрудники предпочитают в качестве стимулирующего влияния обещание определенного *вознаграждения* в случае исполнения предписываемых действий. По сути это и есть *стимулирование* в том смысле, как оно понимается в большинстве современных работ по менеджменту. Однако теории мотивации убеждают нас в том, что не всякое вознаграждение будет мотивировать и стимулировать сотрудника должным образом, а только то, которое является для него значимым. Не всегда и не для всех таким значимым вознаграждением будет вознаграждение в материальной форме. Для кого-то это будет интересное и сложное задание, для кого-то – возможность завоевать доброе отношение коллектива (в последнем случае можно заключить указание словами: «Коллеги будут Вам благодарны, если вы поможете им сделать это»).

Мягким вариантом приказа подчинённому является *просьба*. Несмотря на то, что этот метод по форме выглядит необязательным, любой подчиненный понимает, что ее невыполнение ставит под угрозу ухудшения отношения руководителя и сотрудника, а это по сути дела есть наказание. В настоящее время опытные руководители предпочитают использовать именно такие мягкие методы управления, как просьба. Это объясняется тем, что их применение способствует созданию благоприятного психологического климата взаимного доверия и сотрудничества. Исследования и опыт говорят о том, что методы мягкого влияния гораздо лучше стимулируют труд, чем критика и наказания.

В качестве еще одного метода влияния на подчинённых может быть рассмотрено *ожидание* определенных действий с его стороны. Если руководители ожидают от своих подчиненных высоких результатов и подчиненные об этом знают, то вероятность получения этих результатов становится гораздо выше. При этом ожидания, как и другие методы, могут быть использованы и со знаком «минус», т. е. не во благо, а во вред. Дело в том, что люди чаще всего ведут себя в соответствии с тем, как о них думают окружающие (в т. ч. и руководители), и если руководитель будет ожидать от подчиненного невыполнения поручения, это, скорее всего, и произойдет.

Наконец, одним из самых надежных методов влияния руководителя на подчинённых является *убеждение*. Смысл убеждения состоит в том, чтобы добиться от сотрудника понимания важности или необходимости решения той или иной задачи или выполнения действий определенным способом.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

Таким образом, все методы и формы обучения подчинённых так или иначе восходят к механизмам их мотивирования и стимулирования руководителем. Достаточно подробно и самобытно эта проблема изложена в работах научной школы «Социально-экономические проблемы управления человеческими ресурсами» Кемеровского государственного университета [12], в частности в трудах И. П. Поварича [13; 14], Б. Г. Прошкина [15] и др.

Обучение на рабочем месте может осуществляться в форме наставничества, под которым понимается процесс передачи знаний и навыков от более опытного и компетентного человека менее опытному в процессе их общения. В его рамках руководители или опытные сотрудники обучают новичков, втягивают их в процесс принятия решений, что предполагает предоставление обучаемым некоторых полномочий. Обычно это требует немалых затрат времени с той и другой стороны и взаимного доверия.

Формой обучения на рабочем месте является инструктаж – разъяснение и демонстрация приемов работы опытным сотрудником. Он непродолжителен и направлен на изучение какой-то конкретной операции или процедуры, входящей в круг обязанностей обучаемого. Инструктаж не требует высоких затрат и эффективен для простых видов деятельности.

Практический опыт руководителя авторского коллектива статьи позволил ему сформулировать следующие рекомендации: «Учите, но не поучайте, выступайте в роли консультанта, а не лектора. Ненавязчиво создавайте условия для того, чтобы слушатели (школьники, студенты, бизнесмены, менеджеры, подчинённые) сами себя обучали, участвуя в разрешении реальных жизненных проблем, и желали к вам обращаться за советом. В повседневной жизни советы давайте тогда, когда о них просят» [5].

В целом можно предложить следующий **алгоритм обучения подчинённого**:

1) отвести сотрудника в сторону;
2) обратить внимание на проблему;
3) узнать о его отношении к проблеме, причинах, видимых путях решения;
4) если нужно и уместно, подсказать что-то;
5) договориться об изменении поведения;
6) если все эти рекомендации не подействовали, отдать четкий приказ и настоять на его выполнении.

Заключение

Одной из ключевых функций менеджера является обучение подчиненных. Однако необходимо различать понятия *обучать* и *поучать*: обучать – значит делиться знаниями; поучать – заявлять о своем превосходстве в знании какого-либо вопроса или некомпетентности собеседника. Причины низкой эффективности обучения подчинённых часто кроются в том, что обучение со стороны руководителя переросло в поучения.

Типичные ошибки, которые нередко при обучении допускают руководители, заключаются в следующем: обучение проводится в ситуации, когда сотрудник не готов его воспринимать; не учитываются мотивы действий сотрудника; используется неподходящий метод обучения; метод используется не так, как следует; поучение проводится на виду у всех; обучение содержит в себе много негатива при недостатке положительных моментов, излишние придирки; замечания делаются шутливым тоном и не воспринимаются сотрудником всерьез; обучение в состоянии гнева; навязывание руководителем своего мнения подчинённому, не давая ему возможности самому определить проблему и пути ее решения; отсутствие достаточных условий для эффективного обучения; неопределенность и неизвестность для подчиненного цели учебы; отсутствие контроля за изменением поведения и обратной связи по итогам этих изменений.

При использовании различных методов влияния на подчиненных менеджеру рекомендуется: учитывать информационный фонд партнера по общению; излагать сообщения четко; избегать излишней персонификации; объяснять смысл своих советов; учитывать интонации; не допускать негатива и угроз; обращаться по имени; использовать комплименты; применять вопросительную форму; принимать решения совместно и др.

Для того чтобы обучение было более эффективным, необходимо обеспечить следующие условия: проявлять заботу о людях и поддерживать их инициативу; не скрывать от них видение ситуации; доверять им; использовать для разрядки юмор; получать обратную связь; поучать «по горячим следам»; не критиковать и не поучать сотрудника на виду у других; не откладывать критические замечания на конец дня; использовать советы подчинённых в тех вопросах, где они разбираются лучше руководителя.

Сделать процесс обучения сотрудников более эффективным помогут также следующие подходы: рассматривать обучение как инвестиции; разъяснять сотрудникам цели обучения; отслеживать результаты учебы.

Предлагаемые рекомендации могут быть использованы руководителями организаций для повышения эффективности обучения подчиненных, для формирования и поддерживания долговременных деловых взаимоотношений в коллективе.

Литература

1. Резник С. Д., Усов В. Р. Самоорганизация и личная эффективность: секреты и уроки жизни организованного человека. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 286 с.
2. Резник С. Д. Организационное поведение. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 460 с.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

3. Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации. М.; Челябинск: Социум, 2009. 368 с.
4. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала. М.: Юристъ, 2001. 496 с.
5. Резник С. Д. Дороги к менеджменту. О себе и окружавших меня людях, о времени и событиях. М.: ИНФРА-М, 2014. 378 с.
6. Летуновский В. В. Менеджмент по Суворову: Наука побеждать. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альпина Паблишер, 2012. 298 с.
7. Андреева И. Н. Docendo discimus, или как мотивировать сотрудников к обучению // Кадровая служба. 2008. № 6. С. 101–109.
8. Иванова С., Болдогоев Д., Борчанинова Э., Глотова А., Жигилий О. Развитие потенциала сотрудников: Профессиональные компетенции, лидерство, коммуникации. 3-е изд. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 280 с.
9. Кузнецов В. В. Корпоративное образование. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. 227 с.
10. Новиков А. М. Опыт корпоративного обучения – в образовательный процесс системы непрерывного образования // Специалист. 2013. № 1. С. 27–36.
11. Новиков А. М. Процесс и методы формирования трудовых умений. М.: Высш. шк., 1986. 288 с.
12. Поварич И. П., Морозова Е. А. Основные направления исследований научной школы «Социально-экономические проблемы управления человеческими ресурсами» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-2. С. 140–146.
13. Поварич И. П., Прошкин Б. Г. Стимулирование труда: системный подход. Новосибирск: Наука, 1990. 196 с.
14. Поварич И. П., Колмагоров М. В. Теоретические и прикладные аспекты стимулирования труда. Кемерово: ЮНИТИ ЛТД, 2002. 221 с.
15. Прошкин Б. Г. Мотивация труда. Управленческий подход. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 420 с.

On Understanding the Right and Duty of the Manager to Train Subordinates

Semen D. Reznik [a, @, ID]; Igor S. Chemezov [a]; Pavel V. Finayev [a]
[a] Penza State University of Architecture and Construction, 28, German Titov St., Penza, Russia, 440028
[@] disser@bk.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6395-1450

Received 14.10.2019. Accepted 11.11.2019.

Abstract: The article deals with the following issue: how do managers understand their responsibility to train their subordinates? The authors focus on the most common errors that can turn the function of training into useless edifications, which trigger negative consequences and reactions of personnel. One of such errors is forced training when the employee is not ready for it. Another error is when manager fails to take into account the motives of the employee's actions. Other mistakes include inappropriate learning methods or improper use of an initially appropriate method; public humiliation during training; negativity, criticism, and anger; inappropriate mode of communication; intrusion of manager's opinion upon subordinates; inadequate conditions; no clear goal; no monitoring of behavioral changes, no feedback, etc. The paper contains useful recommendations to managers on how to avoid such situations: take into account the background of your communication partner; state your message clearly; avoid unnecessary personifications; explain the meaning of your advice; use your intonation wisely; avoid negativity and threats; address your employee by name; do not hesitate to use compliments; do not avoid questions; make joint decisions, etc. The optimal conditions of effective training include the following recommendations: demonstrate you care and support initiative; familiarize the employee with your vision of the situation; trust the trainee; be careful with humor; obtain feedback; use actual environment as a source of training cases; avoid criticism and public humiliation; do not postpone criticisms to the end of the day; use the advice of subordinates in their domain of competence, etc. The proposed recommendations can be used by heads of organizations to improve the training of subordinates, as well as to form and maintain long-term business relationships in the team.

Keywords: training, teaching, rights, duties, managers, subordinates results

For citation: Reznik S. D., Chemezov I. S., Finayev P. V. On Understanding the Right and Duty of the Manager to Train Subordinates. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 339–345. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-339-345

References

1. Reznik S. D., Usov V. R. *Self-organization and personal effectiveness: secrets and lessons of an organized person's life*, 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2018, 286. (In Russ.)
2. Reznik S. D. *Organizational behavior*, 3rd ed. Moscow: INFRA-M, 2011, 460. (In Russ.)
3. Barnard Ch. *The Functions of the Executive.* Moscow; Chelyabinsk: Sotsium, 2009, 368. (In Russ.)
4. Vesnin V. R. *Practical staff management.* Moscow: Iurist, 2001, 496. (In Russ.)
5. Reznik S. D. *Roads to management. About myself and the people around me, about time and events.* Moscow: INFRA-M, 2014, 378 c. (In Russ.)
6. Letunovsky V. V. *Suvorov management: the science of winning*, 2nd ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2012, 298. (In Russ.)
7. Andreeva I. N. Docendo discimus, or how to motivate employees to learn. *Kadrovaia sluzhba*, 2008, (6): 101–109. (In Russ.)
8. Ivanova S., Boldogoev D., Borchaninova E., Glotova A., Zhigilij O. *Employee capacity building: professional competencies, leadership, communications,* 3rd ed. Moscow: Alpina Pablisherz, 2011, 280. (In Russ.)
9. Kuznecov V. V. *Corporate education*. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2010, 227. (In Russ.)
10. Novikov A. M. Corporate training experience in the educational process of the life-long education system. *Spetsialist*, 2013, (1): 27–36. (In Russ.)
11. Novikov A. M. *The process and methods of forming labor skills*. Moscow: Vyssh. shk., 1986, 288. (In Russ.)
12. Povarich I. P., Morozova E. A. The main research areas of the scientific school "Socioeconomic problems of human resource management". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2013, (3-2): 140–146. (In Russ.)
13. Povarich I. P., Proshkin B. G. *Labor stimulation: a systems approach.* Novosibirsk: Nauka, 1990, 196. (In Russ.)
14. Povarich I. P., Kolmagorov M. V. *Theoretical and applied aspects of labor stimulation.* Kemerovo: IUNITI LTD, 2002, 221. (In Russ.)
15. Proshkin B. G. *Labor motivation. Managerial approach*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2008, 420. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

оригинальная статья
УДК 330.341:378.2

Проблемы подготовки научно-технических кадров (на примере Вологодской области)*

Юлия О. Ушакова [a, @, ID1]; Владимир С. Усков [a, ID2]
[a] Вологодский научный центр РАН, 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, 56а
[@] j.uschakowa2017@yandex.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-6057-9523
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-5158-8551

Поступила в редакцию 25.06.2019. Принята к печати 11.09.2019.

Аннотация: Подготовка кадров для инновационной экономики является важной стратегической задачей. Одним из факторов обеспечения роста экономики в современных условиях является использование научно-технологического потенциала и освоение инноваций, что может быть обеспечено при условии наличия высококвалифицированных специалистов. *Цель* – выявление проблем подготовки научно-технических кадров на примере Вологодской области. *Методологическую базу* исследования проблем инновационного развития экономики составили труды таких ученых, как Н. Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Г. Менш, С. Ю. Глазьев, Т. Е. Мельник и др. Анализ тенденций обеспеченности региона кадрами в сфере науки и технологий свидетельствует о значительном сокращении числа исследователей и инженерно-технических кадров за последние 25 лет. На основе опроса, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук среди школьников и студентов, а также интервьюирования руководителей средних учебных заведений были проанализированы условия подготовки научно-технических кадров в регионе. Выявлены проблемы подготовки научно-технических кадров в Вологодской области. *Результаты*, полученные в ходе исследования, могут быть использованы региональными органами власти с целью разработки мероприятий по совершенствованию системы подготовки специалистов в условиях перехода к инновационной экономике.

Ключевые слова: инновационная экономика, регион, образование, кадровое обеспечение, инновационное развитие, инновации

Для цитирования: Ушакова Ю. О., Усков В. С. Проблемы подготовки научно-технических кадров (на примере Вологодской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 346–353. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

Введение

На сегодняшний день развитие экономики определяется целями и задачами, указанными в Стратегии научно-технологического развития РФ, а также национальных проектах «Наука»[1] и «Цифровая экономика»[2], направленных на повышение конкурентоспособности результатов научных исследований и разработок в областях, определенных приоритетами научно-технологического развития. Реализация этой задачи требует создания и использования инноваций, ключевую роль в которых играют высококвалифицированные кадры. В национальном проекте «Наука» в качестве цели заявлено увеличение числа исследователей к 2024 г. на 16 %. Кроме этого, одной из приоритетных задач является повышение на 25 % численности молодых исследователей в эквиваленте полной занятости в 2024 г. относительно 2016 г.[3] Квалифицированные специалисты играют значительную роль в системе экономических ресурсов, способных реализовать инновационный путь развития, основной задачей которых является обеспечение производства и внедрение новых идей и технологий.

Вологодская область является промышленно развитым регионом. Как отмечает Т. В. Ускова, в 1990-е гг. в регионе происходило разрушение производственного и научно-технического потенциала, которое проявлялось в оттоке персонала из научной и научно-технической сфер, уменьшении доли персонала, занятого исследованиями и разработками, сокращении финансирования научных исследований, ухудшении системы подготовки специалистов [1]. Например, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за период с 1992 г. по 2017 г. сократилась с 1767 до 464 человек

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-3098.2019.6).

[1] Национальный проект «Наука». Режим доступа: http://government.ru/projects/selection/740/35565/ (дата обращения: 20.06.2019).

[2] Национальный проект «Цифровая экономика». Режим доступа: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения: 20.06.2019).

[3] Национальный проект «Наука»...

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

(на 73,7 %). Количество исследователей и техников за рассматриваемый период снизилось на 41,7 % и 85,7 % соответственно[4]. Представленные данные свидетельствуют о значительной потере накопленного в советское время кадрового потенциала. Вологодская область является типичным регионом России, который, обладая внутренними возможностями и ресурсами, использует их неэффективно. Одной из составляющих научно-технологического потенциала является наличие высококвалифицированных кадров[5]. Ввиду этого проблема подготовки кадров в условиях перехода к инновационной экономике является актуальной.

В связи с вышеизложенным, целью исследования является выявление проблем подготовки научно-технических кадров на примере Вологодской области. Поставленная цель определяет необходимость решения следующих задач:

1) анализ тенденций обеспеченности Вологодской области научно-техническими кадрами в условиях перехода к инновационной экономике;

2) оценка условий подготовки научно-технических кадров (по данным опроса);

3) выявление проблем подготовки кадров в Вологодской области.

Методы и материалы

Методологическую базу исследования проблем формирования и развития инновационной экономики составили труды таких ученых, как Н. Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Г. Менш, С. Ю. Глазьев, Т. Е. Мельник и др. По замечанию Н. Д. Кондратьева, каждому подъему экономического развития предшествуют значительные преобразования в социально-экономических процессах, проявляющиеся в научных открытиях и технических изобретениях [2]. Й. Шумпетер считал, что основу циклического развития экономики составляют инновации. Важным условием, которое определяет инновационное развитие, выступает «человеческий фактор» [3]. По мнению Г. Менша, инновационное развитие определяет экономический рост, и для выхода из фазы депрессии необходимо внедрение в общество радикальных инноваций [4].

Вопросы влияния инновационных преобразований на эффективность развития экономики поднимались в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, С. Ю. Глазьев подчеркивал, что нововведения и инновации лежат в основе перехода от одного технологического уклада к другому [5]. С точки зрения Т. Е. Мельник, на сегодняшний день уровень социально-экономического развития стран напрямую зависит от активной деятельности, направленной на создание и внедрение инновационной продукции [6]. Как отмечает И. В. Наумов, переход к инновационной экономике определяется наличием на территории высококвалифицированных научно-технических кадров, которые составляют основу научно-технологического потенциала [7]. М. Г. Балыхин и Г. А. Балыхин также полагают, что обеспечение высоких темпов развития науки и технологий требует наличия высококвалифицированных специалистов и соответствующей системы их подготовки [8]. По мнению Г. Д. Беляевой и др., основным звеном процесса подготовки кадров в условиях перехода к инновационной экономике выступает образование [9].

В условиях ограниченности ресурсов большое значение приобретает наращивание интеллектуального капитала, постоянное повышение качественного уровня кадровых ресурсов. Задача региональной власти заключается в создании условий для их развития. По словам Г. В. Леонидовой и др., стратегической целью создания региональной системы кадрового обеспечения экономики является удовлетворение потребности рынка труда в оптимально сбалансированных по количеству и качеству высококвалифицированных кадрах, способных обеспечить конкурентоспособное развитие региона и страны [10].

С целью получения информации об обеспеченности предприятий инженерно-техническими кадрами Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН) был проведен мониторинг научно-технологической деятельности (опрос руководителей промышленных предприятий). Сведения об обеспеченности предприятий инженерно-техническими кадрами были получены путем проведения выборочного исследования 100 промышленных предприятий Вологодской области. Также в 2017 г. ВолНЦ РАН провел опрос, в котором приняли участие школьники и студенты. Выборочная совокупность составила 250 учащихся старших классов средней школы и 55 студентов высших учебных заведений. Оценка условий подготовки научно-технических и инженерно-конструкторских кадров региона проводилась по трем направлениям: выявление интересов и склонностей школьников и студентов, исследование условий среды для их реализации, определение профессиональных планов обучающихся. Кроме опроса, в котором приняли участие школьники и студенты, ВолНЦ РАН было проведено интервьюирование руководителей шести средних учебных заведений: МОУ «СОШ № 1 с углубленным изучением английского языка»; МОУ «Гимназия № 2»; МОУ «СОШ № 8 с углубленным изучением отдельных предметов»; МОУ «СОШ № 36»; МОУ «Лицей № 32»; МОУ «Школа № 1 имени адмирала А. М. Калинина». Цель интервью заключалась в исследовании условий формирования благоприятной среды для подготовки кадров

[4] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. 1162 с. Режим доступа: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156/ (дата обращения: 20.06.2019).

[5] О стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года. Постановление Правительства Вологодской области от 28.06.2010 № 739 // Красный Север. 14.08.2010. № 89; 24.08.2010. № 92; 28.08.2010. № 95.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

и выявлении условий, предоставляемых школами г. Вологда для реализации творческого потенциала и развития интереса к занятию научно-технической и инженерно-конструкторской деятельностью.

Результаты

Важным показателем, который характеризует кадровую составляющую инновационной экономики, является численность персонала, занятого исследованиями и разработками. В Вологодской области по рассматриваемому показателю согласно данным 2017 г. насчитывается 3,9 человек в расчете на 10 тыс. человек населения, что в 12 раз меньше среднероссийских значений[6]. По данному параметру Вологодская область занимает 76 место среди 80 регионов РФ. Сложившаяся ситуация свидетельствует о крайне низком уровне кадровой обеспеченности региона. Разрыв со среднероссийскими значениями за последние десять лет не становится меньше.

Обеспеченность кадрами сферы науки характеризуется численностью исследователей. Несмотря на то, что с 2007 по 2017 г. наблюдался значительный рост количества кадров в Вологодской области (на 48 %)[7], их численность почти в 10 раз меньше среднероссийских значений [11]. Это свидетельствует о нарастании дефицита научных кадров, которые востребованы в условиях быстрого развития науки и технологий. Данная проблема актуальна для Вологодской области, понесшей в 1990-е гг. серьезные кадровые потери в науке. Восполнить эти убытки быстро невозможно по самой специфике научной деятельности. Во-первых, исследовательские навыки формируются постепенно, а во-вторых, адаптация в науке специалистов из других сфер деятельности – процесс сложный и небыстрый.

Численность техников в Вологодской области за последние 10 лет сократилась на 75 %[8]. Кроме этого, она почти в 40 раз меньше среднероссийских значений. Таким образом, возникает противоречие: для перехода к инновационной экономике требуются наукоемкие технологии и, следовательно, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), разработкой которых занимаются инженерно-технические кадры, но именно их численность продолжает сокращаться.

Результаты проведенного ВолНЦ РАН в 2017 г. опроса 100 промышленных предприятий Вологодской области показали, что большинство (47 %) руководителей предприятий оценивают степень обеспеченности кадрами на 4 балла. В то же время 23 %, 20 % и 1 % респондентов отметили существенную нехватку кадров, оценив ситуацию на 3, 2 и 1 балл соответственно. И лишь 9 % поставили самую высокую оценку[9].

Рассматривая текущую потребность предприятий Вологодской области в работниках, связанных с инновационной деятельностью, респонденты отметили, что в настоящее время отсутствует потребность только в руководителях специализированных подразделений. Однако предприятия указали на высокую нехватку инженеров, технологов, конструкторов и специалистов для работ на сложном технологическом оборудовании (табл. 1). В условиях перехода к инновационной экономике возрастают объемы производства высокотехнологичной продукции, что, соответственно, требует наличия инженерно-технических кадров, способных ее производить. Сложившаяся в регионе ситуация свидетельствует о проблеме обеспеченности квалифицированными специалистами.

В экономике, основанной на знаниях, роль образования усиливается. Система и качество образования играют решающую роль в пополнении кадрового потенциала. В ежегодных посланиях президента РФ большое внимание уделяется совершенствованию образования, поскольку оно может повысить уровень развития человеческого капитала, его конкурентоспособность на рынке трудовых ресурсов, а также способно обеспечить инновационное развитие экономики. В посланиях президента РФ отмечается, что необходимы специалисты, способные работать на передовых производствах, создавать и использовать прорывные технические решения. Для этого важно обеспечить широкое внедрение обновленных учебных программ на всех уровнях. Подчеркивается, что должно меняться содержание образования, а именно: необходимым является отражение в государственных стандартах и программах приоритетов научно-технологического развития страны[10]. Таким образом, подготовка кадров в условиях перехода к инновационной экономике является важнейшей стратегической задачей как на федеральном, так и на региональном уровне.

Результаты опроса, проведенного ВолНЦ РАН в 2017 г. среди школьников и студентов, показали, что более половины опрошенных школьников (63,7 %) имеют интерес к науке и научно-техническому творчеству, из них 12,5 % активно участвуют в данной деятельности. Доля студентов, интересующихся научно-технической деятельностью, больше, чем школьников, и составляет 96,1 %, из них активно участвуют 53,8 %. Такая существенная разница объясняется целью, которую ставят перед собой высшие учебные заведения. Одна из главных задач обучения в вузе – формирование конкурентоспособного

[6] Регионы России...

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Анализ и моделирование расширенного воспроизводства кадров для инновационной экономики региона: отчет о НИР (заключ.) / ВолНЦ РАН; рук. Гулин К. А. Вологда, 2017. 180 с. Исполн.: Мазилов Е. А., Усков В. С., Кузьмин И. В., Теребова С. В.

[10] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. 21.02.2019. № 38.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

Табл. 1. Потребность предприятий в работниках, связанных с инновационной деятельностью, %
Tab. 1. Demand in employees with innovative qualifications, %

Потребность	Руководители специализированных подразделений	Инженеры	Технологи	Конструкторы	Специалисты для работ на сложном технологическом оборудовании	Специалисты по компьютеризации, программисты, системные администраторы
Отсутствует	47	20	16	21	22	31
Низкая	21	19	16	13	23	23
Средняя	21	27	36	26	31	27
Высокая	11	26	27	33	20	16
Очень высокая	0	8	5	7	4	3

специалиста, который сможет найти практическое применение своим знаниям и навыкам. Результаты опроса показали, что интерес к научному и научно-техническому творчеству как среди школьников, так и среди студентов появляется в большинстве случаев в средней школе. Кроме этого, 44,2 % студентов отметили, что интерес к данной деятельности у них появился после окончания школы (табл. 2).

Табл. 2. Период появления интереса к научно-технической деятельности у школьников и студентов, %
Tab. 2. Age when schoolchildren and students become interested in scientific and technical activity, %

Период появления интереса	Школьники	Студенты
В дошкольном возрасте (до 7 лет)	12,5	3,9
В начальной школе (1–4 класс)	14,1	5,8
В средней школе (после 4 класса)	41,1	42,3
После окончания школы	–	3,8
Никогда не было	32,3	44,2

Таким образом, анализ данных проведенного опроса позволил сделать вывод, что большая часть школьников и студентов имеет интерес к изучению предметов естественнонаучного цикла, которые появились только в средней школе. Однако в условиях перехода к инновационной экономике требуется системная подготовка кадров на всех этапах обучения. Развитие необходимых способностей каждого человека происходит в благоприятный для этого период. Успех этого развития на каждом последующем этапе зависит от эффективной работы по формированию способностей на предыдущем. Невозможно полагаться на то, что в старшем возрасте ребенок сможет компенсировать упущенное. По этой причине работу по выявлению и развитию способностей к научно-технической деятельности важно начинать с раннего возраста. В связи с этим требуется введение элементов научно-технического творчества уже на этапе дошкольного и школьного обучения [12].

Кроме оценки имеющихся интересов и склонностей обучающихся, важно проанализировать наличие условий для их реализации и занятия научно-техническим творчеством. Согласно опросу, большинство школьников и студентов отмечают, что для занятия научной и научно-технической деятельностью в учебных заведениях имеется недостаточно условий. Кроме этого, около 10–15 % указали на отсутствие каких-либо возможностей (табл. 3).

Табл. 3. Оценка существующих в школе (вузе) условий для занятия научно-технической деятельностью, %
Tab. 3. Conditions for scientific and technical activities in schools and universities, %

Оценка условий	Школьники	Студенты
Очень хорошие	8,9	32,7
Средние	50,2	50,0
Отсутствуют	15,3	9,6
Затрудняюсь ответить	25,6	7,7

Развитию творческих способностей, приобретению дополнительных знаний, умений и навыков способствует дополнительное образование (табл. 4). Школьники, не посещающие учреждения дополнительного образования научной и научно-технической направленности, связывают это с недостатком времени (48,4 %), отсутствием интереса к занятию данной деятельностью (34,7 %),

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

отсутствием таких учреждений вблизи дома (12,1 %), невозможностью оплачивать обучение (6,5 %) и другими причинами (1,2 %). 10,1 % воздержались от ответа.

Таким образом, опрос показал, что большинство школьников и студентов, изъявивших желание заниматься научно-техническим творчеством, указали на недостаток или отсутствие условий для реализации своих интересов.

На вопрос о профессиональных планах 49,6 % школьников и 59,6 % студентов ответили, что хотели бы связать свою жизнь с деятельностью в сфере науки, инноваций и высоких технологий (создать свою компанию). Большая часть опрошенных заявили, что в будущем планируют заниматься научной деятельностью, проводить исследования, писать статьи и книги, а также заниматься изобретательством, инженерно-конструкторской деятельностью (на промышленном предприятии, в проектной организации, IT-компании). Вместе с тем 50 % школьников и 40 % студентов не планируют в будущем заниматься деятельностью в сфере науки (табл. 5).

В рамках интервьюирования, проведенного ВолНЦ РАН среди руководителей средних учебных заведений, были получены ответы на вопросы об интересе детей к занятию научно-технической и инженерно-конструкторской деятельностью; о возможностях школ для углубленного изучения отдельных предметов (физика, химия и др.) и для развития творческого потенциала и интереса детей к научно-технической и инженерно-конструкторской деятельности; о том, насколько в учебных заведениях развито дополнительное образование и в каком направлении оно сконцентрировано, действуют ли в школе научные сообщества и насколько активна их деятельность и т. д.

Проведенное исследование показало, что интерес школьников к занятию научно-технической и инженерно-конструкторской деятельностью зависит от возраста обучающихся. Среди учеников старших классов наблюдается высокий интерес к творческим предметам и занятию научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими проектами. В большинстве школ учащиеся посещают учреждения дополнительного образования, связанные с развитием научно-технологического потенциала (Мезон, Аэлита, ДЮЦ «Лидер», Фаблаб), что свидетельствует о заинтересованности обучающихся в сферах компьютеризации, робототехники, IT-технологий и т. д.

По мнению руководителей учебных заведений, у школ недостаточно возможностей для развития творческого потенциала и интереса детей к научно-технической и инженерно-конструкторской деятельности. Несмотря на то, что большинство исследованных школ имеют современное компьютерное и мультимедийное оборудование, стенды и графические материалы, респонденты рассказали о существовании проблемы финансирования, заключающейся в недостатке денежных средств для осуществления учебного процесса. Кроме этого, руководители указали на отсутствие специалистов, способных обеспечить реализацию данных программ обучения. Как показало исследование, на уровне учителей происходит взаимодействие между школами, что позволяет обмениваться опытом и информацией.

Табл. 4. Посещение учреждений дополнительного образования, %
Tab. 4. Visits to institutions of lifelong education, %

Ответ	Гуманитарной направленности (русский язык, английский язык, литература, история)	Естественно-научной направленности (химия, физика, биология)	Математической направленности (математика, алгебра, геометрия)	Технической направленности (конструирование, моделирование, робототехника, IT)
Да	26,6	12,1	17,7	11,3
Нет, но есть желание	39,9	35,5	32,7	28,2
Нет и нет желания	23,4	37,1	32,7	44,0

Табл. 5. Выявление перспектив занятия научно-техническим творчеством, %
Tab. 5. Prospects for scientific and technical creativity, %

Ответ	Школьники	Студенты
Планирую заниматься научной деятельность (проводить исследования, писать статьи, книги, получить ученую степень)	15,8	15,4
Планирую заниматься изобретательством, инженерно-конструкторской деятельностью (на промышленном предприятии, в проектной организации, IT-компании)	15,3	19,2
Планирую самостоятельно заниматься бизнесом в сфере инноваций и высоких технологий (создать свою компанию)	18,5	25,0
Не планирую	50,4	40,4

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

Во всех исследованных школах респондентами было отмечено наличие в учебных заведениях научных сообществ, интересующихся широким спектром тематик. В большинстве школ имеются научные сообщества, которые организуют и регулируют научно-исследовательскую деятельность школьников. На регулярной основе проводятся внутренние конференции, форумы и семинары по различным вопросам и проблемам научной деятельности, на которых выступают учащиеся. Развивается направление, связанное с информационно-коммуникационными технологиями.

Практически все руководители школ, принявшие участие в интервьюировании, сообщили, что для углубленного изучения отдельных предметов учебные заведения имеют все необходимые методические и материальные средства. В частности, углубленно изучаются математика, физика, информатика, русский язык, химия и биология. Однако дополнительное образование осуществляется другими учреждениями на коммерческой основе.

Респонденты отметили наличие интереса учащихся к научно-техническому творчеству. По мнению руководителей школ, в учебных заведениях создано недостаточно условий для занятий инженерно-конструкторской деятельностью. В этом их ответы совпадают с ответами школьников и студентов. Главная причина недостаточно созданных условий, с точки зрения руководителей, заключается в низком финансировании, отсутствии специалистов, способных вести подготовку инженерно-конструкторских кадров, коммерческой основы дополнительного образования.

Выводы

В условиях перехода к инновационной экономике требуется наличие квалифицированных специалистов, способных обеспечить конкурентоспособное развитие региона. В связи с ускорением темпов научно-технического прогресса возрастает потребность в кадрах, занятых в научно-технической сфере[1] [13–15]. Однако анализ обеспеченности Вологодской области специалистами, необходимыми для формирования инновационной экономики, показал, что их численность сокращается.

Задача кадрового обеспечения инновационной экономики ложится на учебные заведения, которые в современных условиях должны формировать у учащихся теоретические знания, практические навыки и профессиональные компетенции. Результаты опроса, проведенного ВолНЦ РАН, показали, что на сегодняшний день в системе подготовки кадров существует несколько проблем.

1. Данные опроса школьников и студентов свидетельствуют о наличии у обучающихся интересов к научно-технической и инженерно-конструкторской деятельности, однако в учебных заведениях условий, необходимых для реализации, недостаточно.

2. Интерес к научно-техническому творчеству возникает только на этапе обучения в средней школе, что обусловлено введением дисциплин естественнонаучного цикла в учебный процесс в старших классах. Это обстоятельство делает процесс подготовки кадров недостаточно системным и целостным

3. Несмотря на наличие в учебных заведениях научных сообществ, дополнительное образование в области технического творчества осуществляется на коммерческой основе и вне школы, что доступно не для всех желающих.

4. Руководители школ, принявшие участие в опросе, указали на недостаток финансирования для осуществления учебного процесса в области научно-технического творчества.

5. Отсутствуют квалифицированные педагогические работники, способные реализовать данные программы обучения.

Результаты проведенного исследования показали: образовательная деятельность на сегодняшний день недостаточно отвечает требованиям экономики и общества, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на процесс подготовки кадров. Поэтому следует обеспечить массовость освоения учащимися научно-технических дисциплин, организовать широкий доступ к занятию инженерно-конструкторской деятельностью. Важно создать условия для выявления и эффективного развития талантов уже на самых ранних этапах обучения. С целью достижения этих задач требуется совершенствование системы подготовки кадров на региональном уровне. В связи с этим на следующих этапах исследования будут разработаны инструменты и механизмы, позволяющие сформировать условия для подготовки научно-технических кадров.

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы региональными органами власти с целью разработки мероприятий по совершенствованию системы подготовки специалистов в условиях перехода к инновационной экономике.

Литература

1. Ускова Т. В. Преодоление барьеров неэффективной экономики – требование времени // Проблемы развития территории. 2012. Т. 58. № 2. С. 7–17.
2. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 767 с.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
4. Менш Г. Базисные инновации и инновации совершенствования // Журнал экономики предприятия. 1972. № 42. С. 291–297.

[1] Человеческий капитал – единственный капитал, за счет которого мы можем двигаться вперед // Научная Россия. 14.05.2019. Режим доступа: https://scientificrussia.ru/articles/chelovecheskij-kapital-edinstvennyj-kapital-za-schet-kotorogo-my-mozhem-dvigatsya-vpered (дата обращения: 20.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

5. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. Т. 57. № 2. С. 27–42.
6. Мельник Т. Е. Проблемы перехода к инновационной экономике в России // Известия Тульского государственного университета. 2017. № 2-1. С. 3–9.
7. Наумов И. В. Воспроизводство научно-исследовательских и инженерно-технических кадров как ведущий фактор развития инновационной экономики в России // Известия УрГЭУ. 2015. Т. 57. № 1. С. 71–77.
8. Балыхин М. Г., Балыхин Г. А. Российский вуз в системе рыночных отношений: ретроспектива, текущее состояние и направления развития // Проблемы современной экономики. 2014. Т. 51. № 3. С. 320–326.
9. Беляева Г. Д., Макарец А. Б., Федоренко Г. А. Подготовка кадров для инновационной экономики в условиях модернизации системы высшего профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7572 (дата обращения: 20.06.2019).
10. Леонидова Г. В., Панов А. М., Попов А. В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // Проблемы развития территории. 2013. Т. 66. № 4. С. 49–57.
11. Ушакова Ю. О. Проблемы и задачи стимулирования воспроизводства кадров в условиях перехода к инновационной экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3. С. 87–97. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10311
12. Ушакова Ю. О. Специфика довузовской подготовки кадров для инновационной экономики // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 6. С. 47–52
13. Гулин К. А., Мазилов Е. А., Кузьмин И. В., Алферьев Д. А., Ермолов А. П. Научно-технологический потенциал территорий и его сравнительная оценка // Проблемы развития территории. 2017. Т. 87. № 1. С. 7–26.
14. Винслав Ю. Б. Национальная инновационная система: актуальность формирования, контуры концептуальной модели и интеграционные механизмы реализации // Российский экономический журнал. 2019. № 2. С. 3–31.
15. Хеннер В., Макарихин И. Техническая деградация // Эксперт. 2019. № 20. С. 36–40.

Problems of Scientific and Technical Personnel Training in Vologda Region*

Yulia O. Ushakova [a, @, ID1]; Vladimir S. Uskov [a, ID2]
[a] Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 56a, Gorkiy St., Vologda, Russia, 160014
[@] j.uschakowa2017@yandex.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-6057-9523
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-5158-8551

Received 25.06.2019. Accepted 11.09.2019.

Abstract: Personnel training is an important strategic objective of innovative economy. The use of scientific and technological potential and the development of innovations ensure the economic growth of the modern economy. Only highly qualified specialists can make these factors work. The present research featured the problems of scientific and technical personnel training in Vologda region. The article presents a methodological basis that can be used to study innovative economic development. The number of researchers, engineers, and technical personnel has been going down for the last 25 years. The Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences conducted a survey among students and heads of local schools and colleges to analyze the conditions for the training of scientific and technical personnel in the region. The results can be used by the regional authorities to develop measures to improve the system of training, which will provide a smooth passage to innovative economy.

Keywords: innovative economy, region, education, staffing, innovative development, innovation

For citation: Ushakova Yu. O., Uskov V. S. Problems of Scientific and Technical Personnel Training in Vologda Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 346–353. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

* This research was financed by a grant from the President of the Russian Federation (MK-3098.2019.6).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-346-353

References

1. Uskova T. V. Overcoming of inefficient economy barriers – dictates of the time. *Problemy razvitiia territorii*, 2012, 58(2): 7–17. (In Russ.)
2. Kondratev N. D. *Large conjuncture cycles and the theory of foresight*. Moscow: Ekonomika, 2002, 767. (In Russ.)
3. Schumpeter J. *Theory of economic development.* Moscow: Progress, 1982, 455. (In Russ.)
4. Mensch G. Basic innovations and innovations of improvement. *Zhurnal ekonomiki predpriiatiia,* 1972, (42): 291–297. (In Russ.)
5. Glazyev S. Yu. The modern theory of long waves in economic development. *Ekonomicheskaia nauka sovremennoi Rossii,* 2012, 57(2): 8–27. (In Russ.)
6. Melnik T. E. Problems of transition to innovative economy in Russia. *Izvestiia Tulskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2017, (2-1): 3–9. (In Russ.)
7. Naumov I. V. Reproduction of research and engineering-technical personnel as the leading factor of innovation in Russia. *Izvestiia UrGEU*, 2015, 57(1): 71–77. (In Russ.)
8. Balykhin M. G., Balykhin G. A. Russian higher educational institution in the system of market relations: retrospective, current situation and ways of development. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2014, 51(3): 320–326. (In Russ.)
9. Belyaeva G. D., Makarets A. B., Fedorenko G. A. Specialists training for innovation economy in the condudations of modernizations of higher education system. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (6). Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7572 (accessed 20.06.2019). (In Russ.)
10. Leonidova G. V., Panov A. M., Popov A. V. Problems of preserving labour potential in Russia. *Problemy razvitiia territorii,* 2013, 66(4): 49–57. (In Russ.)
11. Ushakova Yu. O. Problems and tasks of stimulating personnel reproduction under conditions of transition to innovative economy. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2019, (3): 87–97. (In Russ.)
12. Ushakova Yu. O. The specificity of pre-university personnel training for innovative economy. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelei*, 2018, (6): 47–52. (In Russ.) DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10311
13. Gulin K. A., Mazilov E. A., Kuzmin I. V., Alferev D. A., Ermolov A. P. Scientific and technological potential of a territory and its comparative appraisal. *Problemy razvitiia territorii,* 2017, 87(1): 7–26. (In Russ.)
14. Vinslav Yu. B. National innovation system: relevance of formation, contours of conceptual model and integration mechanisms of realization. *Russian Economic Journal*, 2019, (2): 3–31. (In Russ.)
15. Henner V., Makarikhin I. Technical degradation. *Ekspert*, 2019, (20): 36–40. (In Russ.)

DOI: 10.21603/ 2500-3372-2019-4-3-354-360

оригинальная статья
УДК 658.3.07

Практика применения искусственного интеллекта в сфере управления персоналом нефтегазовых компаний

Анастасия В. Шевелева [a, @, ID]; Владимир С. Шевелев [a]

[a] Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

[@] a_sheveleva@rambler.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-7322-7033

Поступила в редакцию 21.11.2019. Принята к печати 12.12.2019.

Аннотация: Актуальность исследования определяется необходимостью цифровой трансформации нефтегазовых компаний, что является ключевым фактором успеха в условиях сложившейся экономической и геополитической ситуации. Стремление нефтегазовых компаний повысить экономическую и операционную эффективность своей деятельности делает целесообразным внедрение цифровых решений. В этой связи целью исследования является изучение вопросов, связанных с применением современных информационно-коммуникационных технологий, в частности технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом нефтегазовых компаний. В качестве основного подхода к исследованию данной проблемы был выбран системный подход, благодаря которому комплексно были рассмотрены такие разноплановые элементы, как технологии искусственного интеллекта, нефтегазовые компании и управление персоналом, которые до этого изучались отдельно. В статье раскрывается понятие искусственного интеллекта, определяются его преимущества и недостатки, показываются основные направления его применения в управлении персоналом, а также основные решения крупнейших компаний-разработчиков программного обеспечения с элементами искусственного интеллекта и практические примеры их применения компаниями на современном этапе. В статье доказано, что технологии искусственного интеллекта, несмотря на имеющиеся недостатки, в целом оказывают положительное влияние на функционирование системы управления персоналом нефтегазовых компаний, повышая ее эффективность. Материалы статьи имеют практическую ценность для нефтегазовых компаний в плане совершенствования системы управления персоналом.

Ключевые слова: менеджмент, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, Veriato, SAP

Для цитирования: Шевелева А. В., Шевелев В. С. Практика применения искусственного интеллекта в сфере управления персоналом нефтегазовых компаний // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 354–360. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

Введение

Развитие компьютерных технологий, достигнутый прогресс в математике и логике способствовали появлению интеллектуальных программ и систем, способных мыслить как человек. Совокупность методов и инструментов решения различных сложных прикладных задач, которые используют принципы и подходы, аналогичные размышляющему над их решением человеку или процессам, протекающим в живой или неживой природе, получили название искусственный интеллект[1]. Первыми моделями искусственного интеллекта стали программы *Logic Theorist* (логический теоретик), используемая для доказательства теорем и исчисления высказываний, которая была изобретена в 1956 г. Алленом Ньюуэлом и Гербертом Саймоном, и *ELIZA,* способная поддержать разговор на английском языке на любую тему, созданная в 1965 г. Джозефом Вайзенбаумом.

Благодаря дальнейшему развитию компьютерных технологий появилась возможность применять нейронные сети в практических целях, например для таргетирования рекламы соцсетями при помощи аналитики, создания автономных автомобилей, которые могут распознавать знаки, пешеходов, реагировать на дорожную ситуацию, а также решения сложных медицинских проблем, расширения возможностей проведения научных исследований и более точного прогнозирования событий и человеческого поведения.

[1] История возникновения искусственного интеллекта // Neuronus.com. Режим доступа: http://neuronus.com/history/4-istoriya-vozniknoveniya-ikustvennogo-intellekta.html (дата обращения: 12.11.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

Современная научная литература насчитывает значительное число исследований, затрагивающих общетеоретические и практические вопросы применения цифровых технологий и интеллектуальных систем при управлении персоналом. Ряд российских исследователей, в частности, А. Ф. Денисов и Д. С. Кардаш [1], Д. В. Донской [2]; Е. Г. Толкунова [3], указывают на то, что цифровизация все больше проникает в процессы управления компаниями и персоналом. Роль искусственного интеллекта в управлении персоналом, его преимущества и недостатки стали раскрываться только в последнее время в работах В. С. Балаганской, О. Л. Чулановой [4], М. Е. Берзиной и др. [5], М. Ю. Сидоренко и С. А. Макушкина [6], О. Л. Чулановой и Е. В. Фоминой [7].

Несмотря на имеющиеся теоретические и методологические разработки, по нашему мнению, наиболее пристального внимания заслуживает анализ практики применения искусственного интеллекта в сфере управления персоналом нефтегазовых компаний, которые в современных геополитических и экономических условиях испытывают потребность оптимизации всех сторон своей деятельности.

Методы и материалы

Использован комплекс современных методов: анализа и синтеза, логических методов и методов научных обобщений, позволяющих сформулировать и доказать научные гипотезы. В исследовании применяется системный подход, который позволяет рассмотреть в комплексе ряд разноплановых частей (управление персоналом, цифровизация и нефтегазовые компании), которые до этого рассматривались по отдельности.

В качестве материалов исследования выступили аналитические материалы аудиторско-консалтинговой компании *Deloitte*, исследовательской компании *Gartner*, информация крупнейших разработчиков программного обеспечения *SAP*, *Microsoft*, *IBM*, *Veriato*, *Entelo*, *BluVision*, данные официальных сайтов международных нефтегазовых компаний *Shell*, *ExxonMobil*, ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром нефть».

Результаты

На современном этапе искусственный интеллект активно стал применяться в управлении персоналом. Программы с элементами искусственного интеллекта способствуют эффективному решению целого комплекса задач, с которыми сталкиваются менеджеры по персоналу: начиная с того, что необходимо выбрать кандидата на должность, и заканчивая тем, что приходится отслеживать эмоциональное состояние работника. Так, менеджер по подбору персонала может составить описание вакансии, а программа, в основе которой заложена технология искусственного интеллекта, позволяет собрать и провести анализ большого объема информации, поступившей из разнообразных источников, и получить кандидатуру, отвечающую необходимым требованиям и критериям. Есть также программы, которые позволяют проводить анализ переписки по электронной почте между сотрудниками и определять, удовлетворены они своей работой или нет. При помощи искусственного интеллекта выявляются сотрудники, с набольшей вероятностью собирающиеся уволиться из компании. Полученная в итоге информация дает возможность руководству компании и менеджеру по персоналу своевременно вносить корректировки в работу сотрудника, вырабатывать правильные и эффективные решения в отношении кадров при одновременном повышении производительности труда.

Разработкой программ с элементами искусственного интеллекта занимаются как крупные разработчики программного обеспечения (*SAP*, *Microsoft*, *IBM*, *Veriato*, *Entelo*, *BluVision*), так и относительно небольшие нишевые разработчики, например *Workday*. Программы данных компаний позволяют определять и реализовывать стратегии управления персоналом, предоставлять информацию и услуги участникам процесса управления кадрами и другим отделам компании.

В целях упрощения процессов управления персоналом и повышения результативности деятельности компании немецкий производитель программного обеспечения *SAP* предлагает ряд решений:

- подбор и адаптация персонала;
- основы управления персоналом и расчет зарплаты;
- программы обучения и повышения квалификации;
- повышение эффективности и определение вознаграждения;
- учет рабочего времени;
- процессы планирования и анализа использования кадров[2].

Решения *SAP* призваны на 32 % снизить текучесть кадров за счет повышения транспарентности информации о том, доступна ли рабочая сила или ее не хватает компании. Программа подбора и адаптация персонала нацелена на поиск нужного таланта, который наилучшим образом соответствует потребностям компании.

Оптимизировать управление персоналом и расчет зарплаты можно за счет использования облачного решения *SAP* для всех форм занятости. Отделы кадров могут определять стратегии управления, предоставлять аналитику и уделять внимание деятельности, приносящей компании прибыль. Данное решение способствует снижению на 26 % затрат на одну кадровую операцию при управлении всеми данными о сотрудниках в одной системе, а также росту на 14 % продуктивности с увеличением числа завершенных проектов[3].

[2] Управление персоналом // SAP. Режим доступа: https://www.sap.com/cis/products/human-resources-hcm.html (lata обращения: 11.11.2019).

[3] Там же.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

Решение *SAP* по обучению и повышению квалификации персонала позволяет компаниям обеспечить совместное обучение и развитие в масштабах всего предприятия, что способствует улучшению бизнес-результатов, повышению производительности и организационной конкурентоспособности [8, с. 277].

Результатом программы повышения эффективности и вознаграждения является мотивация сотрудников, рост производительности труда и сохранение талантов.

Автоматизация и ускорение учета рабочего времени в облаке дает сотрудникам возможность самостоятельно управлять информацией по учету рабочего времени с любого мобильного устройства. Менеджеры могут просматривать информацию от своих сотрудников и быстро утверждать заявки на отпуск. Это обеспечивает 40 %-ный рост продуктивности персонала при наличии мобильного доступа для сотрудников всех уровней и 36 %-ное сокращение трудозатрат кадровой службы по учету рабочего времени при наличии автоматизированных систем.

В случае использования решения по планированию и анализу рабочей силы повышается эффективность управления персоналом, решаются проблемы нехватки ресурсов. Кроме того, становится возможным оценить финансовые последствия сценариев планирования рабочей силы путем моделирования состава и затрат труда. При этом на 72 % сокращается бумажная отчетность и на 20 % увеличивается доход на одного сотрудника у компаний, анализирующих кадровую информацию для оптимизации стратегии[4].

С помощью Приложения компании *SAP Resume Matcher* можно изучать информацию, касающуюся должностных обязанностей работника, навыков, необходимых для определенной должности, можно проводить анализ информации из огромного числа поступивших в компанию резюме, выбор и ранжирование отобранных кандидатур. Таким образом, менеджерам по персоналу не надо читать большое число резюме, а нужно изучить только отобранные искусственным интеллектом, которые в наибольшей степени соответствуют предъявляемым компанией определенным требованиям.

В работе компании *Entelo Inc.* применяется другая схема, когда поиск происходит не только среди тех кандидатов, которые прислали резюме, но и среди тех, кто находится в настоящий момент в сети. С помощью программы компании проводится анализ более 300 млн резюме, которые находятся в открытом доступе, и выбирается наиболее подходящий по требованиям кандидат. Компании нет необходимости ожидать появления требуемого кандидата на определенную должность, программа сама проводит поиск в сети интернет[5].

При помощи программного обеспечения компании *Veriato* анализируется компьютерная активность определенного сотрудника в открываемых документах, электронной почте, посещаемых веб-страницах. Программа формирует скриншоты, которые передаются на специальный сервер, благодаря искусственному интеллекту выявляется специфика активности сотрудника, например деятельность, которая ведет к снижению его производительности. К примеру, если сотрудник читает интернет-сайты, которые не относятся к профилю его работы, общается в чате или просматривает личные страницы социальных сетей, программа сигнализирует об этом руководству компании.

После этого руководители уже сами определяют, какие из полученных данных можно считать подозрительными, и именно эта информация пойдет в финальный отчет. То есть руководитель самостоятельно определяет критерии проверки и частоту проверки. Например, новые сотрудники подвергаются боле частым проверкам, нежели опытные работники, имеющие положительную репутацию и показывающие хорошие результаты своего труда.

При этом благодаря системе *Veriato* компании помимо анализа активности сотрудников, изучая переписку в социальных сетях и информацию чатов, могут проводить оценку их эмоционального состояния.

Компанией *BluVision* были разработаны бейджи, имеющие радиометку, что позволяет отследить перемещения сотрудника. Это дает возможность руководству иметь представление о местонахождении сотрудника в любой момент времени.

Ряд программ, в основе которых заложены технологии искусственного интеллекта, позволяют определить, намеревается ли сотрудник уйти из компании. Такие программы уже разработаны компаниями *IBM, Microsoft, Entelo, Workday.*

Компания *Workday* предлагает решение, позволяющее анализировать трудовой риск, причем оно гибко адаптируется под потребности и специфику определенной компании. Учитывая порядка 60 параметров, в том числе должность, размер заработной платы, время, в течение которого сотрудник не работал, проводится расчет показателя риска по каждому сотруднику. В основе программы лежит накопленный опыт деятельности более 100 тыс. работников различных компаний, что позволило разработать типовые ситуации, на базе которых можно просчитать действия любого сотрудника[6].

Согласно исследованию международной аудиторской компании *Deloitte* «Международные тенденции в сфере управления персоналом» за 2017 г. процессы роботизации, искусственного интеллекта, сенсоров и когнитивных

[4] Управление персоналом // SAP. Режим доступа: https://www.sap.com/cis/products/human-resources-hcm.html (lata обращения: 11.11.2019).

[5] Искусственный интеллект и управление персоналом: особенности нового рынка. 14.03.2017. Режим доступа: http://elitetrader.ru/?newsid=332825 (дата обращения: 12.11.2019).

[6] Там же.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

Рис. Тенденции в управлении персоналом в 2017 г. по степени важности
Fig. Trends in HR management in 2017 by degree of importance

вычислений вошли в десять наиболее важных тенденций в сфере управлении персоналом (рис.[7]).

В ходе проведенного опроса более чем 10400 руководителей компаний и служб по работе с персоналом в 140 странах 41 % респондентов уже внедрили или добились серьезного прогресса во внедрении когнитивных технологий и искусственного интеллекта; еще 35 % респондентов сообщили о запуске экспериментальных программ[8].

Применение технологий искусственного интеллекта позволяет отслеживать поведение сотрудников и выявлять в их рядах потенциальных мошенников; способствует снижению текучести кадров и уменьшению расходов на наем сотрудников. При подборе персонала на основании «больших данных» строится алгоритм, который оценивает возможных кандидатов на вакансию среди пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», сайтов Headhunter, Superjob и «Avito работа». В результате отбирается порядка 10–15 потенциальных кандидатов, которые с большой вероятностью проработают на требуемой позиции более полугода.

В ноябре 2017 г. поиск вакансий с помощью искусственного интеллекта появился на интернет-сервисе по подбору персонала и поиску работы hh.ru. В 2018–2019 гг. компания *HeadHunter* планирует ввести различные чат-боты и голосовые боты (сценарные опросники) с элементами искусственного интеллекта.

Сервис *Skillaz* позволяет автоматизировать многие рутинные процессы, которые выполняют рекрутеры при поиске подходящего кандидата. Платформа предоставляет возможность соискателю в удобное время записать видеоинтервью. Исчезает необходимость встречаться с кандидатом лично. Бот осуществляет автоматический поиск кандидатов во всех доступных источниках, оценивает соискателей с помощью алгоритмов машинного обучения. Сервис полностью подстраивается под задачи заказчика[9].

В последние годы нефтегазовые компании активно внедряют технологии искусственного интеллекта в процессы управления своим персоналом.

Нефтегазовые компании начинают активно внедрять цифровые технологии, в частности искусственный интеллект, в системы управления персоналом, поскольку стремятся более экономно и оперативно собрать необходимую информацию и эффективно ее обработать. В этих целях используются технологии больших данных, интернет-вещей, цифровые двойники, виртуальная реальность, роботы, в основе которых заложен искусственный интеллект.

Технологии виртуальной реальности и решения удаленного доступа позволяют обучать работников, занятых на производственных объектах повышенного класса опасности, обрабатывать возникающие нештатные ситуации, дистанционно управлять оборудованием, получая необходимую информацию и инструкции от удаленного высококомпетентного специалиста, для чего используются специальные очки, дополняющие реальность.

В случае возникновения внештатных, опасных ситуаций, которые создают угрозу жизни и здоровью работника, с помощью технологии «умной каски» сотрудники могут оперативно получать соответствующие сигналы

[7] Новые правила игры в цифровую эпоху. Исследование «Делойта» «Международные тенденции в сфере управления персоналом» за 2017 год. 20 с. Режим доступа: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/hc-2017-global-human-capital-trends-gx-ru.pdf (дата обращения: 14.11.2019).

[8] Там же.

[9] Кейс: Uber подбирает персонал с помощью искусственного интеллекта // Rusbase. Режим доступа: https://rb.ru/opinion/kak-ai-zamenit-hr/ (дата обращения: 16.11.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

в виде света или звука, что позволяет предотвратить негативные инциденты и обеспечивает промышленную безопасность и охрану труда. В то же время оператор данной системы удаленно контролирует местонахождение сотрудника и в случае возникновения аварийной или опасной ситуации может своевременно предпринять превентивные меры.

В январе 2018 г. нефтегазовая компания *Shell* начала использовать искусственный интеллект для управления командой из 8000 сотрудников и для подбора персонала на вакантные места. Алгоритм изучает опыт сотрудников, отбирает наиболее подходящие варианты и предлагает им работу – процесс происходит в один клик. Система не только принимает решения, но и отслеживает прогресс сотрудников, что помогает искусственному интеллекту совершать меньше ошибок в дальнейшем[10].

В марте 2019 г. ведущая американская нефтегазовая корпорация *ExxonMobil* заключила партнерское соглашение с *Microsoft*, чьи цифровые технологии будут применяться для оптимизации использования персонала при разработке сланцевой нефти крупнейшего сланцевого бассейна страны Пермиан[11].

Для проведения цифровой трансформации в компании ПАО «ЛУКОЙЛ» принята программа «Цифровой ЛУКОЙЛ 4.0», в рамках которой реализуются проекты в 4-х перспективных направлениях: цифровые двойники, цифровая экосистема, роботизация и оптимизация работы персонала[12].

Роботизация труда в компании ПАО «ЛУКОЙЛ» реализована с помощью роботов, дронов, машинного обучения и когнитивных технологий. Роботы используются в сложных и опасных условиях, способны работать автономно и самообучаться в процессе своей деятельности. Когнитивные технологии используются для автоматизации рутинных процессов. Реализация направления по роботизации позволяет компании оптимизировать численность сотрудников, повысить производительность труда и увеличить креативный потенциал персонала.

Что касается оптимизации работы персонала ПАО «ЛУКОЙЛ», в рамках направления «Цифровой персонал» сотрудников компании оснащают высокотехнологичными устройствами, которые помогают сделать работы по пуско-наладке, настройке и ремонту оборудования безопасными и производительными. Эффект достигается за счет объединения данных об оборудовании, рабочих процессах и состоянии персонала. Использование мобильных и носимых устройств, а также технологий дополненной и виртуальной реальности способствуют снижению рисков инцидентов, увеличению эффективности работы и снижению затрат на обучение и повышение квалификации работников компании.

Российская компания ПАО «Газпром нефть» применяет цифровые технологии в целях эффективного мониторинга персонала. Персонал, работающий на опасных участках, оснащают специальными датчиками, которые осуществляют мониторинг состояния здоровья и автоматически оповещают при появлении проблем и недомоганий. Внедрение данной системы призвано исключить несчастные случаи и неблагоприятные режимы работы на нефтехимическом производстве[13].

Заключение

Практика применения искусственного интеллекта в сфере управления персоналом компаний показала определенные положительные результаты:

- происходит сокращение трудовых, временных и финансовых затрат на выполнение простых монотонных действий;
- обрабатываются большие объемы информации в доли секунды и запоминаются и применятся полученные данные;
- открываются новые перспективы для усовершенствования деятельности и повышения ее продуктивности.

Но в то же самое время у использования искусственного интеллекта в управлении персоналом есть и негативные моменты:

- вмешательство в личную жизнь и конфиденциальность в результате стремления менеджеров по персоналу собрать о сотрудниках как можно больше данных, необходимых системам искусственного интеллекта;
- полагаясь на технологию, менеджеры могут отказываться выносить собственные суждения, что может сделать выбор кандидата субъективным;
- применение искусственного интеллекта приводит к постепенному уничтожению целого ряда профессий на рынке труда, что обостряет проблему безработицы. При этом повышаются требования работодателей, появляется необходимость в новых квалифицированных кадрах для работы с автоматизированными системами, что приведет к пересмотру отрасли образования [9, с. 18]. На рынке труда будут востребованы профессионалы с системным мышлением, готовые учиться новому и осваивать сложные процессы.

[10] Shell передает управление в руки алгоритмов. Режим доступа: http://vneftegaze.ru/content/shell-peredaet-upravlenie-v-ruki-algoritmov/ (дата обращения: 15.11.2019).

[11] Век цифровизации. Microsoft поможет ExxonMobil в разработке Пермиан // Нефтянка. 18.03.2019. Режим доступа: http://neftianka.ru/vek-cifrovizacii-microsoft-pomozhet-exxonmobil-v-razrabotke-permian/ (дата обращения: 15.11.2019).

[12] Баталов Д. Цифровизация как ключевой фактор успеха в нефтегазовой отрасли. ЛУКОЙЛ, 24 с. Режим доступа: https://itforum.admhmao.ru/upload/iblock/a56/2_batalov.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

[13] Мельникоа Ю. «Газпром нефть» на пути комплексной цифровой трансформации // Comnews. 12.02.2019. Режим доступа: https://www.comnews.ru/content/117677/2019-02-12/gazprom-neft-na-puti-kompleksnoy-cifrovoy-transformacii (дата обращения: 15.11.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

Согласно исследованию консалтинговой компании *Gartner* в 2020 г. использование искусственного интеллекта приведет к уничтожению 1,8 млн рабочих мест. Но в то же время благодаря тому же искусственному интеллекту появятся новые рабочие места, к 2020 г. будет создано 2,3 млн рабочих мест, связанных с использованием искусственного интеллекта. А уже в 2025 г. разница между новыми и исчезнувшими рабочими местами составит 2 млн в пользу первых. Кроме того, к 2020 г. почти 50 % сотрудников перейдут на облако, и менеджер по персоналу должен будет уметь не только формировать гибкие организационные единицы в соответствии со стратегией развития, но и переформатировать существующие в режиме реального времени[14]. Таким образом, у искусственного интеллекта в сфере управления персоналом имеются большие перспективы развития.

Литература

1. Денисов А. Ф., Кардаш Д. С. Анализ практик применения цифровых технологий в отборе персонала // Экономика и управление. 2018. № 6. С. 26–37.
2. Донской Д. В. Об интеллектуализации компьютерных систем управления персоналом // Евразийский союз ученых. 2016. № 1-1. С. 44–46.
3. Толкунова Е. Г. Управление персоналом в эпоху цифровой экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6-1. С. 138–143.
4. Балаганская В. С., Чуланова О. Л. Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и риски // Новое поколение. 2019. № 20. С. 19–24.
5. Берзина М. Е., Иванова И. И., Устратова И. А., Мельничук А. В. Роль искусственного интеллекта в сфере управления персоналом // Новое поколение. 2019. № 20. С. 25–31.
6. Сидоренко М. Ю., Макушкин С. А. Технологии использования искусственного интеллекта в системе подбора и обучения персонала // Новое поколение. 2019. № 20. С. 71–76.
7. Чуланова О. Л., Фомина Е. В. Возможности применения VR и искусственного интеллекта в управлении персоналом // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 3. С. 3–7.
8. Загребельная Н. С., Ефимова Н. В., Шевелева А. В. Основы экономики фирмы. М.: МГИМО-Университет, 2016. 478 с.
9. Зубков В. Г., Зубков Г. В., Шевелева А. В. Информатизация образования – инновационный путь развития России // Инвестиции и инновации. 2015. № 5. С. 18–21.

Practical Application of Artificial Intelligence in Human Resource Management of Oil and Gas Companies

Anastasia V. Sheveleva [a, @, ID]; Vladimir S. Shevelev [a]

[a] Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454

[@] a_sheveleva@rambler.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-7322-7033

Received 21.11.2019. Accepted 12.12.2019.

Abstract: The relevance of the study is determined by the need for digital transformation of oil and gas companies, which is a key success factor in the current economic and geopolitical situation. The desire of oil and gas companies to increase the economic and operational efficiency of their activities makes it appropriate to introduce digital solutions, in particular artificial intelligence technologies. In this regard, the research objective was to study issues related to the use of modern information and communication technologies, in particular, artificial intelligence technologies in the Human Resourse (HR) management of oil and gas companies. The authors used systematic approach, which allowed them to fully review and consolidate such diverse elements as artificial intelligence technologies, oil and gas companies, and HR management. The article reveals the concept of artificial intelligence, identifies its advantages and disadvantages, and shows the main directions of its application in HR management. It also focuses on the main solutions for the largest software development companies with elements of artificial intelligence and gives practical examples of their current use by various companies. The research proved that artificial intelligence technologies, despite their shortcomings, generally have a positive impact on the functioning of the HR management system of oil and gas companies and increase its effectiveness. The materials can help oil and gas companies to improve their HR management system.

[14] Gartner: Искусственный интеллект создаст рабочие места. Режим доступа: https://www.if24.ru/gartner-iskin-dast-rabotu/ (дата обращения: 16.11.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

Keywords: management, information and communication technologies, digitalization, digital transformation, Veriato, SAP

For citation: Sheveleva A. V., Shevelev V. S. The Practice of Using Artificial Intelligence in the Field of Human Resource Management of Oil and Gas Companies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 354–360. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-354-360

References

1. Denisov A. F., Kardash D. S. Analysis of application of digital technology in recruitment. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, (6): 26–37. (In Russ.)
2. Donskoy D. V. On intellectualization of computer systems of personnel management. *Eurasian Union of Scientists*, 2016, (1-1): 44–46. (In Russ.)
3. Tolkunova E. G. Personnel management in the digital economy era. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2019, 9(6-1): 138–143. (In Russ.)
4. Balaganskaya V. S., Chulanova O. L. Artificial intelligence in personnel management: opportunities and risks. *Novoe pokolenie*, 2019, (20): 19–24. (In Russ.)
5. Berzina E. M., Ivanova I. I., Ustratova A. I., Melnichuk A. V. Role of artificial intelligence in the sphere of human resource management. *Novoe pokolenie*, 2019, (20): 25–31. (In Russ.)
6. Sidorenko M. U., Makushkin S. A. Technologies for the use of artificial intelligence in the system of selection and training of personnel. *Novoe pokolenie*, 2019, (20): 71–76. (In Russ.)
7. Chulanova O. L., Fomina E. V. The possibility of using VR and artificial intelligence in personnel management. *Journal of economic studies,* 2019, 5(3): 3–7. (In Russ.)
8. Zagrebelnaya N. S., Efimova N. V., Sheveleva A. V. *Fundamentals of firm Economics.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2016, 478. (In Russ.)
9. Zubkov V. G., Zubkov G. V., Sheveleva A. V. Informatization of education-innovative way of development in Russia. *Innovation & Investment*, 2015, (5): 18–21. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
morea@inbox.ru
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска: Лоншакова К. А., Митько Н. В.,
Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 16.12.2019.
Дата выхода в свет 17.12.2019.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 11. Уч.-изд. л. – 9.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
http://kemsu.ru.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.